

[Polaris]

Г. БЕРСЕНЕВ

ПОГИБШАЯ СТРАНА

Затерянные миры
Том III

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XXI

Salamandra P.V.V.

Г. Берсенов

ПОГИБШАЯ СТРАНА

Затерянные миры

Том III

Salamandra P.V.V.

Берсенов Г.

Погибшая страна: Научно-фантастический роман (Затерянные миры, т. III). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 217 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XXI).

Рубеж XXI века. Советская экспедиция на «Фантазере», удивительном гибриде самолета и подводной лодки, погружается в глубины Индийского океана. Путешественники находят не только руины ушедшей тысячи лет назад под воду Гондваны, но и... мумии ее обитателей. Молодой физиолог Ибрагимов мечтает оживить мумифицированное тело прекрасной девушки-историка.

Роман, ставший предшественником «Тайны двух океанов» Г. Адамова, продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций произведений, которые относятся к жанру «затерянных миров» – старому и вечно новому жанру фантастической и приключенческой литературы.

Т. БЕРСЕНС

ПОГИБШАЯ СТРАНА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1930

ПОГИБШАЯ СТРАНА

ОТ РЕДАКЦИИ

Жюль Верн почти на столетие опередил действительность своего века. Описанные им полеты в междупланетные пространства, аэро-авто-подводные лодки и пр. не осуществлены еще и поныне, хотя научная мысль стоит уже на пороге их осуществления. Но даже необычайно разносторонняя и острая фантазия французского романиста не могла предугадать все, что ежедневно несет нам непрерывно крепнущая мощь научного знания.

Если развитие техники наших дней во многом еще совпадает с линиями, намеченными прозорливой фантазией французского романиста, то другие науки, в том числе биология, сделали скачок, далеко опережающий то, что могла вообразить самая смелая мысль человека XIX века.

Правда, еще в первой половине этого столетия, в год рождения автора «Необычайных путешествий», знаменитый германский химик Велер осуществил идею, которую весь ученый мир того времени считал достоянием лишь «фантазеров» и «утопистов»: идею искусственного, лабораторного приготовления (синтеза), органических, живых веществ. Но все же и к концу прошлого века научная мысль не могла еще предполагать те возможности искусственного оживления умерших тканей, какие открылись в наше время благодаря опытам проф. Карреля, Кулябко, Словцова и др.

Роман Г. Берсенева «Погибшая страна» продолжает линию этих опытов, рисует увлекательную картину оживления не отдельных органов и тканей, а целого человеческого организма — мумифицированного тела доисторической женщины, извлеченной со дна океана в результате поисков и исследования затонувшей когда-то — Гондваны.

Разумеется, так поставленный вопрос не является еще научной проблемой сегодняшнего или даже завтрашнего дня. Точнее говоря, при современном состоянии научного знания такая задача должна быть признана неосуществимой. Но полет фантазии и в этом случае не является бес-

плодным. Он – своего рода заказ, задание будущим поколениям, веха, ориентируясь на которую, может идти вперед научное мышление. Не все то, что неосуществимо для нашего времени, является неосуществимым на все времена. Наконец, задания, неосуществимые полностью, могут оказаться осуществимыми частично. За какой-нибудь десяток лет до первого полета братьев Райт казалась совершенно неразрешимой задача полета на аппаратах тяжелее воздуха без помощи заключающих в себе газ полостей. До открытий Попова и Маркони никто не мог представить себе деятельность радио в его теперешнем размахе. Между тем, все эти «невозможные» для своего времени явления в наши дни стали уже будничной реальностью.

Мы считаем поэтому плодотворной задачу автора книги, задержав мысль читателя на успехах современной биологии, показать эти успехи в дальнейшем развитии, – пусть гипотетическом и «фантастическом», но не лишенном большой доли внутренней логики. Не надо забывать, как часто научная мысль шла по следам утопий, как часто фантазия выполняла роль разведчика для точного знания.

Попутно с этой основной задачей книга Г. Берсенева знакомит читателя с некоторыми геологическими понятиями и расширяет знакомство с разнообразной и богатой жизнью морских недр. В этой области научное знание также сильно обогатилось сравнительно с тем, что было известно раньше и о чем мы в свое время читали в увлекательном романе Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой».

Нет таких отдаленных явлений,
до познания которых нельзя
было бы достичь...

Декарт

I

Летом 19.. года спускали в Ленинграде на воду глубоко-водное судно. Не только конструкцией, но и видом своим «Фантазер» (так назывался корабль) не напоминал ни одного из современных морских гигантов. Прозрачный цилиндрический корпус электрохода был приспособлен и к путешествиям под водой, и к поверхностному плаванию, и к передвижению на суше, и даже к высоким заоблачным полетам. Один поворот выключателя – и дирижаблеподобная подводка превращалась в могущественный танк, стекло-видный остов которого мгновенно покрывался стальным футляром с зубчатыми шестнадцатигранными колесами.

Перед доком толпились делегации. Шумный говор, возторженные восклицания обличали представителей многих народностей. Здесь находились и русские, и англичане, и немцы, и многие другие. Вряд ли на торжестве не была представлена хотя бы одна из европейских республик.

Самой оживленной была корпорация научных деятелей. Поместившись около верфи, ученые внимательно следили за подготовкой к спуску. Здесь сошлись люди, известные друг другу по заслугам, но незнакомые. Естественно, встреча рождала темы для разговоров. Разноплеменность не играла роли: один язык, подобный современному «эсперанто», объединял всех.

Вечерело. Док озарялся огнями. Вырезались сказочные очертания колоссов-построек в мазках зари.

Капитан Радин, выдержанный и скупой на слова, сегодня был необычайно словоохотлив. Слишком необыденными были впечатления, чтобы не обменяться мыслями с товарищами. Внимание морского волка поглощала не многоязыкая толпа, не готовящееся торжество, превосходившее все виденное до сих пор. Он с головой был поглощен другим. Уже не одни сутки провел Радин в стекляризованном остове подводного судна, обучаясь сам и обучая команду. Несколько дней непрерывного изучения не могли сгладить грандиозности впечатлений.

Еще не стала прозаичной идея изобретателей аэроподводки.

Острота гениальных открытий стирается только после того, как люди привыкают к использованию изобретения. Тогда сразу спадает завеса новизны, гениальности. К открытию привыкают, считают его естественным, ничем не поражающим.

Капитан Радин не обрел еще такого отношения к «Фантазеру». Поэтому-то он с беспокойством и думал теперь о том, как он справится с новым судном в морских глубинах?..

Около тридцати лет тому назад капитан был в последний раз в столице Севера. Почти ничто не напоминало теперь прежнего Ленинграда. На месте знакомых трех-четырёхэтажных домов высились своеобразной архитектуры небоскребы. Будто грандиозные декорации заслонили вспоминавшиеся очертания улиц. Однако не только дома, но и заводские сооружения, иное расположение скверов, улиц и площадей – все стирало меркнувшее представление о прошлом.

Если и лепились кое-где еще затерявшиеся постройки первых лет революции, то они так же нелепо и рахитично выглядели среди своих соседей, как в наши дни одноэтажная деревянная хибарка среди десятиэтажных домов.

Понятно, Радин ожидал перемен. Не пассивным свидетелем реконструктивной эпохи являлся он. Но там, в его родном Архангельске (кстати сказать, тоже переродившем-

ся за последние десятилетия), все изменялось на его глазах, год за годом, резких перемен не замечал он.

– А здесь? Только взгляните! – говорил капитан познакомившемуся с ним физиологу Ибрагимову.

Феерические очертания зубчатых и плоскокрыших башен, буйная паутина антенн, сетчатые виадуки перекидных мостов, причальные мачты для аэростатов – разве это походило на то, что было в двадцатых годах двадцатого века?

В провалах, в сумраке расплывающихся этажей гигантскими цикадами кувыркались расточающие свет самолеты. Над оловянной ширью Невы реяли эскадрильи разноцветных авиэток, маневрировали сотни речных скорлупок – судов.

Высоко в небе, почти на границе перистых облаков, где ломались щупальца прожекторов, таяли красочные буквы «USSR».

Отражаясь огнями в реке, сгорал цветистый фейерверк.

– Я опасюсь только одного – агрессивных действий Американских Штатов! – сказал капитан. – Изобретение «Фантазера» заставит призадуматься заатлантических буржуа!

– Во что после этого превращается их морское могущество!? – возразил Ибрагимов.

– Но ведь Советский Союз обращает техническое превосходство на цели мирные. Американский капитал не может помириться с успехами советов. Там все приспособлено к молниеносной мобилизации технических средств! – ответил Радин. – Если бы им стал известен секрет теотона...

– Держитесь начеку! Большой ценой заплатят буржуа за тайну «Фантазера»... Смотрите, не попадитесь!..

Вдруг с резким гулом взметнулся к небу бенгальский контур фантастического корабля. Горящий фейерверк застыл в высотах, затем метнулся к западу и с треском разорвался. Дождь красных, синих, желтых искр посыпался в Неву.

– Салют! Салют!

– Внимание!..

– Начало!.. – катилось по рядам.

Почти неотличимо от света пасмурного дня сияли доковые фонари.

– Идемте!

Капитан и Ибрагимов направились к верфи, где, выстроившись, стояла команда «Фантазера». На глазах восторженных зрителей они надели водолазные костюмы.

Играл оркестр. Десятки тысяч собравшихся наблюдали за каждым движением участников необыкновенной экспедиции.

Огни везде погасли. Электроход блистал теперь один. Будто сияло небесное светило – так ровен был излучаемый «Фантазером» свет. Отдельных источников лучей – прожекторов – заметно не было. Всей массой, всем остовом своим блистал прозрачный электроход. И казалось, будто бледными пятнами покрылся он, когда отряд экспедиции погрузился в его чрево.

Вся набережная, до самых отдаленных уголков, наполнилась ликующими звуками. Сотни громкоговорителей выбрасывали слова ораторов, разъясняющих значение того, что сейчас происходило.

Отделившись от дока, «Фантазер» плавно качнулся в воздухе, с нарастающей скоростью уносясь к облакам. Ни одного огонька! Только спокойный овал дирижабля рассточал ослепляющие лучи, меркнущие по мере удаления и трепещущие, как мерцание звезд...

Полотнища туч разорвались. Народился июньский месяц. Ниже его переливался фосфорическим блеском электроход.

Над городом хмурились сумерки. Город тонул во мраке. Но никто не замечал разливающейся тьмы. Взоры всех обращены были вверх, туда, где гигантской мельницей кружил воздушный корабль. Еще минута – и едва заметная искорка погасла. Лунный свет озарил Неву.

.....

Вырастающий и разгорающийся «Фантазер» метеором скользнул в угрюмые волны. Мутнеющие блики брызнули по водной поверхности. И все исчезло.

Столпившиеся на набережной замерли. Взоры всех невольно тянулись к едва уловимой полоске подводного света. Подобно молнии чертила она поверхность. Вдруг фейерверком вспыхнуло изображение сказочного корабля, но далеко от места его падения.

– Это он! «Фантазер»! – пронеслось гулом по набережной.

Оттуда уже на двух моторках приближалась к берегу команда.

Городские огни снова зажглись.

Сопровождая изобретателя и строителей электрохода, отряд направился с набережной во Дворец Труда: в честь отъезжающей экспедиции устраивался банкет. Встреча носила интимно-товарищеский характер. Приветствия трогали простотой, глубокой уверенностью в ожидающих экспедицию успехах.

Аудитория состояла наполовину из гостей-иностранцев. Большинство их являлось выходцами из Латинской Америки. Изможденный вид их вполне подтверждал сообщения утренних газет, извещавших о том, каким издевательствам и лишениям подвергались они в тюрьмах за простое участие на конгрессе профсоюзов капиталистических Соединенных Штатов. Им удалось бежать в СССР на одном из мятежных крейсеров, принимавших участие в подавленном восстании.

Только сегодня прибыли они в страну советов и сразу попали на торжества, посвященные экспедиции...

Многое увидели они сегодня. И вполне понятным было выступление старика-мексиканца, горячо говорившего:

– Вот, товарищи, как применяются в СССР научные достижения. Не в милитаристских целях, не ради вооружений... Как видите, едва только стало возможным, в первую очередь снаряжается научная экспедиция. По сметам наших правительственных учреждений на научные изыскательные работы отпускаются в тысячи раз меньшие сум-

мы, нежели на военное дело. Представьте, что можно было бы сделать, если бы средства, затраченные только на одну последнюю бойню, были направлены на цели культурной революции!

После ужина группа американцев решила совершить небольшую экскурсию. Ибрагимов и Радин присоединились к ней. Капитану тем более улыбалось это, что он и сам не раз подумывал об этом, а времени в его распоряжении оставалось немного: на следующий день экспедиция уходила из Ленинграда.

Шумной гурьбой высыпали экскурсанты из Дворца Труда. Достаточно было свернуть в ближайшую боковую улицу, чтобы серия самых разнообразных впечатлений привлекла их внимание.

Прежде всего поразило иностранцев полное отсутствие на улицах транспортных средств. Это было ново для «отсталого» СССР, каким рисовала его все время капиталистическая печать САСШ.

– В городах СССР земля прежде всего для пешеходов! – разрешил их недоумение проводник. – Для авто, железных дорог, трамваев и прочих машин – двумя ярусами ниже! – Он, смеясь, указывал на тоннель: – Иначе разве можно было бы здесь перейти на противоположную сторону?

– Или вот, смотрите! – воскликнул Радин, поддерживая оступившегося Ибрагимова и сам чуть не падая вместе с ним.

Над небоскребами возвышались громадные воротообразные мачты. Провода пересекались в различных направлениях. Над домами мелькали подвесные трамваи, в высоте извивались аэропланы, реяли в воздухе парашюты, на которых с курьерских авиэток выбрасывались пассажиры. Ежеминутно с плоских крыш взвивались по вертикалям аэромашины. Другие так же уверенно опускались. Аэродромы отжили свой век давным-давно.

Оглянувшись, Ибрагимов заметил, что, кроме Радина, возле него нет никого.

Как они отстали от экскурсии? Ни они, ни экскурсия сейчас не двигались. Как же могло отделить их друг от друга расстояние без малого в километр?!

Он невольно двинулся с места, желая вернуться к отставшим. В то же мгновение он ощутил легкий толчок и, стремясь сохранить равновесие, остановился. К крайнему своему изумлению, он начал обгонять стоящего капитана.

– Вот в чем дело?! – расхохотался он, глядя на опешившего моряка: – Да ведь мы с вами шагнули за эту границу!

Тротуар оказался разделенным углублениями на три дорожки. Они, не заметив, шагнули на различные движущиеся плоскости его.

– Я читал об этом нововведении, но упустил это из виду.

Капитан укорял:

– Ну, я-то провинциал! А вы, человек с высшим образованием, и вдруг не знали таких простых новшеств!

Уже успевший, несмотря на свою молодость, составить себе крупное ученое имя, Ибрагимов оправдывался:

– Я ведь учился-то в N-ске...

И он назвал один из мелких окружных городов Дальневосточной области.

– Не приходилось бывать раньше в столицах.

Они углубились в лес. Перед ними расстилалась аллея, окаймленная с обеих сторон густою зарослью хвойных деревьев. Закрытое облаками небо едва мутнело, в аллее разливался исходивший из невидимых источников мягкий фосфорический свет. Если бы не хмурый небосклон, можно было подумать, что это светила из-за прозрачных туч луна.

Капитан молчал. Воспоминания далеко ушедшей юности охватили его.

Как не похож был нынешний Ленинград на тот, который покинул он в 1913 году!

Перед глазами капитана всплывали картины, виденные им накануне. Он опускался в подземную часть города. Гигантская галерея открывала свои подземные ходы. Пересекаясь во всех направлениях, образовывая залитые молоч-

ным светом площади и улицы, кипел обыденной жизнью «нижний» Ленинград.

Легкие порывы свежего надземного ветерка ласкали сейчас его щеки так же, как и там, в человеческом муравейнике.

– Лет сорок тому назад приходилось бывать мне здесь, – сказал Радин. – Насколько я могу ориентироваться, места эти представляли собою тогда городскую свалку. Разило кругом ужасно!.. А близлежащие улочки кишели хулиганьем, накипью темного прошлого... Разве можно было пройти так в те времена? Финка в бок – и готово... Вы, небось, и понятия не имеете... Словечки!.. Язык – показатель культуры.

– Далеко ли нам еще идти? – спросил Ибрагимов. – Я начинаю уставать.

Вместо ответа Радин извлек из кармана крохотный микрофон и, включив его в механическую телефонную сеть, вызвал такси. Через две-три минуты они уже покачивались на кожаных мягких сидениях.

Парк кончился. Начиналась жилая часть города. Да, именно жилая. Потому что в черте деловых небоскребов никто не жил... Там был «город работы».

Автомобиль скользил по асфальту аллеи. Сплошной цветник; аромат неотцветших акаций, плотной завесой скрывавших изящные одноэтажные дома; спортивные площадки; бассейны; мерцающие огнем алмазов иллюминированные фонтаны мелькали, вспыхивали, таяли...

– Вот мы и дома! – буркнул радостно Радин, но тотчас же на его лице мелькнула тень недоумения.

– Что такое? А где же дом?

Шофер обернулся, улыбаясь.

– Разве вас не предупредили о переезде?

– Ах, да!.. Я и забыл! – спохватился Радин и объяснил спутнику:

– Наш проспект сегодня перевезли километров на пять-шесть отсюда. Мы можем, пожалуй, догнать наш дом...

Шофер повернул руль, авто нырнуло в просеку, и вновь замелькали разнообразной архитектуры домики.

– Город растет, – рассуждал капитан, – наш проспект давно надо было снести: мешал обводному каналу. То, что вы увидите сейчас, практикуется еще с первой четверти XX века... Начало идет из Америки. В тысяча девятьсот двадцать третьем году городишко Дженинг таким же образом переселился за пятьдесят километров со скоростью десяти километров в час. Больницы, школы, дома – все «переехало».

Вдали золотилась цепочка огней. Такси нагоняло совершенно необычайный транспорт. На громадных движущихся платформах, прицепленных к тракторам, жили обычной жизнью кочующие дачники. Так как транспорт уже подошел к заранее подготовленному участку, тракторы стали по очереди останавливаться. Один за другим сползали на подготовленные заранее фундаменты домики. Через четверть часа новый порядок домов расположился среди цветников до следующего путешествия.

Радин потащил Ибрагимова осматривать свое убежище. Всюду уют, чистота, удобства. Вместо прежних печей – полированные плоскости электрогрелок с центральной городской отопительной станции. Окна огромные, почти во всю ширину стен. Потолок матового стекла давал ровный свет, одинаковый днем и ночью.

Все было создано с расчетом как можно меньше обременять человека хозяйственными заботами: ни стесняющей движений громоздкой мебели, ни раз навсегда распланированной площади, ни грохота улиц... Простое включение штепселя позволяло перемещать в любом направлении самораздвигающиеся стены, окна и двери. В искусно скрытые ниши вдвигались душ, ванна, излишние в дневном обиходе предметы.

Над кромкой парка сгорала заря. Ибрагимов заметил, что отблеск ее одинаков, осколок лесного массива виднелся со всех сторон, в какую бы из комнат они ни зашли. В погоне за солнечным светом вращался фасад, а стекла всегда пропускали целебные ультрафиолетовые лучи.

Заря померкла. И одновременно с ней потемнела перламутровая роспись потолка. Как в планетарии, в матово-

серебристых высотах вспыхнули первые россыпи звезд. Стеклокризованный свод бесшумно раздвинулся – прохлада ночи наполнила здание. С такою же быстротой и легкостью прильнул потолок к венцам, меняли окраску покрытия. Как будто мгновенно переносились они от водных просторов морей к оранжево-желтым пескам Сахары.

Радин подошел к выключателю. Легкое кресло едва коснулось ног Ибрагимова и заняло именно то положение, какого желал профессор.

Формы, окраска предметов, их легкость, перемещаемость – все отвечало самым щепетильным требованиям.

– Столица намного опережает провинцию, – сорвалось с уст Ибрагимова. – У нас грандиозные здания, здесь – приближение к типу города-сада. Даже не то – какие-то новые, блуждающие города...

– Взгляните туда! – перебил капитан.

Направо в четверти километра от дачи высились многоэтажные ступенчатые громады домов-коммун. Причудливые арки подъемных мостов в рассеянном свете вольтовых дуг переплетались, соединяя лесные кварталы. В отличие от косных традиций эти дома являли собою лицо современного строя. И если с первыми общество только мирилось, вторые полностью выражали бесклассовую культуру. Человек стал свободным. Стирки, кухонных мелочей, нянек не знала семья – институт домашних прислуг давным-давно отмер...

– Ну, городских диковинок я насмотрелся сегодня! – сказал утомленно профессор, когда окончился осмотр. – За город бы сейчас, куда-нибудь в девственный лес, к пустынному озеру, в горы!..

Капитан позвонил на аэростанцию.

Двухместная авиэтка бесшумно осела на крыше.

Ибрагимов и Радин поднялись наверх, уселись в кабинке и взвились...

Миллионами огней раскинулся под ними Ленинград. Замысловатыми фигурами переливалось огневое кружево деловой его части. К западу оно граничило с черным провалом моря. Ловко лавируя среди густой стаи авиомашин,

Радин описал круг над столицей. На минуту запечатлелся фантастический разрез деловой части города.

Обрываясь у набережной, Ленинград распахивал подземное чрево своих многоярусных и разнокалиберных туннелей.

На ночном фоне вычерчивались и исчезали многоэтажные кварталы небоскребов.

Путешественники неслись к Уралу. К рассвету они достигли Свердловска. Сплошная лента тайги рассекалась надвое узенькой ниточкой сибирской магистрали.

Некоторое время спустя авиэтка парила уже над гладью лесного озера. Покружившись над ним несколько минут, она тихо плеснулась в его прозрачные воды.

Когда путешественники ступили на землю, голова Ибрагимова кружилась. Утренняя прохлада веяла в разгоряченное лицо, пряные запахи хвои пьянили.

Обессиленный Ибрагимов старался приоткрыть слипающиеся веки. Засыпающее сознание смутно фиксировало обрывки впечатлений. Он слышал сквозь сон, как бултыхался в холодной воде, купаясь и фыркая от удовольствия, Радин. Порой ярко вспыхивали картины виденной им столицы.

Приятная нега сковывала тело.

Уже во сне он подумал:

«А ведь в юные годы капитана люди знали еще деньги, нужду, зависимость».

Казалось ему, что он слышит чей-то невнятно бубнящий голос.

Это Радин кричал ему на ухо:

– Как бы не проспать нам экспедиции! В десять вечера назначен отъезд!..

Однако смысла этих слов Ибрагимов не понял. Только шелест тайги еще несколько мгновений слышал он. Но и тот утонул в прекрасном ощущении покоряющего здоровое тело сна.

II

«Фантазер» плавно покачивался на спокойной глади Индийского океана в сотне миль южнее группы Тинейских островов*. В розовых тонах утренней зари его голубоватый цилиндрический корпус казался гигантским чудовищем, одиноко вынырнувшим на застывшую поверхность. Прямоугольным треугольником отражал белесый горизонт зеркальный перископ, открывающий вид на всю водную ширь.

Когда солнце склонилось за полдень, за перископом выросли металлические мостки, развернувшиеся в квадратную палубу.

Вскоре один за другим появилось на ней несколько моряков, усевшихся на опущенных пружинных сидениях вокруг небольшого столика.

– Итак, это последний ваш завтрак на «Фантазере», – обратился к спутникам капитан Радин, наливая чашку кофе. – Через час мы расстанемся надолго.

– Может быть, навсегда! – улыбаясь, сощурил глаза Иванов. – Сомневающимся в нашем успехе есть еще время отказаться. Экспедиция – дело риска. Не учти малейшей мелочи, смерть неизбежна. Ну, как же, товарищи? – посмотрел он строго на своих собеседников. – Все ли готовы?

Вопроса можно было не задавать. Среди участников экспедиции не было колебаний. Наоборот, всех захватывала ее цель. Если распри и наблюдались, так только из-за права участия.

– Наша цель чересчур интересна и необычна! – отзывался Ибрагимов. Его больше, чем остальных, привлекала та исключительная легендарность, которая обычно связывалась с подводным миром. Вряд ли кто из присутствующих был так посвящен в мифологию, как этот застенчивый юно-

* «Тинейские» – название вымышленное (*Прим. авт.*).

ша. Его пыл охлаждался лишь слишком узкими задачами их экспедиции, предполагавшей ограничиться чисто геологическими изысканиям.

– Атлантида и Пацифида...

В этот день, когда «Фантазер» на путях к Тинию скользил среди золотистых, будто расплавленных солнцем каналов Маледивских островов, Ибрагимов не спускал глаз с фиолетовой дымки далей, робко развертывавших тропическое величие экваториальных атоллов.

«Здесь океанские волны поглотили Гондвану, колыбель рода человеческого», – думал он.

И ему казалось, что гибель этого материка сходна с гибелью другого, меркнувшую память о котором сохранили до наших дней предания...

«Так же, как и Атлантида, – рисовал он себе, – в катастрофе грандиозных землетрясений погрузились в пучину девственные равнины и горы погибшего государства и стекловидные пласты застывшей лавы предали историю древнейшей культуры вечному забвению».

Ибрагимов не находил себе места.

Он не мог понять равнодушия своих коллег. Он пытался заразить своим возбуждением путешественников и не мог успокоиться: как это ни разу до сих пор ни одна экспедиция не пыталась сдернуть завесу с тайн Атлантиды? Если Атлантида – еще легенда, это совсем не значит, что Гондвана – миф... Доказано же, что именно здесь, в этих местах, впервые родился человек, впервые зажглась могучая мысль... Разве нельзя попутно с научными обследованиями отыскивать ключ к древнейшей загадке?

«Может быть, – думал он, – нам придется посетить воды Великого океана... За тысячи километров от Австралии заброшен маленький остров Пасхи. Занимающий площадь в сто квадратных километров островок затерялся в водном просторе. Он показателен. Он интересен тем, что на этом отрезанном от всего мира колоссальными расстояниями и глубинами клочке земли среди дикой природы разбросаны памятники необычайно древней культуры».

Они невольно всплывали перед его глазами. Он думал, и сам, казалось, видел сейчас этих свидетелей далекого прошлого.

– Остров этот в шестидесятых годах девятнадцатого века изучал Галистон, оставивший после себя блестящее описание. Путешественник обнаружил на скалистом треугольнике больше пятисот многосаженных каменных статуй, расположенных на огромных трахитовых помостах.

Большинство статуй представляло собою высеченные человеческие фигуры. В их площадях-фундаментах помещались склепы с остатками человеческих скелетов... Остров Пасхи покрыт серией потухших вулканов, и на склонах некоторых из них лежат свалившиеся незаконченные статуи и полуотесанные глыбы.... Кто мог создать все это?

Туземцы острова в девятнадцатом столетии были малокультурны. Они были неспособны на сооружение подобных памятников... Видимо, склепы создавались людьми, останки которых в виде обызвестковавшихся скелетов найдены в каменных могилах... Такое предположение является, пожалуй, наиболее верным, так как строение скелетов и очертание статуй одинаковы: резко удлинённая нижняя челюсть, выдающиеся подбородок и надбровные дуги.

Предание туземцев повествует о том, что вождь Хату-Матуа пятьдесят семь поколений назад завоевал остров у длинноухих черных людей... Дикие жители Океании чтят память предков... Но они ко времени Галистона еще не достигли такой культуры, чтобы воздвигать памятники. У них сохранились письма их прародителей... Недостроенные склепы, древняя письменность – все говорило о том, что предки были много могущественнее и культурнее современных обитателей Пасхи.

Аналогичные памятники разбросаны и по другим островам Полинезии. Невольно рождается предположение, что острова эти – осколки когда-то погибшего материка...

Приближалась минута погружения электрохода.

Сигнал заставил всех разойтись по местам.

Взоры путешественников были обращены теперь к югу, где кувыркалась в зеленых волнах стая прожорливых акул.

Чайки с криком метались над водами, выбирая безопасное место. В жарком переливчатом воздухе горбились пепельные дуги атоллов.

– Платон в «Критии» передал рассказ одного жреца Солону о громадном острове Атлантиде, который исчез вследствие землетрясения, – сказал Ибрагимов. – Диодор и Плиний тоже говорили об этом. По их словам, Атлантида была больше Азии с Ливией вместе.

Иванов снисходительно рассмеялся:

– Смотрите, разложите вы нам всю экспедицию! Юнги только и бредят археологией.

– А как же не бредить? Мало ли интересного скрывается под водами Индийского океана, покрывающими площадь в семьдесят с лишним миллионов квадратных километров?!

Молодой ученый заметил возрастающий интерес к его словам и позволил себе рассказать кое-что о погибшей когда-то стране Атлантиде.

– Недавно французский профессор Ля-Планжон, – сказал он, – расшифровал манускрипт майя, найденный в Центральной Америке. В этой ценнейшей находке также упоминается об Атлантиде. Вот что написано было в ней:

«...В шестом году Кау в месяце Цак произошли землетрясения до 13 Куена. Холмы и области Мюд погибли. После двух сотрясений они исчезли в ночи, сметенные подземными огнями. Бездна поглотила и оставшиеся земли. Погибло шестьдесят четыре миллиона людей. Это было за восемь тысяч лет до записи...»

Христианская библия тоже повествует о всемирном потопе... Важно то, что сходные с библейскими сведения о нем имеются и в древнейшем памятнике письменности. Обнаруженные при месопотамских раскопках тысячи глиняных дощечек из библиотек ниневийских и вавилонских царей, как оказалось, в своих загадочных клинообразных записях хранили повествование древнего старца Хазис Адра о грандиозном наводнении, якобы вызванном хлынувшими из образовавшихся в земле трещин водами. Сказания эти упоминали также о появлении густой черной

тучи и о сильнейших бурях, обычных спутниках землетрясения...

Ибрагимов сумел рассказом окрылить работу фантазии.

Забыв о завтраке, собеседники смотрели в синюю даль, где вода граничила с небом. Океан был спокоен, волны едва поплескивали в борта судна. Громадные стаи морских птиц торопливо летели к западу.

Радин узнал буревестников и хмуро сказал:

– Через час – полтора будет буря! Ишь, как торопятся!

– Нам-то бояться нечего! – прервал геолог. – В глубине неопасно... А «Фантазеру» страшна разве только атлантидская катастрофа. Спуститесь метров на пятьдесят в глубину, вот и все.

– Все же вам лучше отправиться, пока океан спокоен. Пора!

Исследователи спустились в открывшийся близ перископа люк и прошли в кабинет экспедиции. Они шли по широкому коридору, расположенному в направлении оси цилиндра судна. Утренний свет, проникая через застекленные потолки, бросал квадратами мягкие тени защитной внешней сетки. Кольцеобразные поручни впивались в стены на каждом шагу. Мощные линзы прожекторов смотрели во всех направлениях, готовые к службе ежесекундно.

Все отправились по местам.

Радин и Ибрагимов в последний раз уединились в научном кабинете. Склонившись над картой Индийского океана, Ибрагимов говорил:

– Мы двинемся к западу. Если наши расчеты окажутся правильными, нам удастся продвигаться в течение суток на десять-пятнадцать километров. Стоит ли беспокоиться о прочности нашей связи с «Фантазером»?..

– Вы будете продвигаться вслед за нами. Единственная опасность кроется в недостаточном исследовании вопроса о влиянии глубоководной среды. Опустимся сразу на тысячу метров, выясним осуществимость задачи.

Густо-синяя полоса закрашивала избранный экспедицией тинейский участок океана.

– Пройдем еще раз в трюмную лабораторию, – пригласил Ибрагимов Радина, – окончательно испытаем чувствительность наших приборов.

Они опустили в центральную часть судна. Рассеянный электрический свет, подобный солнечному, осветил круглую комнату, посреди которой стояли два мощных икс-прожектора.

– Свет тысяча сто! – подал капитан в рупор команду. – Кормовой икс-прожектор на восемьсот!

– Есть, капитан!

Корпус «Фантазера» тотчас слегка дрогнул, осел. В лаборатории стало темно, а под стеклянным полом судна впились в океанское дно два остроугольно соединяющихся луча. Мутнея по мере удаления от поверхности, они сошлись в ярко-молочный круг, и смутные, едва различимые очертания подводной скалы мелькнули своей таинственностью.

– Юго-восток, угол тридцать! – приказал Радин.

– Есть, капитан! Глубина восемьсот пятьдесят...

Светящийся круг медленно заскользил в глубине, обнажая остроконечные дюны и теряясь в черных изломах расщелин.

– Выключайте!

Лучи померкли. Прозрачный хрустальный пол чернел океанской бездонностью.

– Видели?

– Видел.

Нельзя сказать, чтобы рассматривать неведомое дно представляло большое удовольствие. В особенности, когда мысль – пуститься в долгий путь в недостаточно проверенном снаряжении – господствовала над прочими соображениями.

В этот момент подошел всегда скептически настроенный геолог. Уловив на лице Ибрагимова кислую гримасу, он хлопал его по плечу и, щуря близорукие глаза, произнес:

– Лучше бы было спокойненько нырнуть туда на «Фантазер»! Все равно исследование поверхностных слоев океа-

на ничего нового не внесет: метите одновременно в двух зайцев...

Ибрагимов круто обернулся к собеседнику:

– Я советую еще раз тщательно осмотреть амуницию: собираемся не чай пить...

Надо было пройти в противоположную часть судна, минуя все службы электрохода.

Они шли вдоль шестигранной галереи, представлявшей как бы сосуд, втиснутый в футляр. Горизонтальная воображаемая ось ее заканчивалась с обеих сторон сложной системой автоматических закреплений, на которых она была подвешена к корме и носу судна.

Это позволяло галерее сохранять постоянно нормальное горизонтальное положение вне зависимости от положения судна. По такому же принципу были устроены и все остальные помещения «Фантазера». Поэтому ни шквалы, ни шторм не угрожали ему. В любых условиях весь внутренний корпус судна сохранял центр тяжести, вращаясь внутри оболочки футляра.

Едва только вступили они в галерею, как бешеный вихрь вздыбил перед электроходом волну. Высокие стеклянные стены окрасились в цвет морской пены, отбросив в пучину миллионы расплесканных струй. «Фантазер» накренился, но галерея бесшумно скользнула на шкивах; путешественники ощутили едва заметное колебание.

Снаружи за иллюминатором качнулись подводки-танки, крохотные копии «Фантазера», имеющие приспособления и для передвижения по суше. Каждый из них мог вместить до десяти водолазов. Обе подводки предназначались для обслуживания экспедиции. Капитан с гордостью указал на них:

– В тысяча девятьсот двадцать восьмом году итальянская подводка «Баллила» поставила мировой рекорд погружения, достигнув всего около ста метров... А изобретение теотона, вещества, нейтрализующего давление среды, позволит вам без всякого риска достичь дна хотя бы в глубочайшей впадине близ Филиппинских островов... на глубине девяти тысяч семисот слишком метров...

– Но мы не в Великом океане! – возразил Ибрагимов.

В это время прозвучал сигнал к сбору.

– В путь, в путь! Инструментарий команды проверен! – вскричал Ибрагимов и начал натягивать на себя мягкую эбонитовую одежду.

Через десять минут перед Радиным предстал горбатый великан с заячье-выпуклыми линзо-глазами.

– Странное ощущение... Когда вливается в полость костюма жир, он пищит и булькает как расстроенный желудок.

– Ничего. Зато будет тепло! – ответил Радин, помогая товарищу управиться с нейтрализующим костюмом.

Через четверть часа оба они приветствовали готовую к путешествию экспедицию. Деятнадцать восторженных лиц смотрели на них из шеренги. Каждый отправлялся на целых два месяца. Каждый был подготовлен к вполне самостоятельным действиям на случай какой-нибудь катастрофы. Каждый нес для себя все, начиная от научных инструментов и кончая пищей и оружием. И все это у каждого умещалось в небольшом ранце.

На квадратной площадке, где час назад завтракали руководители экспедиции, теперь собрались двадцать сиреноподобных существ. За бортом на металлических тросах колыхались привешенные танки-подводки.

– Группа тов. Ибрагимова, в путь! – передал микрофон команду.

Часть экспедиции погрузилась в подводки-танки.

– Опускай!

Шкивы бесшумно подались, танки шлепнулись по водной поверхности и медленно скрылись в воде. Десятеро остальных путешественников сошли на нижнюю площадку трапа...

Через минуту Ибрагимов поднял кверху глаза. Метрах в тридцати над ним, мерно покачиваясь, тонула вторая подводка. Стаи гигантов-рыб преследовали ее. Плескавшиеся вокруг «Фантазера» дельфины испуганно шарахались в стороны. Но вот из волнистого сумрака вдруг появилась акула и с жадным вниманием направилась к одинокому водолазу, провожавшему экспедицию.

– Сзади опасность! – крикнул ему Ибрагимов.

В тот же момент заметивший хищника моряк спокойно метнул навстречу чудовищу электро-щупальцы.

Играя хрупкими изолирующими наконечниками, провода обнажились при первом же прикосновении хищника. Как только пара соседних нитей, ударившись друг о друга и разбив свои колпачки, соединилась, рассыпав вокруг себя сотни трескучих молний, ослепленное животное в смертельном страхе бросилось прочь. Конвульсивные подергивания чудовища свидетельствовали о том, что разрядка энергии не прошла даром. Несколько совсем небольших безвредных рыбешек, бросившихся врассыпную при виде акулы, напоролись на провода, и их тела, запутавшись в нитях, затрепетали в предсмертной агонии, как мухи в паутине.

Это была первая отраженная экспедицией опасность. Встреча критическая для всех водолазов минувших времен, вплоть до середины девятнадцатого века, но не опасная экспедиции с «Фантазера».

Пятьдесят, сто, полтора метра показывал батиметр, прибор, отмечающий глубину. Подводки медленно опускались на дно. Сначала океанское течение относило их к северу. На глубине полутора метров действие его стало ослабевать и наконец прекратилось совершенно. Экспедицию начинало медленно относить к северо-западу.

Исследователей окружала зеленоватая среда, мутнеющая по мере удаления от поверхности. На глубине трехсот метров дневной свет померк. Еще в течение нескольких секунд угасающими точками искрились солнечные блики. Матовый горизонт таял. Все погружалось в абсолютную тьму. Иванов включил свет. Тусклые сиреневатые лучи ручного прожектора мягко рассыпались в тумане.

Гидро-манометр, показывая колоссальное давление поднимавшегося над танками водного столба, отмечал девятисотый метр, когда прожектор нащупал смутные очертания дна.

Теперь водолазы заканчивали заботы о костюмах, вливая в параллельную жировому слою полость одежды мо-

ментально твердеющую жидкость – креолит. Без панциря человеческий организм был бы спрессован средой. Давление поднялось до полутора атмосферы. Однако путешественники не испытывали никаких особенных ощущений, за исключением непривычной механизированности движений, стесненных непроницаемой броней.

Первый этап пути совершался молча. Станным показалось всем, когда исполнявший обязанности руководителя геолог Иванов обратился с речью:

– Наши исследования подтверждаются полностью: мы опускаемся именно в том участке океана, где меньше всего развита жизнь. По-видимому, недалеко находятся трещины, выделяющие ядовитые газы. Они отравляют окрестность на несколько километров.

Не успел умолкнуть микрофон, как Ибрагимов почувствовал острую боль в щеке: брызнули капли вдушенной для испытания под шлем воды. Резкий запах тухлых яиц, явный показатель сернистого водорода, мгновенно разлился под панцирем.

– Я думал, ниже четырехсот метров в океане вообще нет жизни! – смущенно сказал Ибрагимов, стараясь скрыть допущенную оплошность.

Геолог, однако, подметил в голосе странные хрипы.

– Вы задыхаетесь. Пустите струю кислорода, она вытеснит испорченный воздух, – и, как ни в чем не бывало, продолжал:

– В самых отдаленных пучинах, на глубине семи с половиной километров, жизнь кипит так же, как и на поверхности. Только два моря – Черное и Мертвое – представляют исключение. Глубины первого отравлены сернистым водородом, второе совсем безжизненно.

Иванов пробасил в микрофон:

– Замедляйте падение!

По триста кило груза было нейтрализовано каждым из водолазов. Теперь опускание проходило едва заметно. Еще несколько мгновений, и участники экспедиции нащупали под ногами песчаную почву. Белесая муть, подобно пыли,

легким облачком расплылась над землей. Здесь никогда не ступала нога человеческая...

– Я представлял себе, что все океанское дно покрыто зарослями кораллов, – услышал Иванов голос одного из спутников, – а здесь будто полянка.

– Ура, ура, капитан! – раздавалось со всех сторон. – Вот мы и в древней Гондване!

– Мы, кажется, не особенно устали, – смеясь, отвечал Иванов. – Можно в путь и без отдыха.

– Послушайте, Ибрагимов, включите-ка ваш прожектор! Дно океана заиграло фосфорическим светом.

– Свет тысячи сто!

Подводный мир словно озарился луной. Рассеянные лучи прорезали тьму на несколько километров.

Тени гор бороздили молочными пятнами туманный свод. Перед глазами водолазов раскрылся таинственный подводный ландшафт.

Они опустились в центре колоссального горного хребта, попав на одну из его высочайших вершин. Конусообразные и пирамидовидные края ниспадающими гребнями уходили в тусклую даль, отделенные друг от друга черными лентами ломаных пропастей.

– Смотрите! Смотрите! – кричал Ибрагимов так громко, что потрескивал микрофон: – Эти громады, точно надетые набекрень фески, тянут свои языки на восток...

Песчаные облака клубились над сопками, уносимые течением.

– Когда-нибудь изобретут гидроскоп, позволяющий видеть глубинное дно и с земли! – мечтал вслух Ибрагимов. – Пока же мы – первые разведчики... Тысяча триста метров ниже уровня моря!

В возбуждении он двинулся было вперед. Мышцы не повиновались, он испытывал судорожную боль. Только в этот момент молодой человек заметил, что люди застыли в странных позах, и вспомнил доклад, читанный для путешественников перед спуском на дно. Мягкие эбонитовые костюмы по мере удаления от поверхности приобретали

упругость, способную противостоять невероятному давлению морских глубин.

Юноша повернул выключатель. Теперь с относительной легкостью он мог привести в движение руки и ноги... Под небольшим углом можно было вращать и голову. Ибрагимов обрадовался: о, теперь он хоть слегка согреется! Тело его давно уже коченело. Он сделал первый шаг. Корпус его нелепо дрогнул, отстав от конечностей. Ибрагимов упал. С невероятным трудом ему удалось перевалиться на бок. Что он увидел?.. Большинство товарищей так же нескладно, как и он, шевелило конечностями, по-лягушечьи лежа на спинах. Тела их при каждом движении рук и ног слегка поднимались над землей; как только люди прекращали работать конечностями, они падали вновь.

«Для того, чтобы быстро подняться на ноги, равно как и при всяком стремительном движении вообще, надо перемещать центр тяжести в соответствии с намеченным действием», – вспомнил он отрывок из лекции капитана и, отстегнув вещевую сумку, передвинул ее к груди. Тотчас же он с облегченным сердцем поднялся на ноги. Одни за другим его примеру последовали остальные путешественники.

Придонный холод мучил его.

Ибрагимов взглянул на термометр, помещавшийся на колонке танка, и изумился: температура равнялась трем градусам Цельсия.

– Командир, я замерз! – взмолился он к Иванову.

– Вы не забыли наполнить полость вашего панциря маслом? Согрейте нательную сетку.

– О, да!

Легкий нажим на кнопку, и масло, булькая, разлилось по полости термоса. Перевод выключателя согрел сетчатую фуфайку, надетую поверх белья. Тело сразу погрузилось в приятную теплоту.

– Ну, товарищи, в путь! – кричал Иванов. – А вы, Ибрагимов, не забудьте о телогрейке! Не то в десять минут запаритесь. Легче всего передвигаться, держась за поручни наших танков.

Идти было крайне трудно. Привыкнуть к механическим движениям одеревеневшего костюма нелегко. Ибрагимову казалось, что впереди движутся уродливые манекены. Двадцать путешественников не шли, а тащились за подводками; их тела то и дело принимали горизонтальное положение, так как корпус перемещался медленнее конечностей.

Многие предпочли, чтобы их несли, нежели с большим напряжением передвигаться самим.

В руках Иванова находился пробковый круг, который он взял с собою, чтобы на практике изучить действие глубинных давлений. Радиус его на поверхности океана равнялся двум дециметрам.

Через два часа пробковый круг казался одеревеневшим, объем его сократился вдвое.

– Вы видите, что получилось? – показал руководитель испытательный круг: – На глубине около двух с половиной тысяч метров площадь в одну треть квадратного метра испытывает давление, равное двенадцати тысячам килограммов. Переносимое нами сейчас давление определяется приблизительно в сто сорок атмосфер.

– Вот еще более убедительные свидетели! – вздрогнув, понизил голос геолог.

Вдали перемещались неясные очертания странных видений.

Путешественники взглянули в указанном направлении. Жуткая, неприятная картина представилась им. Спокойной вереницей, медленно покачиваясь из стороны в сторону, плыли четыре трупа. Это были покойники, сброшенные с проходившего парохода. Привязанные к доскам тела потряхивали объединенными конечностями. Изодранные в клочья простыни, как на слабом ветру, колыхали свои полотнища. Неведомый хищник отъел среднему трупу голову. Сплюсценные давлением тела казались почти плоскими. Множество растениеподобных существ облепляло их.

Эта жуткая картина не удивила команду экспедиции. Не раз приходилось матросам видеть погребения в море. Юнга направился к мертвецам. Поймав ближайшую доску, он шурился, разбирая надпись. Теперь, когда матрос находил-

ся рядом с останками, в особенности резко бросалась в глаза рахитичность фигур.

«Эмигрант Бауэр. Погребен второго мая 19... года у берегов Мадагаскара...»

– Полтора месяца тому назад... пропутешествовал уже несколько сот километров...

Уже несколько дней двигалась экспедиция по Тинейской долине. Область отравленных вод осталась далеко позади. Предположения путешественников о том, что покинутая ими котловина заражена газами, исходящими из вулканических трещин, подтвердились.

Местами дно океана было покрыто застывшей сравнительно в недалеком прошлом лавой, едва затянутой тончайшим слоем известковых отложений; нередко встречались обломки пемзы, а дальше простиралась площадь, засыпанная вулканической пылью. Безжизненные холмы то возвышались, переходя в горы, то опускались обрывисто и отлого в неисследованную пучину.

Единственный интерес на этом однообразном фоне представляли находки каменных глыб, носивших на себе, как будто, следы обработки.

День за днем продвигались водолазы по горным кряжам, пока наконец не достигли глубокой низменности. Местами дно покрывал то голубой, то зеленоватый ил. Все уже свободно ориентировались в обстановке. Самые молодые участники экспедиции научились определять по почве глубины.

– Полтора метра под уровнем моря! – воскликнул однажды обрадованный командир: – Наше однообразное путешествие прекратится, как только мы перевалим за этот хребет.

Действительно, вскоре начался спуск. Почти недвижные воды заметно теперь устремлялись на север. Мертвое до сих пор подводное царство сразу забило кипучей жизнью. Только теперь начиналось полное приключений путешествие.

Не успела экспедиция перевалить через горный хребет, как ей преградили путь океанические девственные леса. Ко-

лоссальные водоросли самых разнообразных пород и форм образовали медленно следующие по течению дремучие чащи. Стволы отдельных гигантов тянулись кверху, достигая необычайной для наземной растительности вышины в двести-триста метров. В их тесно переплетенных ветвях скрывались многочисленные виды морских обитателей, непередаваемо разнообразных. Трудно было решить, поверхностные или глубоководные формы животных преобладали здесь. Матовый дневной свет едва проникал в морскую пучину через двухсотметровый свод.

Путешественники остановились, решая вопрос о дальнейшем пути. Лесная чаща уходила в неизвестную даль, и не было видно ее границ даже в лучах икс-прожектора.

Временами внимание водолазов привлекали встречающиеся на разной глубине просеки, уходящие неверными, узкими тоннелями в древнюю гору. Найдут ли исследователи здесь свою гибель? Или застрянут, запутавшись в девственных лесах, тщетно взывая о помощи? Как быть? Ни одна из имеющихся карт не могла рассказать ничего о границах перемещающихся дебрей.

Медузы, полипы, присосавшиеся к растениям, мшанки и раковины, слизняки и бесчисленные породы кишачи стаями рыб-исполинов и моллюсков пришли на границу долины смерти...

Так как «Фантазер» ушел в базу и ждать его надо было не меньше четырех дней, путешественники решили двигаться дальше.

Они намеревались проникнуть в глубь лесов. Их костюмы имели батиметрические части, позволявшие людям держаться на любой глубине путем приспособления своего удельного веса к плотности каждого данного слоя воды.

Длинной цепочкой вступили они в тропический лабиринт. Не знающие человека чудовища без всякого страха выплывали из чащи, следуя по пятам путешественников. Тысячи бородавчатых, змеевидных пальцев тянулись навстречу, присасываясь к панцирям путешественников. Теперь электропровода не могли помочь. Наоборот, извиваясь по течению, они запутывались в чаще, препятствуя продви-

жению экспедиции. Чтобы предотвратить нападение, Иванов приказал в голове и в хвосте отряда пустить танки.

Перед водолазами открылся совершенно своеобразный мир. Среди специфической водорослевой фауны встречались среднеглубинные рыбы, тела которых были прозрачны как стекло. Это были существа, едва отличимые от цвета воды, стремительные и осторожные. Когда путешественникам удалось поймать одну из этих пугливых рыб, они увидели, что кровь ее бесцветна... Для пелагических (глубоководных) рыб это являлось лучшей защитой от хищников...

Девственные леса изобиловали и иным населением.

Присосавшиеся к стволам улитки, травоподобные слизняки, окрашенные под цвет растений, – все перекочевывало за тысячи верст вместе с дебрями... Тут же в тени ветвей укрывались стаи саргассовых рыб, уродливых и замечательных тем, что все их пестро окрашенное тело было неотлично от водорослей.

Иногда экспедиция встречала поляны. Лишенные растительности бассейны были немного светлее чащи. Мягкий мутно-молочный солнечный свет проникал в эти глубины, обычно игравшие роль гигантских аквариумов. Трудно пересчитать виды существ, наполнявших подобные котловины: людям казалось, что они опускались в рыбопитомники – так много здесь было разных тварей.

Впервые за все время подводного путешествия экспедиция отмечала наступление земных сумерек. Ночная тьма сначала белесым туманом, потом черной вуалью накрыла окрестности. И чем сильнее разливалась темь, тем больше вспыхивало в лесу ярких светлячков... Местами дебри казались иллюминированными разноцветно, а котловины сияли нежным голубоватым светом, от которого дно становилось похожим на угасающий дневной небосклон. Играя цветами радуги, медленно наступала океанская ночь.

Вместе с ее наступлением просыпались дебри. Светящиеся звездочки, ленты и огоньки поплыли, запрыгали, понеслись, закружились... Ночь приносила обильную пищу... Са-

моцветы рыбешек привлекали хищниц. Огни некоторых приводили в смертельный трепет прочих.

Тогда путешественники включили прожекторы. Озаряя лес бледно-кровавыми лучами, подвигались они по лабиринту. Теперь целью их было отыскать скалистое дно, на котором они могли бы найти себе отдых без риска запутаться в цепких растениях.

Перед водолазами тянулась просека. Как по трубам, в туннелях неслись струи, образуя лесные реки. По течению идти было легко.

Все же несколько часов непрерывного пути давали себя чувствовать. Утомленное тело требовало отдыха.

Исследователей ожидало разочарование. То был не конец чащи, а лишь подводные опушки, фосфоресцирующие светом мириадом моллюсков. Так они ошибались несколько раз, пока наконец не забрели в самую чашу. Играющий причудливыми тенями лабиринт окончился, превратившись в узкий низкий поток.

Если костюмы водолазов были приспособлены к движению в любом положении, танки пройти здесь никак не могли. Приходилось либо заночевать в конце просеки, либо возвращаться назад на горный хребет. По расчетам участников экспедиции, за шесть часов пути они продвинулись максимум на двенадцать километров. Приблизительно на столько же течение отнесло в сторону водоросли. Таким образом, от горного кряжа они удалились на сутки пути. Возвращаться назад было бессмысленно.

— Что же, переночуем здесь, — решил, посоветовавшись с товарищами, Иванов.

Путешественники вывели батиметры и расположились на танках.

Четверть часа спустя все погрузились в глубокий сон...

Пришло утро... Опять мглистый солнечный свет озарил дебри... Первым проснулся Ибрагимов. Ему показалось, что тело его связано. Не открывая глаз, еще в полусне, он шевельнул ногой. Она не двинулась. Ибрагимов хотел вскочить, корпус его не подался. Испуганный, он открыл глаза. Все мирно спали, но чувствуя обрушившейся на них беды.

Там, где была вчера просека, где речные потоки резали дебри, за ночь выросла чаща. Огромные стволы, плотно приплюсненные друг к другу, теснились вокруг танков, опутав крепчайшими ветвями сонных людей. Девственный лес, попав в Тинейское ущелье, преградил выход в долину: течением его смяло...

Ибрагимов закричал...

Один за другим просыпались путешественники. Одна и та же мысль вспыхнула у всех. Экспедиция оказалась пленницей океана...

За ночь к панцирям пристали полипы, ракушки. Помятые морские лилии мерно покачивались на своих стеблях, жадно позевывая цветистыми венчиками.

– Дело серьезное, – нарушил молчание Иванов.

Он попытался освободиться, но, как в паутине муха, запутался лишь сильнее и, обессиленный, поник. Участь постигла их невеселая.

Усилия сбросить с себя оковы были напрасными. Оставалось рассчитывать лишь на благоприятное сочетание обстоятельств. Полагаться на то, что прорвавшийся через теснины плавучий лес вновь образует просеку именно в этом месте, где находилась экспедиция, было трудно.

– Наоборот, именно здесь нам не прорваться, – сказал хмуро ботаник. – Разве вы не видите, как все здесь перепуталось?

Плененные путешественники лежали час, два...

Уже солнце клонилось к западу, сизая даль мутнела, а водолазы все еще находились в прежнем положении... Под вечер они решили сигнализировать о помощи «Фантазеру». Однако это оказалось недостижимым, так как никто не мог дотянуться до включателя.

Уныние охватило всех. Перспектива, обладая всеми техническими средствами, ставящими человека над стихией, быть погребенной в каких-то водорослях надвигалась на экспедицию.

Не растерялся только молодой Ибрагимов, который не признавал путешествий без опасностей. Его ободряющий голос все время доносился до слуха пленников.

В семнадцать часов с «Фантазера» радиографировали запрос.

Кто мог ответить?

Тревожные космические сигналы шипели в микрофонах, оставляемые без ответа.

– Как быть? Как быть? – спрашивали путешественники друг друга.

Ибрагимов на свое «выберемся» получил суровое предложение «помолчать».

Между тем ветви растений сдвигались плотнее. Стволы образовывали сплошной затор. Светившийся невдалеке бассейн сужался. И по мере того, как он сокращался, оттуда сильнее и сильнее доносился тревожный шум. С каждой минутой плеск нарастал явственней...

Это стремились пробиться через дремучую чащу застигнутые врасплох морские чудовища: рыбы-мечи, акулы и сепии. Вечно нападающие друг на друга хищники теперь присмирели.

Охваченные сетями водорослей, они забыли извечную вражду и неистово кидались вместе на стену растений, стремясь общими силами проделать себе в чаще выход. Их доносили злейшие их враги, маленькие рыбешки – паразиты, присасывающиеся к их телу. Колоссальными стаями эти малявки набрасывались на исполинов, которые не могли укрыться от них.

Лес трещал под ударами колоссов. Гигантские растения содрогались, как в бурю деревья.

– Нам надо использовать этот случай, – обрадовался зоолог. – Дайте свет, наши лучи, несомненно, привлекут животных...

С большими усилиями удалось привести в действие один прожектор. Луч осветил поле битвы. Оно отстояло от экспедиции не больше чем в тридцати метрах.

Зоолог не ошибся: свет привлек хищников. Смертоносные бивни мечей-рыб потрясли ближайшую к танкам заросль. Водоросли раздалились, и над людьми одно за другим проплыли чудовища. Им было сейчас не до пленников.

Полопавшиеся ветви растений позволили крайнему водолазу освободиться и освободить остальных.

Приведя в действие танки и пустив их вперед, путешественники двинулись вслед за чудовищами. В неистовом страхе перед лучами прожекторов исполины бросались на чащу, расчищая путь экспедиции.

Через четыре часа за редющей порослью показались Левандийские склоны. Еще полчаса, и утомленные путешественники расположились на ночлег, пустив вдогонку своим избавителям отравленные электроразряды.

– Алло, алло, – радиографировал спустя несколько минут Иванов, – «Фантазер», «Фантазер»!..

И он сообщил Радину о злоключениях последнего дня.

III

Экспедиция обследовала западные склоны Левандийских гор, спустившись на глубину около трех тысяч метров. Гладкое плато простиралось на громадное расстояние. Изредка, как курганы в степи, над котловиной возвышались скалистые шапки гор. Красный шлак перемешивался с обломками известковой массы, отложившейся от коралловых рифов. Вязкая тягучая почва, темнеющая по мере углубления пучины, изобиловала радиоляриевыми отложениями. Красивейшими кремнеземными скелетиками умерших организмов было усеяно все вокруг. Самые изящные и фантастические формы, не встречавшиеся никогда на суше, увидели теперь путешественники.

Юго-восточная часть Левандийского хребта раскрывала пленительные перспективы.

Однажды, бродя по окрестностям, экспедиция натолкнулась на странные камнеобразования, несмотря на хаотичность, видом своим напоминавшие древнейшие руины.

— Надо полагать, что теперь мы действительно набрали на нечто подобное мифической Атлантиде.

Мнение, высказанное геологом, прозвучало для всех равносильно категорическому утверждению. Серьезный ученый, далекий от каких бы то ни было утопических увлечений, не был склонен основывать свои заявления на фантазиях и праздных догадках.

Путешественники остановились на краю глубочайшей пропасти. Громадное количество обломков пемзы усеяло весь ниже лежащий склон горы. Все дно океана, представлявшее в этом месте довольно высокое плоскогорье, как снегом, было засыпано вулканической пылью.

Однажды, указывая на совершенно отвесную, словно искусственно высеченную, квадратом нависшую над расщелиной скалу, геолог сбивал с верхней плоскости коралловые образования.

– Возникновение этой фигуры объяснимо двояко: либо здесь естественное кристаллообразование, либо это – искусство, свойственное лишь высокой культуре. Последнее вероятнее, так как наука не знает и не допускает подобной игры природы. Тем более, что здесь налицо целая серия таких скал...

Иванов указал на ряд таких же выпуклостей, в которых только при большой доле воображения взгляд неискушенного человека мог уловить нечто совпадающее с очертаниями обнаруженной колоссальной плиты.

– По всей вероятности, мы обязаны нашей находкой происшедшему здесь не больше года тому назад землетрясению. Я припоминаю, что пулковские сейсмографы отмечали месяцев десять тому назад именно в этом районе катастрофу внушительной силы... Впрочем, не будем предполагать, обратимся лучше к исследованиям.

Геолог несколько раз копнул под ногами почву. Под тонким слоем древней лавы он обнаружил почвенные породы.

– Гипотеза подтверждается! – воскликнул он возбужденно. – Проверим это на стенах пропасти!

Вдвоем с Ибрагимовым они спустились с кручи. Придавая своему телу вес, равный удельному весу каждого данного слоя воды, они во многих местах произвели необходимые опыты.

Результаты повсюду получались поистине поразительные: под неглубоким слоем глобигеринового ила скрывались кремнистые пласты, твердо спрессованные ленты серой, синей и красной глины. А под ними опять залегал пласт лавы более древнего происхождения и более глубокий.

Становилось очевидным, что землетрясение произошло несколько тысячелетий тому назад.

– С приблизительной точностью мы установим этот срок, – объяснил ученый своему спутнику. – Нам очень помогут в этом почвенные напластования. Кратер вулкана отсюда находится довольно далеко. Это значительно облегчит нашу работу, – высказал он участникам экспедиции

свои соображения. — Слой лавы слишком ничтожен, чтобы особенно осложнить задачу.

В течение нескольких часов водолазы бились над каменной плитой, счищая с нее посторонние образования. Тяжелый труд давал все больше и больше уверенности в его несомненной полезности. Как скорлупа, счищались наносные породы, придавая первоначальный вид гранитной плите.

Когда выступ скалы принимал четкие формы куба, геолог нервничал:

— Конечно, нашим открытием мы обязаны землетрясению. Видите, как плита нависла над самой пропастью? Стихийная сила, расколовшая надвое эту гору, сбросила чужеродный футляр с нашей находки.

Ибрагимов сиял.

Гондвана — не миф! На его глазах легенда превращается в действительность...

Когда путешественники отправлялись на отдых, Ибрагимов заколебался, не зная, что предпринять — отправляться ли и ему, или опять, уже восьмую по счету ночь, провести без сна?

В своей группе он был единственным практическим последователем новейшей физиологии. Всегда между ним и геологом Ивановым возникали на этой почве горячие споры. Иванов консерватором не был, но возражал против широкого применения только что совершенных открытий. Ибрагимов же был, наоборот, горяч, тороплив и даже несколько фанатичен: он упорно следовал за всем, что являлось последним словом науки.

И теперь геолог приглашал его присоединиться к компании.

— Нельзя же все время сидеть на теоантитоксине! Изведете себя, истощите энергию, лишитесь работоспособности...

Физиолог достал из сумки пару малюсеньких пилюлек и протянул их Иванову.

– Для первых суток вполне достаточно. А там – посмотрим. Я вот неделю не спал, однако чувствую себя ничуть не хуже вашего.

Ответ получился именно такой, какого и следовало ожидать от геолога. Он решительно отклонил руку Ибрагимова.

– Ваше дело, конечно. Но вспомните хотя бы опыты над собаками. Суток девять не дашь поспать, и смерть неизбежна... А наблюдения Жильберта над тремя добровольцами? Не поспав только четверо суток, они еле-еле спаслись от смерти... Неужели вы в состоянии считать окончательно установленными и дозу и характер ядов, которые выделяются человеческим организмом во время бодрствования? А если наука ошибается, если не все учтено?

– Пустое дело! Организму можно всегда помочь справиться с недугом. Недостающие вещества введем искусственно и предотвратим заболевание.

Иванов попытался воздействовать на товарища другими доводами:

– Тогда по крайней мере хоть питайтесь как следует. Нельзя же по неделе сидеть на пилюльках! Дождетесь вы сужения пищевода и атрофии пищеварительных путей!

Физиолог с улыбкой взглянул на собеседника и, явно желая привлечь на свою сторону слушателей, рассмеялся:

– А ведь весело будет, правда, когда у человека и кишечник, и желудок, и прочие пищеварительные приспособления раза в три подсократятся? Легче будет! И нарпиту хлопот принесем меньше. То ли дело, взгляните!..

Он поднес к самым линзам геолога маленький кубик сухого бульона.

– Сгущенные витамины. Двухдневная порция. Для обжор не хватило бы и на завтрак!

Заметив, что жест его привел всех в веселое настроение, Ибрагимов рассказал один из вспомнившихся ему случаев:

– Произошло это в студенческом доме лет десять тому назад. Одному из провинциалов очень по вкусу пришлось эти кубики. Они были тогда еще мало известны. Паренек

был наивненький, а покушать любил. Вот он и налег на них. Примостился тихонечко в уголочке, да и смылил по неопытности дюжины полторы... Смотрим мы: веселый всегда парнишка вдруг стал задумчив. Мы его в шоры. Куда тут, вздыхает только!.. Часа через полтора поднялась рвота. Персон на тридцать выбросил...

Геолог нахмурился:

– Я говорю о деле, а вы каламбурите!.. Не может же это не влиять на человеческий организм. Сами прекрасно знаете, как условия жизни отражаются на всей нашей системе. Возьмите тот же кишечник. Длина его у различных рас всегда резко колебалась. Кишечник народов, потребляющих главным образом растительную пищу, гораздо короче, чем у плотоядных. Разница поистине колоссальна: длина кишечника у одних достигает почти десяти метров, в то время как у других она равна всего четырем. Ясно поэтому, что ваш образ жизни не пройдет бесследно. Легко усваиваемые питательные экстракты, занимая к тому же и меньший объем, чем обычная пища, неизбежно вызовут атрофию известных органов. Мускулатура челюстей, желудка, кишечника подряблеет. Ради поддержания ее эластичности вы будете вынуждены прибегнуть к специальной гимнастике органов пищеварения, т. е. хотя бы к намеренному принятию грубых сортов пищи. Наука ведет нас к торжеству над стихией, но не к борьбе с природой, являющейся нашей прародительницей... Идем спать! Вряд ли ваш теоретический антитоксин в состоянии учесть все вещества, необходимые как противоядие для всех вырабатываемых клетками нашего тела во время бодрствования ядов.

Иванов круто обернулся. Он направился в ту сторону, куда некоторое время назад ушли подводки. Вдали, на гранитной площадке, танки развернулись в земные жилища. Два небольших домика вместо фундамента опирались на свои шестнадцатигранные винтообразные лопасти. Бойницы их, служившие и для боевых целей и для различных научных приборов, тускло освещали близлежащие коралловые заросли. Дно океана было ровно, как асфальт, песок спрессовало в песчаники.

Стаи рыб, падких, как ночные бабочки, на все светящееся, хищно сплывались со всех сторон. Их плавники казались издали крыльями, и только придонная тишина напоминала о глубине, на которой находилась теперь экспедиция...

Ибрагимов долго смотрел вслед товарищам. Силуэты мутнели в извечной тьме, лишь ручные прожекторы мигали расплывчатыми угасающими звездами.

Через несколько минут Ибрагимов остался один.

В глистых извивах скалы зайчиком бегал пятидесятиметровый луч. Уединение рождало новые мысли, смелые, как всегда у Ибрагимова, и необузданные.

Ему чудилась мертвая столица древнего, поглощенного пучиною государства. Среди развалин ученый видел уцелевшие остовы колоссальных зданий неведомой архитектуры и непонятного назначения.

Померк последний луч икс-прожектора с тракторов. Наступила земная ночь, служившая временем отдыха экспедиции и здесь, в морских глубинах.

Охваченный размышлениями, молодой ученый не заметил, как к нему подошел Иванов. Геолог не желал отвлекать внимание товарища, и, лишь поравнявшись с Ибрагимовым, уронил:

– Не спится что-то. Может быть, пройдемся?

– Что ж? Пойдемте!

Взглянув на компас, путешественники направились к северу. Далеко в тумане вырисовывались громады гор. Песчаные вершины их казались снежными. Изломы пропастей терялись в фиолетовых тенях.

Передвигаться было трудно: подводное течение несло назад. Обоим приходилось прилагать значительные усилия, чтобы преодолевать его. По мере удаления от Гондванских скал, дно океана углублялось, но оставалось по-прежнему гладким и песчаным. Порой на возвышениях встречались блестящие, как будто ледяные основания. Нога скользила, дымчато-прозрачный слой казался полированным.

Своеобразный мир животных царил в окрестностях. Рогообразные плетенки кремневых губок изящно трепетали

в тихой заводи, блестящие ожерелья многокрасочных сифонофор играли своими гирляндами, морские лилии, морские звезды – все это извивалось, переливалось разными огнями и алчно разевало пасти.

Порой фосфоресцирующие животные встречались в таком количестве, что населенные ими лужайки напоминали наземные пейзажи, как будто свет луны проникал в эти глубины. Окраска отблесков поражала своим разнообразием: голубоватые тона колоний некоторых животных сменялись оранжевым оттенком полей, усеянных морскими перьями; кроваво-красные актинии граничили с пластинами розовых налетов мшанок, алых слизняков, голотурий и кораллов.

Любуясь бликами таинственных пучин, исследователи отошли от гор на три-четыре километра. Равнинный характер местности окончился, начиналось труднопроходимое плоскогорье. Бездонные обрывы преграждали путь, скалистые утесы разделялись пропастями, в которые жутко было заглядывать.

Вместе с этим изменился и животный мир. Покрытые растениемподобными существами, склоны холмов служили прекрасным убежищем для крупных хищников. Здесь было гораздо темнее, чем в долине, и бездны выделялись черными пустотами. Здесь все напоминало лесные сумерки. Белесый свет растаявшей зари, расплывчатые формы таинственных предметов – все отличало жуткое предгорье от равнины. Как призраки, из тьмы ежеминутно выплывали чудовища – бесхвостые, головоногие, десятирукие и бесформенные. Они внезапно появлялись возле пропастей и, будто в страхе перед провалами, скрывались в зарослях.

Геолог остановился.

– Советую идти по линии расщелины.

Исследователи направились к видневшемуся в сизой дымке цирку. Станный вид горы невольно привлекал внимание.

– Полное подобие с возвышающимся над поверхностью Индийского океана островом святого Павла! – заметил Иванов.

Перед ним внизу небрежно раскрытым веером расстился скалистый конус. Высокий гребень зиял круглым темным провалом, левая стенка кратера рухнула, и воды свободно вливали свои струи в точеный резервуар.

– Форма горы вулканическая. Такую воронку пробило в древности в одном из штатов Южной Америки. Вокруг обнаружили массу метеоритных осколков. Видимо, то же случилось когда-то и здесь. Кольцеобразный кратер, как горы луны...

Над ними многоцветными красками блистали, как светила в небе, животные. Искорки, звезды, кометы сияли вверху. Их огоньки перемещались, плыли, раскачивались...

Ученые так увлеклись необычной картиной, что позабыли об окружающей обстановке.

Между тем они подошли к самому откосу. Гранитный барьер оскалил бездонные трещины. В этом месте граничили два придонных течения – западное и восточное. Вода в изломах бездны кипела. Ни одного из животных нельзя было встретить здесь. Все поглощал водопад, увлекая в пропасть то, что удавалось захватить.

Метрах в пятнадцати от стремнины кончался пласт тягучего ила. Слой его был так липок, что путешественники едва отрывали ноги от почвы. Когда они ступили на застывшую лаву гранита, оба не удержались. Бурный поток внезапно метнувшимся крылом отбросил их в сторону. Водолазы ринулись в водопад. Никакие усилия не давали им возможности выровняться. Руки скользили, цепляясь за выступы. Шипящий каскад увлекал путешественников в стремнину. То взметывая кверху, то сбрасывая вниз, поток увлекал исследователей, как камни.

Вдруг тела их нелепо метнулись за мшистый утес, где стремительность вод понизилась. Путешественники почувствовали под ногами почву. Они попали в жуткий аквариум уродливых существ. Сотни присосков и лент тянулись навстречу жертвам. Красные лохмотья бесформенных тел с четко выделяющимися кривыми пастями и гипнотизирующими, сверкающими глазами наползали на водолазов.

Будто ветер трепал кровавое полымя – так не похожи были на животных эти студенистые клубки.

Липкая масса обволакивала Ибрагимова. Слой становился все гуще и гуще, сковывал движения, преграждал путь. Ученый заметил, что этой слизью управляют отдельные центры-головы. Ему удалось одну из них оторвать. К его ногам рухнула дряблая безжизненная пелена.

Однако дальше идти не хватало сил. Лентообразные существа пеленали его. Уже почти недвижимый, схватил Ибрагимов нож и высоко взмахнул им над пастью. Рука замерла, испытывая боль напряженных мускулов. Нож запутался в темных сетях кораллов...

Вдруг ощутился сильный толчок в спину, и водолаза, схватив за шиворот, метнуло в сторону. Он видел, как утолщались укорачиваемые щупальца и набухали кровью бородавки.

Путешественник оглянулся. Шагах в десяти от него каменным изваянием крепко стоял геолог. Его электрический револьвер извергал поток смертоносных молний.

– Нечего было вам опасаться, – смеялся геолог, подходя к Ибрагимову, – наш панцирь непреодолим даже для пучинных давлений. Единственная неприятность – лишиться микрофона.

Уничтожив хищников, ученые двинулись к танкам. Обратный путь оказался длиннее, так как надо было стороной обходить стремнину. Час был поздний. Исследователи впервые за все путешествие решили выбраться на поверхность. Уменьшив удельный вес, они взметнулись с глубин.

Через полчаса водолазы всплыли. Океан бушевал. Небо клубилось тучами. Слух уловил сразу вой ветра и штормовой гул. Как непохоже было это на обстановку, к которой привыкли они в пучине! Всплески волн горели фосфором. Кругом было бурно, темно, уныло. Ни малейшего признака жизни. Ни клочка неба, сияющего изумрудами.

– Назад! Назад!.. – таково было инстинктивное ощущение обоих исследователей. Они, не колеблясь, поспешили вернуться в подводный мир.

Вскоре они подплывали к танкам. По-прежнему пучину рассекал луч икс-прожектора, указывая путь ученым. Два домика уютно возвышались среди равнины, теперь уже не вылизанной, как асфальт, а покрывшейся дикой порослью кустообразных животных.

Подойдя к хоботу танка, Иванов повернул выключатель. Тотчас же выдался похожий на слепок человеческой фигуры цилиндр. Непроницаемая пластинка скользнула вдоль корпуса лодки и преградила воде доступ в подводку.

Они поместились в цилиндр, своими телами вытеснили часть воды и закупорили отверстие. Снова нажим на штепсель. В особые трубы слилась вода, сжатый воздух выбросил ее наружу. Тогда они открыли заднюю дверь-пластинку и очутились в подводке.

Наступившая ночь была исключительно оживленной. Вряд ли кто из присутствовавших спал больше двух-трех часов.

Еще задолго до утреннего гонга покончили с завтраком. Экспедиция выступила на разведки.

Ибрагимов едва упросил командира не посылать его на судно.

Опять целый день возились над гранитной плитой. Труд был тяжелый, упорный, зато результаты превзошли смелые ожидания.

На очищенной грани на протяжении четверти плиты наметились странные высеченные иероглифы. Взглянуть на это открытие сошлась вся экспедиция. Неутомимый археолог фотографировал необычайную находку. Всем было ясно, что загадочная плита была искусственной...

Правда, обнаруженные начертания не были сходны с известными до сих пор человечеству письменами. Они, несомненно, представляли собою древнейшую письменность. Среди витиеватых знаков четко выделялось изображение ископаемого, вымершего тысячи лет назад. Животное было чем-то средним между слоном и тапиром. Сходный скелет хранился в виде редчайшей окаменелости в Британском музее.

Погруженные в торжественное созерцание находки, путешественники застыли перед скалой. Очищенные от наносных пород, плоскости ее походили на выветрившиеся, растрескавшиеся от времени прямоугольники с несколько округлыми гранями. Многочисленные колонии ракушек и других известковых врезались в мелкие впадины. Если бы не колоссальный объем плиты, несомненно, она давным-давно утратила бы свои формы.

– Интересно добраться до ее основания! – прервал молчание археолог: – Если только нижняя грань плиты параллельна верхней, тогда отпадут все сомнения в ее происхождении.

С удесятенными усердием они принялись за очистку дна, освобождая глыбу от занесшего ее ила. Работать приходилось больше вручную; каждый неверный взмах мог опрокинуть все расчеты. Когда-то один из боков плиты нависал над обрывом, и уж много позднее полость между скалой и днищем заполнялась илом. Без труда подмечались два слоя совершенно различных образований.

– Итак, все решено!.. – заключил наконец археолог, отмахиваясь от дальнейших вопросов, сыпавшихся со всех сторон.

– Скажите, какая культура могла создать такие грандиозные сооружения? Где в качестве построечного материала могли применяться подобные тяжести? Камень Каабы по сравнению с нашей находкой – ничто! – восхищался один из путешественников.

Геолог настоял на немедленном выделении части отряда для тщательнейшего обследования окрестностей.

Четверо тотчас же отправились на разведки. Среди них находился и Ибрагимов. Они решили спуститься в пропасть, зиявшую вблизи темной расщелины. Крутой спуск был им нипочем. Все давно уже чувствовали себя в океанской пучине не хуже рыб; каждый из путешественников прекрасно освоился с водолазным костюмом, научившись применяться и к мощности давления, и к температуре среды.

Исследователи медленно продвигались по океанским долинам, погружаясь все глубже в пучину. Узкие горные переходы кишели гигантскими красноватыми и фиолетовыми морскими звездами. Огромные лилии жадно разевали свои цветистые пурпурно-желтые пасти, поглощая жирных слизней. Десятиногие крабы, щетинистоколкие ежи попадались то тут, то там, притаившиеся в неровностях дна.

Невероятного размера морские тараканы и пауки, уродливо изгибаясь, боролись с полипами. Среди многочисленных хищных животных, питающихся опустившимися из поверхностных водных слоев водорослями и пожирающих друг друга, цветистым сиянием, видимым даже в лучах прожектора, горела бризинга – красивейшая из всех глубоководных офиур. Временами путь преграждали целые полчища осьминогов, громивших колонии червей и морских уток. Только раки-отшельники спокойно отсиживались в громадных раковинах съеденных ими слизняков... Но особенно неприятными были встречи с колючими литодами, короткохвостыми и многоиглыми. Их необычайно длинные шипы, обильно усеивавшие полуметровые спинные щитки, впивались в панцири путешественников, грозя изодрать прорезиненные сапоги.

Гидроманометр показывал глубину в четыре тысячи метров. Несколько сот атмосфер давления, вечная тьма, температура, никогда не превышающая двух градусов тепла, – все это не убило жизни в глубинах!

Еще ни разу никто из участников экспедиции не опускался так глубоко в океанические низменности. Отлогий спуск время от времени обрывался отвесными безднами. Инфра-красные лучи прожекторов все чаще и чаще обнаруживали полузатянутые илом руины. Сходные с первой плитой скалистые выпуклости встречались на протяжении каждой сотни метров.

Чахлый кустарник кораллов, так же похожий на своих мелководных соплеменников, как хилые березки тундры на пышную обитательницу умеренной полосы, лепился из-

редка по оголенному илистому дну, усеянному погрузившимися сюда с поверхности трупам рыб.

Придонное течение медленно скатывалось под уклон, облегчая путь водолазам. Впереди, выточенный в каменных породах, причудливо развевался грот. Пенистая горная река над порожистым дном вздымала мутные языки ила... Извивающимися полосами лизали они черные силуэты камней, скрывали далекую перспективу затуманенных гор.

Очарованные зрелищем путешественники остановились. Яркие лучи прожекторов на минуту померкли. В пучине зажглось бесконечное количество перемещающихся и неподвижных светлячков. Водолазов окружал мягкий фосфорический блеск, будто сияние далеких надземных звезд. Красноватые и фиолетовые огоньки перемежались с золотистыми, синими и зелеными переливающимися лентами.

Сначала они играли в стремнине, затем вдруг приблизились.

Прикосновение скользящих тел заставило путешественников дать полный свет. То, что они увидели, превосходило все, до сих пор виденное ими. Несметные стаи всевозможных существ окружали их. Здесь были и рыбы-целоринхи, голоастые, большеглазые и тонкохвостые, и нитераспускающие татигады, и целые семьи стебельчатых, светящиеся глаза которых помещались, как набалдашники, на особых ветвях, и бородатые эстомии, и длиннохвостые макрут, и вся сияющая стомия...

Среди них стремительно и важно неслась цилиндрообразная малокостиус, прожорливо обнажающая кривоизогнутую пасть в погоне за черной неостомой. Больше всего путешественников поразила рупорообразная крупнорот, на их глазах поглотившая вдвое большую, нежели сама, рыбу. Хищный желудок его сразу раздался, утроив мгновенно туловище, и крупнорот застыл в блаженном ощущении пищеварения.

Пробираясь среди губчатых зарослей афроцелистеса, кремнеземные венчики которого нежно поблескивали стеклянными лепестками, исследователи натолкнулись на бо-

калообразные чащи полипов, извивавших навстречу им ярко-красные щупальца. Целая серия животных самой необыкновенной формы, шоколадно-бурых, темно-фиолетовых и прочих окрасок устилала илистое дно, насколько мог охватить человеческий глаз. Коралловые поросли перемежались с ветвеобразными видами полипов, пурпуровых актиний и грибоподобных флабеллумов.

– Это – небезопасное место! – угрюмо вещал зоолог. – Взгляните на странное оживление животного мира...

Действительно, стремительное бегство рыб, паническое исчезновение слизняков, щетинящиеся тела иглокожих говорили о надвигающейся опасности. На протяжении всего пути экспедиция всегда отмечала совершенно спокойное отношение подводных обитателей к появлению человека, а здесь вдруг такое стихийное проявление воли к самозащите!

Еще несколько десятков шагов. И впереди за черными теньями удирающих глубоководных смутно мелькнули огромные очертания головоногих сепий. За десятиметровыми принцепсами с молниеносной быстротой следовали колоссальные кальмары. Туши их, лишенные тех грандиозных щупальцев, какими обладает осьминог, достигали десятиметровой величины; вес их мог быть не меньше двух с половиной тонн. Конические тела океанских чудовищ оканчивались невероятными челюстями, окруженными восемью щупальцами. Присоски, крючки увенчивали веретенообразные тела этих чудовищ, плавающих не хуже многих других рыбных пород.

Путешественники растерялись. Сбившись в тесную группу, они пытались встретить кальмаров градом жгучих лучей.

Не знающие ожогов исполины бешено ринулись на противников, далеко вперед простирая свои бородавчатые жгуты. Но навстречу гигантам уже метнулись предохранительные провода. Напоровшись на тучи слепящих молний, сепии замерли. Их неуклюжие тела начали извиваться в судорогах. Однако и это примененное экспедицией средство оказалось слишком ничтожным, чтобы справиться с океанскими чудовищами. Мощность тока была явно недоста-

точно. Через пять-десять секунд оправившиеся кальмары вновь ринулись на людей. Еще момент, и путешественники обрели бы здесь свою гибель: против стальных объятий сепий и веса их массивных тел не могли устоять, разумеется, панцири водолазов.

Изнемогая в неравной борьбе, люди сражались поодиночке.

Померкшие прожекторы, казалось, собирались повергнуть поле смертной борьбы в последнюю и окончательную тьму. Излучаемый морскими гигантами свет слишком слабо рассеивал мрак. Ибрагимов терял силы и, почти цепенея от ужаса, извивался в цепких клещах морского гада. Впрочем, он быстро нашелся. В ротовое отверстие с обширной дыхательной полостью он ловко вонзил автоматический нож. Срезанная выпуклость глаз заставила чудовище бросить противника.

– Спасайтесь ножами! – прохрипел Ибрагимов.

Изувеченное животное с отсеченными щупальцами и крючками металось в предсмертной агонии. Вскоре бездыханный труп сгинул в извечной тьме. Со смертью животного прекратилась и его флуоресценция.

Ибрагимов искал выключатель прожектора. Но тщетно. К ужасу своему он обнаружил, что тот поврежден.

Ибрагимов вскрикнул. Микрофон был беззвучен... Тело молодого ученого покрылось холодным потом...

На дне океана – один, с поврежденным костюмом...

Нет!.. Недалеко смутно мелькали силуэты сражающихся. Одно за другим гибли животные.

Ибрагимов бросился было к товарищам... Вдруг что-то с необычайной силой свалилось на него... Цепкий хват груди... Ибрагимов почувствовал, как тело его отделилось от дна. Он падал в пучину. Батиметр не действовал.

Ученый не мог ни определить глубины, в которую он погружался, ни регулировать собственной тяжести. Водолазный костюм испортился окончательно. Лишь сохранилась способность панциря противостоять ужасающему давлению среды...

Долго ли он погружался в пучину, Ибрагимов не знал.

Он сброшен был с отвесной скалы. Глубокого дна вряд ли могли достичь лучи маломощных прожекторов его победивших товарищей.

Скорость падения с каждой секундой росла. Ибрагимов цеплялся за все попадавшееся ему на пути. Тысячи огоньков там и сям вспыхивали и исчезали. Это было последним его ощущением. Вскоре резкий толчок потряс его организм. Почувствовав острую боль, он потерял сознание...

Очнувшись, ученый не сразу осознал происшедшее. Ощущения боли прошли. Он открыл глаза.

Высоко-высоко над ним, как в небе звезды, лучистыми крапинками сияли жемчужные зерна. Беспорядочно разметанные разноцветные огоньки светились рассеянным бисером. Перламутровые, рубиново-красные искорки испещряли дно пропасти. Между ними извивались чуть видимые, будто колышимые ветром, многосаженные серебряные трахитерусы, свидетельствовавшие о громадной глубине. Кругом все блистало тончайшим синеватым светом.

Ибрагимов слегка двинул рукой: молочно-фиолетовая полоса спиралью разрежала глубокие воды.

Он поднялся на ноги. Резкий холод мгновенно обжег ступни, и тупая боль заставила присесть на близлежащий камень.

Путешественник испытывал ощущение, будто ноги его обуты в тесную обувь. Панцирь был поврежден в области нижних конечностей. Пробковую подошву, проложенную под каучуковым слоем, давлением сплющило, сильно уменьшив ее толщину. Это было уже совсем трагично, так как малейшая неосторожность могла привести к жуткому финалу. Тем не менее иного выхода не было – путешественник двинулся в гору. Смутные феерические очертания скал, черная пасть нижележащей пучины, неизвестный путь вызывали естественную тревогу. Ибрагимов шел с сознанием полного одиночества и потерянности. Он ощущал бессилие. Что мог он предпринять теперь, безоружный? Он знал, что большинство донных рыб и животных не имеет окраски, их покров черен, как грозные проруби пропасти. Ро-

ковая встреча будет им понята только тогда, когда смертельный удар опрокинет его беспомощное тело...

...Иллюзии Гондваны представляли перед ним во всей своей соблазнительной загадочности и трагической недостижимости. Он не увидит Гондваны!..

...Тем временем остальные водолазы, одолевшие наконец своих подводных врагов, рыскали в поисках Ибрагимова по окрестностям. Осмотрев поле битвы, они решили вскрыть трупы мертвых чудовищ, допуская возможность гибели товарища в желудке одного из глубоководных хищников. Каждая из этих туш представляла собою довольно внушительный бугор, усеянный живыми, еще при жизни чудовищ паразитически присосавшимися к ним тварями.

Тщательнейшим образом исследуя каждый шаг, водолазы узнали, что поле брани далеко не опустело. Из-под ног то и дело выскальзывали черные как сама тьма уроды. Рыбы имели защитную окраску, которая изменялась в соответствии с цветом дна. Горшкообразные меланоцеты, медлительные и алчные, бесстрашно кружились вокруг, повиливая шейными плавниками. Все новые и новые виды глубоководных существ открывались взорам путешественников... Однако им было теперь не до прозрачно-хрустальных иглистых живых комков и лент, не до любопытнейшего процесса зарождения маховых коматул, при котором похожие на наземный мох животные отрывают от своих стеблей чашечку за чашечкой, пуская «детей» тотчас же самостоятельно плавать...

Они не могли найти Ибрагимова, и это наполняло их глубокой тревогой.

Когда путешественники опускались с большой крутизны, неожиданно слух их поразил странный всплеск стали. Воды стихии хлестнулись в оглушающем сотрясении. Удары грома повторились несколько раз. Гул исходил с поверхности.

Луч икс-прожектора лизнул горизонт. Высоко, в километре от них, клокоча в дымной завесе, распался на части напорившийся на систему плавучих мин большой океанский пароход... Исковерканные останки его громадного

остова шлепнулись в пенистый водоворот и устремились в пучину. Скользя с исключительной быстротой, растерзанные пароходные части погружались на дно. Пароход увлек за собою паутину минных проводов, минную сеть, унизанную смертоносными снарядами. На глубине двухсот метров подводное течение стало относить утопающие развалины к северо-западу.

Взрыв был так силен, что силой его, передавшейся через воду, водолазов отбросило в сторону. Путешественники едва успели прийти в себя, как близлежащий хребет, к которому они приближались, закрыл картину катастрофы...

Долго еще после этого смерчеобразная воронка ввинчивалась в поверхностные слои.

За останками парохода медленно опускались в стремнину изуродованные трупы людей и оглушенных взрывом морских чудовищ. Как осиный рой, мелькали в чернильной тьме зеленые светлячки, глаза глубоководных хищниц-акул.

Вновь засветившийся прожектор сорвал завесу с чудовищных тайн кровавого пира: спрессованные глубинным давлением тела покойников подхватывались налету акулами и пожирались...

Резкий космический звук потряс микрофоны. Но испорченные приборы не приняли радиограммы с «Фантазера», который сообщал:

«Зюйд-вест, 0,8° южной широты. Погиб, взорвавшись на плавучей невыловленной мине, «Экспресс», гордость Ост-индской линии...»

Путешественники бросились к узкой расщелине, отделявшей их от скалы, за которой исчез пароход. Они с трудом преодолевали придонное течение. Ниже, шагах в двухстах, покачивались застрявшие в теснине обломки. Они накренились больше и больше. Вскоре вода, очевидно, проникла в трюмы, центр тяжести переместился, и «Экспресс» сорвался в пропасть... Исследователи бросились туда.

Вновь перед ними развернулись отлогие склоны гор, покрытых стадами голотурий и студенистой слизи. Опять

люди увидели теснейшее содружество внешне непримиримых животных, драчливых раков и мягкотелых полипов...

Гибель «Экспресса» не могла остаться незамеченной.

Ибрагимов понял, что кораблекрушение сулит ему спасение.

Несомненно, все бросятся к затонувшему пароходу, и он будет спасен товарищами.

С этой мыслью водолаз стал опускаться в ущелье. Он должен был соблюдать особую осторожность, ибо малейшее повреждение и без того испорченного костюма грозило смертью. Батиметр его не действовал.

Больше всего Ибрагимов боялся попасть в объятия хищников: электрореvolver испортился, а плавниковые клинки с трудом вылезали из ножен. Да и какое это оружие против не знающих страха глубинных исполинов?

Стаи рыб порою тускло светили ему. Напоминая волков в зимнюю ночь, мелькали фосфоресцирующие глазки акул. Их метровой пасти водолаз не боялся. Разве не удирали они, исполосованные его механическими ножами? Разве не оставляли мутных кровавых волн за собою? Его пугало другое. Уже дважды натыкался он на ядовитые стрелы хвосткола. Пятигранный скат имел посередине хвостового острого крючка. Он ловко прятался в ил, и стоило жертве приблизиться, как скат впивался в нее.

Временами Ибрагимов попадал в залитые ярким светом пирозом равнины. Цилиндрические прозрачные тельца пирозом поодиночке и колониями плавали во всех направлениях. Они смешивались с цепочкообразными бледно светящими сальпами и привлекали к себе массу хищников.

Много любопытного узнал во время этих скитаний ученый. Между прочим, он с точностью установил различие принципов в строении органов свечения у глубинных существ... Фонари преследуемых помещались на концах длинных нитей. Такое устройство светящихся органов позволяло обманывать отыскивающих добычу хищников, неверно указывая местонахождение жертвы...

Но одно из открытий Ибрагимова носило прямо-таки сенсационный характер. На вершине зубчатой горы он за-

метил громадные треугольные камни. Форма их привлекла внимание путешественника. С изумлением он обнаружил, что это гиганты-раковины. Он невольно вспомнил панцири тридакт. Ученый встречал их в Китае. Эти раковины так велики, что нашли там практическое применение: из них богачи делают ванны.

Ибрагимов задержался около страшной колонии. Полуметровые треугольные створки захлопывались с такой силой, что толстые панцири ракообразных перерезались одним движением. Двадцатисантиметровые передние концы оканчивались острейшими гранями...

«Между прочим, о тридактах рыбаки рассказывают, будто они одним нажимом перерубают якорные канаты...» – вспомнил он.

Недалеко от Ибрагимова тускло светилось дно. Неподвижные огоньки были похожи и на самосветящиеся гнилушки, и на зеленоватое сияние зрачков глубоководных спящих акул.

Взгляд путешественника упал на освещенную почву.

– Да ведь кругом лава! – воскликнул он.

Широкая котловина, окруженная голыми вершинами, была засыпана илом.

«Почему лава не кристаллизовалась? – подумал он. – Лавы могли принять стекловатый вид, лишь застывая на воздухе. Значит, землетрясение и извержение произошло недавно... Иначе острые углы давно бы утратили неровности...»

Мысль об электроходе вернула ученого к действительности, и он отправился в дальнейший путь.

Он брел ощупью по горам. Компас его не светился и не был виден, идти приходилось наугад. Ибрагимов пытался поймать рыбу-факел. Она водилась в глубинах, широкая, толстохвостая, зажигающая одуванчик над пастью. Она и электроскаты больше всего интересовали ученого, так как в электровырабатывающих организмах этих существ он видел разгадку жизни. Электроорган в его представлении являлся как раз той сказочной каплей жизни, тем возбудителем животной энергии, устройства которого до сих пор

не постигла наука... Рассматривая этих животных, Ибрагимов мечтал о том времени, когда загадка будет разрешена. Тогда вопрос жизни и смерти, по его представлениям, должен был потерять для людей свою остроту...

Но теперь более реальные помыслы овладевали им. Теперь рыба-факел или электроскат нужны были ему для того, чтобы с помощью их он был в состоянии освещать себе путь.

Однажды он чуть не поймал рыбу-факел. Полусонная, она метнулась из-за камней в двух шагах от него. Он видел, как молниеносно погасила она шарообразный нарост над кривозубым ртом, как, отплыв в сторону, спокойно зажгла его вновь и тотчас же масса рыбешек взвилась вокруг нее, играя со светом, как бабочки... Световая приманка им стоила жизни, так как широкая пасть, открываясь, каждый раз обнажала длинные зубы, унизанные плохо разжеванными рыбешками.

В другой раз он набрел на задремавшего электроската.

Завидев вблизи водолаза, хищник раздул свое тело, и тотчас же васильковые искры метнулись в воде, оглушая электроразрядами близлежащие организмы. Нейтрализующий костюм путешественника не реагировал на токоудары.

Единственно, что без особых усилий мог поймать Ибрагимов, был студенистый фосфоресцирующий «венерин пояс». Но он угасал при первом же прикосновении к нему человека.

Спускалась земная ночь. Это было заметно по тому, как редело подводное население. Многие рыбы всплывали в более верхние слои, так как срединные рыбы обычно поднимаются на поверхность для охоты на спящих там по ночам тварей. Глубоководные же перемещались в срединные глубины, гоняясь за всплывающими организмами среднеглубинной фауны. Самый опасный враг человека в пучинах, рыба-молот, ушла. Близкая к акулам, такая же прожорливая, громадная и сильная, она страшила своей молотообразной мордой, увенчанной по плоским ударным поверхностям зеленоватыми выпуклыми глазами.

Вслед за ней поднялась и скат-акула – рыба-пила, морда которой изобиловала массой острых зубцов, перерезывающих одним ударом крупнейших животных.

Вместе с тем оживал весь придонный океанический мир.

Вскоре скалистое дно загорелось фиолетовым блеском. Будто туман, освещенный луной, стлался в отлогой низине.

Измученный и продрогший Ибрагимов едва плелся по неровному дну, спотыкаясь о красивые заросли кустообразных кораллов «венерина веера». Водолазный костюм его приходил в явную непригодность. Электрофуфайка уже не грела; обнажившиеся ножи, подобно шипам, вонзались во все предметы, препятствуя более или менее свободному движению путешественника.

Являясь невольным свидетелем ожесточенной борьбы за существование в океанской пучине, он наблюдал всевозможные комбинации ее. В каждой расселине, в каждом углублении, на каждом шагу клокотала она, захватывая разнообразнейшие виды придонного населения. Мхи и кустарники, цветы и скорлупки – все здесь было наполнено жизнью. Даже кажущееся неорганическими предметы большей частью являлись несомненными тварями, бесшумными, хищными и жестокими. Все эти передвигающиеся, плавающие, резвящиеся и якобы выросшие, недвижимые внешне, подобные растениям животные кусались, схватывали, пронизывали, проглатывали, обжигали и ошеломяли, завоевывая себе право на жизнь пожиранием слабейших.

Ибрагимова ничто не поражало. Физиолог по специальности, он знал, где он шел, и представлял себе, что его ожидает.

Ибрагимов едва передвигался. Вдруг откуда-то из-за скал ослепляюще взвился яркий сноп икс-прожектора. Ученый радостно поднял руку, как бы моля о спасении. Луч задрожал и замер, освещая пропавшего путешественника. Ибрагимов увидел этот луч как бы через сетку: мелькали стаи морских животных... Он поднял, сигнализируя об опасности, правую руку еще раз... и потерял сознание. Тупая боль от чего-то навалившегося сверху была его последним ощущением...

IV

Геолог долго и тщательно всматривался в каждый выступ подводных скал, в каждый камень, в каждый обломок, который не интересовал никого из его сотоварищей. Даже совершенно ровные участки дна приковывали его внимание.

– Знаете что? – обратился он наконец к Иванову, вертя перед его глазами какой-то осколок: – Я считаю необходимым приступить здесь к изысканиям... Эту низменность считают частью когда-то существовавшей суши.

Если бы нам удалось обнаружить кристаллические гнейсы и сланцы, теория о древнем материке подтвердилась бы. Тем самым с очевидностью было бы доказано и существование Гондваны. Геологические отложения ее эпохи должны залегать близко к земной поверхности...

Изыскания требовали громаднейшего труда и упорства. Посоветовавшись с Ивановым, он решил предварительно вызвать интерес участников экспедиции. Зная увлекающийся характер Ибрагимова, геолог начал беседу в его присутствии, полагая, что тот поможет заразить товарищей восторженностью.

– Мне думается, мы накануне колоссального открытия, – начал он. – Некоторые данные позволяют предполагать, что мы набрали на памятники существовавшего в неведомые времена народа. Научные исследования дают нам право утверждать это... Наука об истории и строении земли, геология, доказала существование материка, соединявшего некогда Бразилию с Африкой. Континент этот прорезал южную часть океана. Постепенное остывание земного шара налагает свои следы на поверхность планеты; верхние слои земли, подобно остывающему печеному яблоку, образуют грандиозные морщины – горы.

Эти явления, действие подземных вулканических сил и ряд прочих причин влекут за собой постоянное перемещение воды и суши. Земной лик изменяется: океан погло-

щает сушу, суша оттесняет море. Лучшим примером этой борьбы суши и моря служит Голландия, ибо многое в этой стране произошло на глазах истории.

В тринадцатом веке воды Немецкого моря залили плотно населенную территорию. В морской пучине погибли селения, города... На месте суши образовались заливы. От европейского континента отделились Фрисландские острова. И в наши дни голландцы жестоко борются с морем, защищая от его посягательств плотинами, шлюзами, дамбами свою территорию.

— Так вот, такое же опускание суши привело к отделению Гондваны от материка Азии, подобно тому, как Атлантида отделилась от Южной Америки. Поглощенный в дальнейшем океаном, континент сохранил лишь высочайшие горы, которые и являются теперь островами. Строение их земной коры тождественно, что вполне подтверждает высказанную теорию...

Геолог умолк, вспоминая читанное о Гондване.

Странное зрелище представляла его немногочисленная аудитория. Все застыли в глубоком внимании, в немых позах. Их, недвижимых и молчащих, окружали невероятные виды животных и рыб, считающихся давно вымершими, но на самом деле сохранившихся в спокойных глубинах. Стекланные губки, норкупины, бокалообразные и потряхивающие игольчатыми бородками, впивались пучками в радиоляриевый ил. Морские лилии бесстрашно позевывали своими цветистыми венчиками.

Геолог сорвал одну из них.

— Этот вид животных мы до сих пор знали только по его окаменевшим трупам, найденным в глубоких пластах морских отложений на европейском материке. Современным европейским берегам оно не известно. Там оно уже вымерло. Его скелеты заставляют догадываться, что когда-то эта часть океана и та территория суши, где были найдены окаменелости лилий, имели родственное морское население, т. е. когда-то одновременно они составляли морское дно... Но, конечно, всего интереснее очень большое подобие животного и растительного мира островов, разбросанных по

океану между Южной Америкой и Европой... Земляничное дерево, папоротники, мхи и многие другие растения свойственны как атлантическим островам, так и средиземному побережью...

Что же касается фауны, сходство ее тем более замечательно. Земные животные не могли распространиться по всем островам, если бы последние раньше не составляли общего континента. Вывод ясен: Атлантида существовала. Однако и в отношении Гондваны ничуть не меньше подобных же доказательств.

Любознательность некоторых слушателей была еще не удовлетворена. Многие ждали еще чего-то. Ибрагимов встал рядом с геологом и обратился к товарищам:

– Если желаете, кое-что прибавлю и я. Но буду говорить о человеке...

Слушатели склонили головы в знак согласия. Ибрагимов прислонился к скале и начал мечтательно и тихо:

– Племена, населявшие Канарские острова, во времена их открытия европейцами бережно хранили памятники старины... Некоторые из их предметов имеют полное сходство с предметами, употреблявшимися древними мексиканскими племенами. Кроме того, целый ряд чисто физиологических признаков склоняет нас к мысли о принадлежности обеих народностей к одной и той же расе. А полное сходство скелетов?... Бросаются в глаза удлинённая голова, резко выдающиеся челюсти, высокий рост обоих племен. Открытые в тропических лесах памятники далекой культуры древних обитателей Южной Америки – развалины грандиозных зданий, носящих следы высокоразвитой резьбы и скульптуры – подчас поражают сходством своим с памятниками Египта... Разве случайностью объясняется то, что древние народы Южной Америки, атлантических островов и Египта, отделенные колоссальными расстояниями друг от друга, сумели оставить мумии?

В заключение нужно отметить, что вавилонские записи гораздо древнее библейских сказаний... Так вот, товарищи, на нашу долю выпала исключительная задача – проверить,

а может быть, и доказать, правдоподобность этих сказаний.

– Так что же из этого? – вмешался один из путешественников. – При чем здесь Атлантида?

Взволнованный Ибрагимов положил свою руку ему на плечо. В тоне его речи сквозило желание уверить товарища, убедить в обоснованности аналогий...

– Гипотеза о существовании Атлантиды, мне лично думается, уже доказана. Гондвана – пока что вопрос научной фантазии. Суммируйте по отношению к Гондване доказательства, аналогичные доказательствам существования Атлантиды, – тогда вопрос не покажется спорным. А таких доказательств уже немало...

Взгляды путешественников были устремлены туда, где темнела пепельно-меловая каемочка кряжа, окружавшая котловину, по которой продвигалась теперь экспедиция. Сравнительно невысокий хребет своей математической правильностью наводил на невольные размышления.

В самом деле, разве не похожи на сооружения сознательных существ овальные башнеобразные возвышения, располагавшиеся приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга? Или грандиозный пирамидовидный холм, с первого взгляда производивший впечатление вулканического конуса, выдавшегося среди других неровностей?

Дно океана, представлявшее собой до сих пор совершенно гладкую плоскость, с того момента, как экспедиции перевалила через геометрически рассчитанную полукруглую дюну, превратилось в громадное поле. Оно было усеяно колоссальными валунами.

– Не кажется ли вам, товарищи, что все эти на первый взгляд хаотически разбросанные глыбы в конце концов расположены в известном порядке? – обратился Ибрагимов к экспедиции.

Геолог слегка обернулся к нему, блестя заячье-выпуклыми линзами очков. В тоне его послышалась явная усмешка.

– Вы, может быть, полагаете, что мы среди гондванских руин? Рано, мой друг!

Ибрагимов смолчал. Однако чем пристальнее он всматривался в странное кладбище валунов, тем больше в расположении их юноша подмечал известную плановность. Воображение его разгоралось. Ему казалось, что он находится среди разрушенных землетрясением улиц давным-давно вымершего города. Ему казалось, что камни кричат, зовут ознакомиться с их историей...

Геолог тем временем склонился над обрывом, черной трещиной разламывавшим долину.

Счищая ил со скалистых отвесов, он изучал почвенные напластования. Окончив исследование, ученый собрал вокруг себя экспедицию и, наведя пронизывающие лучи искрпектора на утес, взволнованно объяснял:

– Результаты, коллеги! Смотрите, что получилось!.. Три раза океан покрывал эти горы! Вы видите, прослойки раковинных известняков насчитывают три горизонтальных полосы? Первая – ил, это – позднейшие, так сказать, современные отложения... Второй слой относится ко временам Пермской эпохи. И третий, наконец, почти граничит с гранитной массой... Третий пласт представляет собою исключительный интерес: он принадлежит лейясовому морю. Быть может, более серьезное исследование позволит нам найти и доказательства этому.

Ученый не успел закончить мысль, как нашлось подтверждение.

Один матрос, заинтересовавшись громадной выпуклостью «чертова» пальца, выковырял найденную им окаменелость. Геолог тотчас подбежал к нему.

– Ого! Ведь этот белемнит величиной в полметра!..

Видом своим находка очень напоминала палку, оканчивающуюся конусообразным углублением. Геолог, показывая ее путешественникам, сказал:

– Это не камень, как думали в очень давние времена. Это верхняя часть скелета вымершего в далекую юрскую эру организма. В отверстие прятала свой острый конец раковина-белемнит. Белемниты совсем не были похожи на чертов палец. К переднему концу они разворачивались в пластинку, подобную громадному листу, в которую могли за-

прятаться животные величиною до двух-двух с половиною метров...

Вся остальная часть дня ушла на изыскания. Экспедиция решила вскрыть загадочную вулканоподобную пирамиду. Твердые и острые лопасти приспособленных к работе тракторов взрезали массивные глыбы прессованной земли. Каждый метр вскрытого слоя подвергался внимательному изучению.

Составлявшие породу вещества почти сплошь содержали древне-морские, преимущественно тропические, в современном понимании климата, отложения. Разноцветные известняки, доломит, глина и песчаники прослаивались по горизонталям, как листья в стопе бумаги. Каждая порода обладала специальными, присущими только ей одной свойствами: и плитняковые наслоения, и насыпанные пласты, и даже коралловые известняки – все входило в допотопное построение юрских отложений. Слои упали на нижнюю черную пелену древнейшей эпохи, эпохи лейясовых морей, необычайно теплых в свои времена и кишевших чудовищами-исполинами.

Тяжелые часы изнурительной работы не прошли даром. Были найдены несколько окаменелостей древних водных существ.

Экспедиции повезло. Почти в самом начале раскопок путешественники обнаружили хорошо сохранившийся скелет плезиозавра, достигавший восьми метров длины. Вымершее животное имело небольшую голову и длинную, как у страуса, шею. Туловище насчитывало всего до двадцати позвонков, хвост и шея имели их сорок. Ноги доисторического чудовища сохранили пять длинных пальцев – костяки плавников. Ведя хищный образ жизни, гиганты проглатывали пищу свою целиком, потому что жевать добычу им было нечем.

Вслед за этой находкой путешественники наткнулись на колоссальное кладбище ихтиозавров. В породах сланца они сохранились исключительно хорошо. Даже мягкие части древних дельфинообразных рыб оставили свои отпечатки.

Палеонтолог тщательно вырезал плиту, отпечатавшую погребенного ихтиозавра-исполина величиной метров в четырнадцать. Он собрал около нее всех. Челюсти рыб были унизаны множеством, до двухсот, острых зубов, шея была коротка. Построение костяка напоминало акулу. В той части скелета, где можно было предполагать желудок, залежали раздробленные рыбы косточки – остатки пищи. В одном из найденных экземпляров покоился скелетик маленького ихтиозавра; следовательно, ихтиозавр плодился не яйцами, а, подобно киту, был живородящ.

Когда палеонтолог заявил об этом, некоторые из сотоварищей заспорили. Ученый спокойно возразил:

– Если бы это были скелеты поглощенных в пищу рыб, костяк их был бы поломан. А мы отмечаем его полную неприкосновенность.

Но не только одни гиганты-чудовища попадались путешественникам. Вместе с доисторическим животным миром перед ними открывались и тайны древнейшей растительности, отпечатавшей негативы хвощей, папоротников и хвои на триасовом полотнище. Чего стоили одни едва уловимые неопытным глазом пышные изображения саговых пальм, выращивавших лакомую пищу для четырехногих бронтозавров семнадцатиметровой длины, похожих на гигантских ящериц?

Зоолог невольно сравнивал юрскую флору и фауну с современной глубоководной. Дно океана напоминало ему о былом – и иглокожие, и кремневоскелетные губки, и корненожки, и плеченогие, и двухстворчатые, и брюхоногие и прочих форм существа... Гигантские морские лилии, в юрские дни достигавшие семидесяти пяти метров длины, имели теперь полутораметровых преемников.

Экспедиция набрела буквально на кладбище мезозойской эры. Ветвеобразные и шаровидные, многогранные и веероподобные скорлупы разных систем и свойств заполняли известняки, как иллюстрации кишевшей когда-то здесь жизни. А над пластами юры расположились уже обследованные экспедицией извилистые слои меловой системы, состоящие отнюдь не из чистого «писчего» мела, а также

из многих пород известковых, песчаниковых, глины и сланцевых...

Переход от юрских пластов к верхним отложениям мелового времени являлся для путешественников наглядным показателем эволюции нашей планеты. Если пограничная зона обоих периодов таила в себе мало отличий, то верхний слой меловой эпохи коренным образом отличался от юрских нижних пластов. Флора древнейшего мира преобразилась в древнюю флору: тюльпановые деревья, плющ и магнолии заступили место хвощей и цикадовых пальм, бурно и пышно развившись на перегнивших и оземляневших трупах своих дальних предков. Мощные жилы железной руды, асфальта и нефти скрывались в отложениях меловой системы, менее богатой по своим памятникам, чем более древние юрские пласты.

На следующее утро, когда загадочную пирамиду вскрыли до самого основания, подавленный Ибрагимов сказал геологу:

– Я все-таки убежден в том, что холм представляет искусственное сооружение древнейших людей Гондваны... Я надеюсь, мы обнаружим скелеты... и мумии скажут нам о жизни погибшей страны. То же, что мы нашли, в науку не вносит пока ничего нового. Наши находки уже давно известны палеонтологам...

В беседу вмешался биолог:

– Не так-то уж плохо! Мы первыми из людей получили возможность сравнить органический мир, отошедший в область преданий, с современным, наглядно убедились в том, что глубины Индийского океана многое сохранили от древности. Разве мир наших дней не подобен миру юрской эпохи?

Он указал рукой на окружающее.

Среди извлеченных окаменелостей можно было видеть массу скелетов, напоминавших скелеты современных морских животных. Это в особенности относилось к ластоногим типа тюленей. Более мелкий животный мир был целиком как бы перенесен в настоящее из древней эпохи.

На глубине двух километров тягучий ил кишел самыми невероятными формами. Каракатицы и крабы, морские звезды и раковины, лилии, глубоководные кораллы и губки сияли цветами радуги. Слепые и зрячие, светящиеся и черноцветные организмы лепились и прятались, колыхались на месте и плавали... Цепляясь за хищные ветви глубоководных животных-растений, подавленный Ибрагимов вдруг услышал неистовые, возбужденные крики:

– Человека нашли! – кричали матросы, размахивая над головами странными предметами.

На зов их бросились все. Спотыкаясь и падая, Ибрагимов устремился к столпившейся близ тракторов группе товарищей. То, что увидел он, в первое мгновение повергло его в смятение. Конечно, здесь был человек!

Кучка углей и золы, обглоданные кости животных, кухонный мусор и обращенные выпуклостью кверху панцири черепах, служившие прикрытием от непогоды, валялись неподалеку друг от друга... И около – совсем сохранившийся скелет нашего предка!

Останки нашли в верхнем покрове третичных отложений, следующих в очередь за более ранней меловой системой... И еще особенно резко бросилась в глаза находка употребившихся тем человеком орудий из камня.

Но это разумное существо, знавшее огонь и употреблявшее оружие, по мнению палеонтолога, не было еще настоящим человеком. Это было человекоподобное животное, мыслящее, но все же еще лишь занимавшее место между современной человекообразной обезьяной и человеком.

Ибрагимов разочарованно отступил. Палеонтолог заметил его печаль и, положив руку ему на плечо, пытался успокоить:

– Какой вы странный! Признали, как факт, Гондвану, нашли клинообразный штамп на плите и решили, что вы уже обрели прямой путь от вашей фантазии к подлинной истории древних людей! Наши изыскания еще не кончились... Разве не знаете вы, что «Фантазер» завтра опустится здесь, чтобы приступить к работе?

Это было безусловно искусственное сооружение. Тяжелые гранитные плиты, соединенные каким-то цементирующим веществом, до сих пор сохраняли прекрасные свойства. Звонкий стук молотка показал, что по ту сторону стены скрывалась обширная полость. Ибрагимов был вне себя. Он высказывал необычайные предположения. Несколько расхолаживающе действовал лишь геолог, у которого положительно для каждой загадки находились сухие научные объяснения.

Теперь Иванов изучал каждую метку, каждую трещину в почве, в камнях, строго взвешивая свои заключения.

– Знаете, товарищи? – наконец обратился он к спутникам: – Кажется мне, что в данном случае мы натолкнулись опять на игру природы. В Галиции и Подолии встречается масса таких же конусообразных холмов-пещер. Их происхождение долго объясняли причинами вулканического характера. Позднейшие же исследования показали иное. Холмы-пещеры оказались построенными кораллами... Много сотен тысяч лет тому назад Бессарабия, Галиция и Подолия были морским дном. Тогда на них народились коралловые острова. Засыпанные сверху морскими отбросами, водорослями и трупами животных, коралловые пьедесталы покрылись почвой, со временем ставшей плодороднейшей... А внутри затаились пустоты, полости... Когда море покинуло Галицию, эти пещеры-холмы (их называли толтрами) остались. Они сохранились до сих пор. Именно по их раковинным кладбищам и пришли к заключению, что там бушевал в древние дни океан. Не толтры ли встретились нам и здесь?

Его рассуждения не охладили пылкого Ибрагимова.

– А как назовете вы эти ступеньки? – обратился он к геологу, счищая известковый ил с двух нисходящих плит.

Взорам путешественников представилась странная отлогость. Одна за другой на ней прорезались каменные сту-

пеньки. Узкая шахта привлекала внимание исследователей своею таинственностью. Даже сдержанный Иванов, оживившись, принял самое деятельное участие в раскопках.

Вскоре лестница оборвалась, и исследователи очутились перед плоской каменной глыбой, по видимому, стеной.

Как дальше быть? Вскрывать ли обнаруженную полость? Всем было понятно, что океанские воды, ринувшись в нее, сметут все находившееся в каменном мешке. Кессоны же воздвигать было чересчур сложно.

Лучи икс-прожектора вновь прорезали омертвевший пласт. Массивная стена, сооруженная из азойских гранитов, раскинулась по обе стороны.

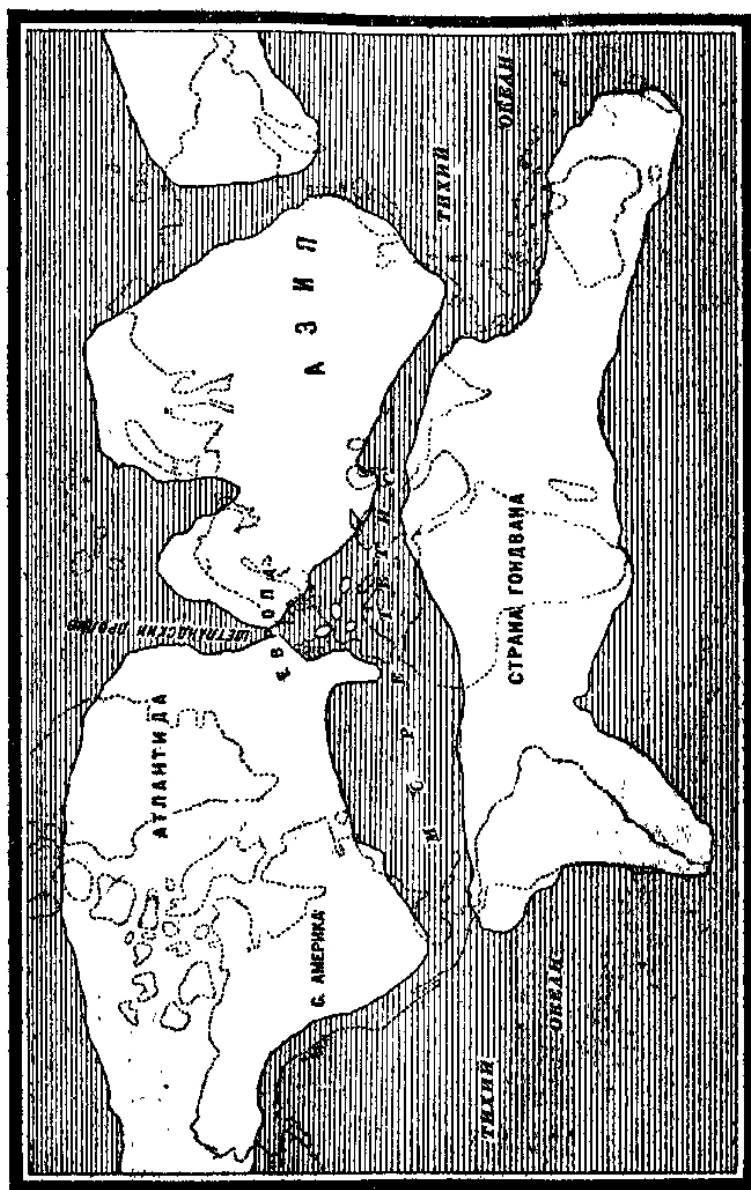
Иванов приказал направить буровые лопасти тракторов параллельно таинственным стенам. Вскоре обнаружились изящные иероглифы, родственные клинообразной письменности древнейших вавилонян. Среди неведомых знаков встречались изображения допотопных животных.

Теперь уже никто не мог подвергнуть сомнению, что некогда эта часть океанского дна представляла собою сушу, заселенную народом высокой культуры. Ибрагимов ликовал.

О находке немедленно сообщили Радина. Во все стороны света, по всем направлениям полетели космические волны: «Фантазер» извещал человечество о важнейшем открытии.

Гондвана переставала быть мифом...

Если даже открытый в пучине древний мир и не носил такого названия, все равно подтверждалась теория о погребенной океаном стране. Фантастические сказания египетских жрецов, записанные Платоном, космогонические повествования ниневийцев и вавилонян приобретали реальный образ не далеких человекоподобных существ третичного периода, укрывавшихся от хищников под панцирями гигантских черепах, а высоко развитых людей более поздней, уже четвертичной системы. На глазах путешественников оживала история погибшего плейстоценового человечества..

Ранним утром, как только экспедиция покинула жилища-тракторы, был пойман сигнал, извещающий о спуске «Фантазера». Над самым местом раскопок показался его цилиндрический остов.

Электроход медленно приземлился к океанскому дну. Из его плавников-люков выбросились новые водолазы.

К месту работ подошла группа ученых во главе с Радиным. В невероятном возбуждении осматривали они раскопки. Десятки ассистентов изучали пачки полученных от экспедиции фотографий. Кабинеты, лаборатории «Фантазера» еще не видали такой лихорадочно-кропотливой спешки. Археологи, палеонтологи, биологи – все погрузились в работу. Тайны древнего человечества одна за другой очищались от окутывающей их мифологии.

Тем временем физики определили по звукам объем обнаруженной полости. Согласно их уверениям, площадь пещеры не могла быть меньше двухсот квадратных метров. Опасаясь, что обнаженные стены не выдержат колоссального давления среды, они потребовали немедленного возведения кессонов. Механический кабинет и химическая лаборатория электрохода занялись экстренным изготовлением теотона – вещества, обладавшего прозрачностью и такой же сопротивляемостью, как и футляр «Фантазера». Для этой цели был прекрасно использован глобигериновый ил.

Громадные плиты стекляризованного металла, как ткань на фабриках, выползали из кузова электрохода, из той его части, где помещалось термическое отделение. Этим пластинам физики придавали любую форму, потребную инженерам, воздвигавшим над местом раскопок громадный куполообразный свод. Как только прозрачный колпак накрыл двухсотметровую площадь пещеры, перенесенные с «Фантазера» гидравлические насосы стали выкачивать воду. На смену выступали химики. Разлагая на основные элементы воду, они ввели под свод необходимое количество кислорода, азота и прочих веществ, составляющих обычную наземную атмосферу. Каждый из путешественников мог

после этого продолжать работу в близких к земным условиях.

К утру задача была решена.

Под стекляризованный шатер проникли водолазы. Ибрагимов впервые усвоил основы последних достижений инженерии. Между теотоном и водным слоем залегла полуметровая полость.

От Иванова не скрылось его изумление, и он объяснил ему:

– Вы думаете, мы могли бы свободно входить сюда, если бы не наш теотон? Теотон обладает свойством отталкивания. Именно потому образовалась эта полость. Не будь ее, свод моментально раздавило бы глубинным давлением. Но мы постоянно нейтрализуем давление на предметы, с которыми здесь соприкасаемся.

Начиналась интереснейшая часть раскопок: электросверла уже пронизывали гранитную стену.

Оглянувшись, Ибрагимов увидел, что «Фантазер» поднимался на поверхность.

– Здесь мы остались только вдвоем, – сказал Ибрагимову стоявший рядом геолог: – Электроход отвели в сторону. Вдруг случится какая-нибудь катастрофа... при вскрытии полости. Нами-то можно пожертвовать, а вот – судном?..

В тоне его сквозила ирония.

Ибрагимов хотел сказать что-то. В это время Иванов провел в гранитной плите последнюю борозду. С тяжким громом, почти возле их ног свалилась выпиленная глыба. Густой струей с шипеньем вырвался пар. Маленькие шаровидные молнии, как мыльные пузыри, медленно закружились у входа в пещеру. В белесых клубах холодного воздуха скрылись очертания предметов.

– Это бывает! – услышал физиолог голос руководителя экспедиции. – Давно заметили: когда заводские котлы дают трещины, выходящий пар рождает энергию, и стенки котлов заряжаются электричеством. Точно то же мы наблюдаем сейчас и здесь...

Он звякнул рапирой о дно.

– Вот вам и громоотвод... Смотрите!

Светящиеся шарики тотчас потянулись к шпилью и с треском полопались.

– Ну, а теперь идем!

Судорожным движением он сбросил с себя водолазный костюм и принял вид, в котором Ибрагимов не видел его с момента отплытия с Моледевских островов.

– Будьте как дома, товарищ! – пробасил он в микрофон, направляясь к пещерной брешли.

В мягких лучах ручного прожектора склеп вдруг засветился.

Сбывалось то, о чем так мечтал Ибрагимов...

В густом тумане они различали полукруглые своды пещеры, опирающиеся на несколько грандиозных колонн: Каждая из них представляла собой редчайший памятник архитектуры допотопного человечества. Вылепленные из гипса рисунки поражали своим изяществом, непонятными нашей культуре формами... Среди неизвестных науке изображений вымерших животных встречались фигуры пещерных медведей и мамонтов. Но эти гиганты представлены были не в виде устрашающих, непобедимых зверей, а в виде существ, уже побежденных человеком.

Вот два охотника, вооруженных копьеобразными предметами, мечут над исполинами зигзагообразные стрелы, напоминающие формой своею молнии! Вот человек один на один нападает на занесшего раздвоенный зубчатый хвост дракона и поражает его той же смертельной стрелой!..

Путешественники застыли в оцепенении. Вряд ли такие вещи мог допустить даже всегда фантазирующий Ибрагимов. В этом нетронутом стихией сооружении они узнавали руку культурного человека.

Клубы пара, растаяв, осели. Окружающее вырисовывалось отчетливей. Под ногами находился бетонный пол. Широкая одинокая трещина обнажала блестящий пласт никеля.

– Никель употребляется против разъедающего действия морской воды! – вскричал геолог. – Следовательно, строители этого склепа считали возможным нашествие моря!

Он резко ударил молотком по стене. Небольшой кусок затвердевшей породы отвалился. Из-под него вновь сверкнула никелевая прослойка.

Колонны не позволяли разглядеть всю пещеру. Путешественники, сдерживая охватившее их любопытство, медленно двинулись в обход.

Отовсюду смотрели непонятные изваяния. Каждый шаг, каждый метр пространства таил следы культуры, существовавшей минимум двадцать пять тысяч лет тому назад.

Пещера состояла из трех комнат, соединенных друг с другом прорубленными в стенах дверями. Посредине второй комнаты возвышался каменный пьедестал.

По широким ступенькам исследователи поднялись к его вершине. На каменной плите головой к югу лежала деревянная человеческая статуя. Под уцелевшей эмалевой краской сохранилась художественная резьба. Статуя изображала одетую в цветистый саван женщину. На ее голове покоилась изящная повязка, украшенная жемчугом.

Ибрагимов взглянул в лицо изваяния. Сквозь слой эмали на него тускло смотрели угасшие янтарные глаза. Коричневатая окраска кожи, густые черные брови, выточенный тонкий нос и несколько выдававшиеся скулы представляли средний между монгольской и египетской расами тип. Затаив дыхание, Ибрагимов не спускал глаз с застывших черт женщины и мысленно переносился во времена ее жизни, читая в каждом мазке художника, в малейшем предмете ее украшений быт древней эпохи. Сколько тысячелетий лежала эта мумия на дне?!

Вечная тишина, фантастическое убранство склепа, своеобразный порядок, введенный когда-то неведомыми руками – все настраивало путешественников на торжественно-созерцательный лад. Станные письмена, сходные со знаками, обнаруженными на скале, виднелись на гранях орнамента. Количество их говорило о том, что они заключали в себе целые сказания.

Особенной роскоши не замечалось. Видимо, это был прах не особенно знатной покойницы, или же роскошь не была необходимым признаком в культе древнейших наро-

дов. В изобилии находился лишь жемчуг, встречавшийся всюду как неотъемлемая часть украшений. Нити его вились гирляндами по своду, переплетались с коралловыми изделиями, а один из квадратов простенка был сплошь усеян им.

Практичный геолог слегка прикоснулся к одной из нитей.

Едва слышный звук, словно от натянутой струны, донесся до слуха: между раздвинувшейся парой зерен блеснул белый цвет платины.

– Я никогда не представлял себе такого обилия жемчуга! – нарушил глубокую тишину Иванов. – История сообщает, что завоеватели Флориды нашли храм Галомнеко, буквально усыпанный жемчугом. Мало того, что храм был отделан им изнутри и снаружи, но и все громадные вазы, обнаруженные в этом храме, были переполнены им... Здесь жемчуг, по-видимому, также не редкость... Смотрите!..

Иванов указал на громадную нишу, в глубине которой помещалась высеченная из камня копия мумии величинной в несколько метров. Все, начиная с массивной плиты и кончая мельчайшими принадлежностями костюма, искрилось крупными каплями жемчуга.

Некоторые экземпляры его достигали величины среднего яблока.

Но если бы это считалось у гондванцев роскошью, то вряд ли они, украшая жемчугом целые стены иероглифоподобных надписей, пожалели бы употребить встретившуюся в виде тончайших подвесков-нитей платину. Золото и прочие металлы, судя по отделке предметов, им также были прекрасно знакомы.

Затрещал микрофон.

– Слушайте, слушайте! Живы ли вы?..

– Да, мы живы! Пещера оказалась склепом... Древнейшая мумия... Письмена... Нужны археологи!

В ожидании «Фантазера» путешественники решили обследовать третью комнату. Она обнаруживала полное сходство с только что оставленным залом. И здесь возвышался пьедестал, на котором покоилась мумия. Но здесь находи-

лась мумия мужчины. Убранство, расположение предметов было подлинной копией первой комнаты.

Пока геолог обследовал склеп, Ибрагимов поднялся к мумии покинутой женщины. Он робко склонился у ее изголовья, пристально вглядываясь в лицо. Сквозь янтарную пелену впадины глаз бросали мутный отблеск померкших зрачков.

– Здесь погребен труп! – с недоумением и тревогой вскричал физиолог, всматриваясь в глаза мумии.

Металлический звон отвлек их внимание. У скалы за стекляризованной оболочкой кессонов мерно покачивался цилиндрический корпус. Группа ученых в глубоком молчании перешагнула порог открытого склепа. Эта масса людей принесла с собой в окружающее безмолвие оживление, суету, так не вязавшуюся с обстановкой.

– Да, несомненно мумия! – провозгласил Радин и осторожно стукнул молотком по стенке пьедестала.

Вновь легкий звук обнаружил под массивом полость. Через несколько мгновений в руках Радина уже находился фотографический снимок: на сероватом поле темнели неясные контуры.

– Не хранится ли там что-то, относящееся к жизни покойницы?

Инженер начал вскрывать пьедестал. Каждый предмет, каждый сантиметр ниши фиксировался фотоаппаратами. Ибрагимов, следя за работой, производил киносъемку.

Наконец пьедестал был вскрыт.

Тайна тысячелетий поразила всех своей неожиданностью. Обнаружилось то, чего никто из участников экспедиции ожидать не мог. В трех герметически закупоренных и наполненных какой-то желтой прозрачной жидкостью сосудах находились внутренние человеческие органы. В одном сохранялся головной мозг, в другом – кишечник и наконец в третьем – прочие части.

– А ведь вы оказались пророком! Нет никакого сомнения, что это – останки усопшей! – услышал ученый возглас Иванова.

Ибрагимов взволнованно посмотрел на него.

– Всекие достижения возможны при трех условиях, – продолжал геолог, – фантазии, инициативе и действии. Фантазия рождает, инициатива побуждает, действие убеждает. Ни одна мысль, как бы смелой и «невероятной» она ни была, не является теоретически невозможной. На свете бывает все, ибо мысль материальна, а все материальное рождается самой материей...

Ибрагимов схватил геолога за руку.

– А почему вы так многозначительно сказали, что эти органы принадлежат мумии?.. Вы допускаете, что...

Геолог слегка побледнел и шепнул:

– Да! Попробуйте! У вас есть желание, знания и упорство...

С этих пор в течение нескольких недель физиолог не показывался нигде. Он перешел на электроход и заперся в своем кабинете. Зарывшись в книги, он почти не поднимался из-за рабочего стола. Даже различные опыты, которыми он всегда увлекался, теперь лишь на очень короткий срок привлекали его в лабораторию. Проблема жизни и смерти с головой поглотила его... Он похудел, пожелтел. Горящие глаза свидетельствовали о его напряженной работе.

Правда, и остальные участники экспедиции были не меньше, чем он, увлечены открытиями. Но все же в часы отдыха кают-компания «Фантазера» наполнялась народом. Там шли оживленные беседы, посвященные достижениям последних дней. Каждый час приносил крупнейшие новости. Результаты раскопок превосходили всякие ожидания. По мнению специалистов, в течение двух предшествующих веков археология собрала гораздо меньше данных, нежели экспедиция «Фантазера» добыла в несколько дней.

Больше всех повезло Иванову. Он обнаружил за сводами дальней ниши вторую полость. Там, как оказалось, хранилась библиотека исчезнувшего с лица земли народа. Несколько тысяч заполненных причудливыми знаками дощечек покоились в наглухо замурованных шкафах. Скрижали были сделаны из мягкого металла пепелистого цвета, внешне сходного с оловом, но легкою, как алюминий, и по прочности не уступавшего серебру. Буквы загадочного алфа-

вита не походили ни на одно из древнейших письмен. Пожалуй, большое сходство имели они со стенографией. Видимо, каждый изгиб, черточка обозначали целые слова.

Несколько ассистентов с утра до ночи кропотливо возились, сопоставляя одну таблицу с другой. Им удалось установить отдаленное сходство языка загадочной народности с древне-арабским наречием. Открытие было обязано главным образом начертанию цифр, шесть из которых по форме почти совпадали с арабскими. Одновременно молодой историк, участник экспедиции, определил количество букв новонайденного алфавита в сорок. К такому заключению он пришел, установив индивидуальность начертаний только в сорока обозначениях.

Интерес ученого мира земной поверхности к раскопкам рос. Газеты, журналы, печать всех народов без различия направлений помещала подробнейшие отчеты о новых открытиях. Сотни запросов, предложений услуг и средств принимал ежедневно радиоаппарат «Фантазера».

Результаты раскопок обещали невиданное подтверждение самых фантастических теорий.

Точные копии со всех находок во множестве экземпляров рассылались научным учреждениям мира. Краткие отчеты о ходе раскопок ежедневно передавались по радио.

Хотя этот необычайный шум и был отчасти приятен исследователям, все же он принес Родину немало забот. Всем народам стали известны результаты их работы. Что могло породить все это?

Не раз, поднимаясь на поверхность, «Фантазер» замечал сторожевые суда капиталистического союза... Экспедиция была снаряжена уже после того, как СССР предотвратил ужаснейшую во всей истории человечества бойню – кровавую войну трех континентов. Но это совсем не значило, что империалисты спокойно смотрели на успехи советской техники. Могло ли пройти без внимания изобретение глубоко сидящих подводок, смелые путешествия водолазов на глубине трех тысяч метров под водою?..

Чем грозило такое превосходство советской инженерии? И без того алый пояс советских республик слишком широ-

ко разлился по карте обоих полушарий, сжимая фашистские очаги...

Не раз тема эта рождала дискуссии в среде экспедиции. Можно ли было серьезно считаться с высказанными кое-кем мнениями о том, что правительство капитала преклонится перед научными достижениями вроде тех, какие дала экспедиция «Фантазера»? Много споров вспыхивало и вокруг ибрагимовской формулы: «Обратить материальные средства, предназначенные на вооружения, на развитие производительных сил человечества...»

Многое, конечно, можно было бы создать тогда...

А пока?

Пока приходилось оглядываться...

Ведь до сих пор возможности возведения кессонов, выдерживающих неимоверное давление глубин, буржуазная техника не допускала... Отнесется ли хладнокровно союз капиталистических штатов к невероятной экспедиции «Фантазера»? Капитан настороженно вдумывался в доходящие с земли вести и неустанно твердил всем, что надо быть осторожными.

Приблизительно через три недели Ибрагимов получил от одного из австралийских археологов извещение о том, что ему удалось расшифровать загадочные иероглифы. Внутри письма находился запечатанный пакет, в котором, по словам профессора, приводился русский перевод дощечки. Отправляя зашифрованный перевод, австралийский профессор предлагал остальным археологам перевести эту табличку и затем специальной комиссии сличить предложенные им и другими учеными переводы. Это, по его мнению, позволило бы убедиться в правильности открытого им к письменности погибшего народа ключа. Дальше археолог писал, что он определяет количество букв в гондванском алфавите в сорок и считает его родственным древне-арабскому языку.

Впрочем, самым важным в его письме было указание на способ, при помощи которого он расшифровал алфавит. Ученый обращал внимание всех археологов на надгробную надпись, сфотографированную с пьедестала мужской

мумии. По его заявлению, надписи боковых сторон орнамента были написаны на древне-арабском языке и ни в коем случае не представляли собой гондванской скорописи, как предполагали ученые «Фантазера».

Итак, мнение молодого историка о количестве букв вновь найденной письменности подтверждалось и авторитетным заявлением австралийского археолога.

Тщательная проверка высказанной иностранцем догадки вскоре подтвердила его предположения. Русский текст дощечки, присланный другими лингвистами, совпадал, отличаясь немногим и только в малозначительных деталях.

VI

Через месяц после начала раскопок «Фантазер» уже обладал тайнами гондванского языка.

Открытия экспедиции вызвали во всех кругах культурного мира не только громадный интерес. Вместе с тем, они породили и серьезнейшие разногласия. Участь экспонатов, дальнейшее продолжение раскопок, изучение уже обнаруженных памятников Гондваны, по мнению большинства ученых обществ, входило в компетенцию отнюдь не одной экспедиции «Фантазера». Споры проникли и в ее среду, и Радин вынужден был созвать всех участников экспедиции.

Это было продолжительное и бурное собрание. Оно совершенно не походило на происходившие еженедельно информационные совещания, на которых каждый из ученых докладывал о своих достижениях.

– Я считаю большой ошибкой преждевременное оповещение научных обществ всего мира о наших успехах, – заявил председатель. – Вы представляете, чем это пахнет? Отныне каждый наш шаг будет находиться под контролем научных организаций, не вполне ориентирующихся в нашей работе вследствие оторванности их от базы исследований. Это значит, что наша деятельность сведется к простому фиксированию ближайших объектов изысканий, что сильно сузит наши возможности. Ввиду того, что против последнего протестуют многие из присутствующих, я и решил передать этот вопрос на полное ваше усмотрение...

Открылись горячие прения, в результате которых с «Фантазера» полетела радиোগрамма:

«Ученый совет экспедиции извещает все общества, что, так же как и до сего момента, о всех дальнейших своих шагах экспедиция будет ставить в известность научные учреждения. Вместе с тем, ученый совет со всей ответственностью заявляет о полной невозможности приостановить использование экспонатов на месте раскопок, так как все попыт-

ки извлечь их на поверхность до сих пор приводили только к их гибели...»

Когда успокоенное совещание перешло к слушанию очередных докладов, слово взял археолог.

– Товарищи! – начал он. – Мы имеем в своих руках интересные документы. Нам удалось расшифровать около сотни дощечек. Они знакомят нас с воззрениями древнейшего из всех известных в истории народов. Мы с достоверностью выяснили, что мумии представляют собою прах не царей и жрецов, как обычно практиковалось в Египте. Это – останки величайших ученых того времени. Письмена на надгробном орнаменте женщины сообщают нам краткие сведения из ее биографии. Имя ее – Гонда. Несмотря на сравнительно молодой возраст – она умерла тридцати шести лет – она пользовалась большим авторитетом в кругах своих современников-историков. Как удалось установить при расшифровке дощечек, найденных внутри мужской гробницы, изолированные внутренние органы принадлежат этим трупам. Гондванцы – мы пока всюду называем их так – отличались глубокой верой во всемогущество знания. Они веровали в бессмертие человека и считали вполне вероятным, что наука поможет человечеству разрешить эту проблему. Они допускали, что этот вопрос будет когда-нибудь решен положительно, и поэтому считали необходимым сохранять прах виднейших ученых.

«... Может быть, через тысячелетия победившее смерть человечество оживит их останки...» – посвящает в этот культ одна из расшифрованных записей.

Смерть они считали не переходом в небытие, а лишь временным состоянием, так же, как мы понимаем обморок или сон. Насколько это повествование совпадает с действительностью, покажет вскрытие гробниц. Если мы обнаружим останки Гонды и неизвестного нам еще мужчины, мы в состоянии будем установить историческую значимость записей... Дело за вскрытием мумий, то есть за нашим коллегой Ибрагимовым.

Ученый сидел неподвижно, бледный и напряженный. В его глазах сияли отблески упорной мысли. Теперь, когда

общее внимание было обращено на него, он твердо встал и глухим, срывающимся голосом заявил:

– Именно потому, что вскрытие мумий должно разрешить самые важные вопросы, я воздержусь от вскрытия... Я боюсь, что при малейшем соприкосновении тленных останков с атмосферой их ткань моментально разрушится. Мне уже известен химический состав веществ, которые были применены при бальзамировании. Но обстановка далеко не такова, чтобы можно было решиться на обнажение трупных тканей... Я обращаюсь к историкам с глубочайшей просьбой немедленно сообщать мне записи, относящиеся к бальзамированию. Вообще все, относящееся к физиологии и медицине. А химики, я надеюсь, помогут мне в осуществлении различных химических экспериментов.

Ибрагимов покинул кают-компанию. Он прошел в свой кабинет. Скорбный образ Гонды не покидал его. Ее цветная фотография глядела на него со стены. Под бледным янтарным блеском застывших глаз он видел тусклое сияние ее зрачков.

– Гонда!..

Необычайно сложные и острые чувства владели им. Он весь был во власти мыслей, навеянных заявлениями археолога. Ведь то, о чем он тогда в склепе едва перемолвился с геологом, вовсе не было абсурдом. Проблема оживления человека являлась не только культом гондванцев. Судя по всему, это была теория, признанная достаточно цивилизованной нацией. Разве не научное знание позволило древним сохранить до нашей эры бальзамированный труп, препарировать нежнейшие человеческие органы, каким являлся хотя бы тот же мозг?

Вошедший геолог застал его в крайнем возбуждении. Смущенный, вошел он в каюту и уселся в углу около микроскопа.

– Слушайте!.. Я пришел заявить вам о полной готовности принять самое живое участие в ваших изысканиях. До сих пор я объяснял вашу необыкновенную фантазию исключительно молодостью... Многим из ваших предположений суждено было сбыться. Я решил, что дело не только в юно-

сти. Вы обладаете колоссальной фантазией и, главное, достигающей до дерзости смелостью. У вас, по-видимому, имеется и солидный багаж... цельная, стройная система мировоззрения...

– Так вот, посвятите меня в ваши задачи...

Ибрагимов молчал.

– Если ваш план удастся, ни одна экспедиция, ни в прошлом, ни в настоящем, не сравнится по своим достижениям с нашей.

Ученый провел геолога в лабораторию и там подробно ознакомил его со своими изысканиями.

– В моих научных построениях, – объяснял он, – я исхожу вовсе не из отвлеченных соображений. Я опираюсь на многолетние труды виднейших ученых... Прежде всего смерть – не абсолютное явление. Простейшие организмы, главным образом одноклеточные, бессмертны. Они не знают так называемой «естественной» кончины. Их можно сжечь, раздавить, стереть с лица земли лишь чисто искусственными способами. Если же их не лишать нормальных условий существования и развития, каждое одноклеточное существо размножается беспредельно. Оно делится надвое... Родитель прекращает существование, но не умирает, а, делясь пополам, передает свою жизненную энергию детям, т. е. двум вновь образовавшимся половинкам.

Более сложные организмы обладают также очень высокой степенью живучести. Например, перерезанный пополам дождевой червяк не погибает. Каждая из его половинок отрачивает недостающую часть и продолжает вполне самостоятельное существование. Высшие существа – в данном случае человек, организм которого необычайно сложен – могут жить и лишившись некоторых органов (руки, ноги), но не могут выдержать такие операции, как дождевой червь и другие менее сложные животные. Зато отдельные части человеческого организма проявляют необыкновенную живучесть. Я покажу вам некоторые из своих опытов. Я был в них простым подражателем. От этого они не теряют, конечно, своей убедительности... Взгляните!

Он взял геолога под руку и подвел его к застекленному шкафу. На верхней полке среди целой серии разнообразных, наполненных чем-то склянок помещался странный предмет... Обыкновенная стеклянная колба, в горлышко которой вставлен отрезанный человеческий палец, обернутый со стороны пореза стерилизованной ватой!.. В сосуде находилась вода. Примесь хлороформа препятствовала гниению.

Рядом с ней помещались другие. В первой покоился второй отрезанный человеческий палец, высушенный до состояния мумии; в остальных – кроличьи уши: оживленные и засушенные.

– Так вот в чем заключается содержимое присылаемых вам с континента посылок! – удивился геолог.

– Я проверяю опыт профессора Кравкова, – объяснил Ибрагимов. – Пожалуйста, проследите процесс! Пальцы взяты от трупа, погребенного три месяца назад...

Он извлек из-под воздушного насоса колбу с засушенным при помощи серной кислоты человеческим пальцем.

– Разве это не мумия? Жизнь здесь так же прекращена, как и у нашей Гонды... Решитесь ли вы это оспаривать?.. Нет?.. Прекрасно!..

– Вода – основной элемент жизни. Мумифицированный палец мертв, потому что из его вещества извлечена вода. Посмотрим, что получится теперь, когда этот палец вновь пропитается влагой? Не слышали ли вы, что при некоторых заболеваниях иногда производят так называемые вливания? Подобные операции преследуют цель пополнить физиологическим раствором солей свертывающуюся кровь. Почти такую же операцию, но в более серьезной степени проделаем теперь и мы.

Ибрагимов выждал, пока палец пропитается влагой. Он ввел его под стеклянный колпак, наполненный парами воды; затем вставил в артерию пальца трубочку, влил через нее физиологический раствор.

– Кровообращение, а с ним и жизнь восстанавливаются!.. Считайте, сколько капель отработанной пальцем жидкости, т. е. искусственной крови, выделится в одну минуту!

Некоторое время срезанный конец вены наполнялся медленно нарастающей каплей. Она скатилась в конце концов с пореза. На месте упавшей зрела вторая... И так без конца...

Ученый изменил состав физиологического раствора, примешав новые вещества. Мертвый палец тотчас же стал реагировать на это изменение. Количество выделяемых веной капель возросло. Молодой профессор изменял несколько раз состав раствора, и каждый раз разбухшая мумия красноречиво реагировала на содержимое жидкости.

Аналогичный опыт Ибрагимов проделал над вторым, действительно мертвым пальцем. Количества выделяемых веной капель при одном и том же давлении во вводящей трубке не изменялись при самых разнообразных физиологических растворах...

– Еще не все!..

Физиолог прибавил пилокарпина. Вскоре палец покрылся потом.

– Ко всему виденному вами я должен прибавить, что согласно моим наблюдениям ампутированный палец, помещенный на длительный срок в этот раствор, выполняет и другие функции. Например, его ногти растут.

Действительно, фотография, снятая с пальца через четыре часа после ампутации, запечатлела коротко остриженный ноготь, тогда как теперь ноготь оказался отросшим.

– Что вы думаете? – спросил Ибрагимов геолога. – Ампутирован ровно три месяца тому назад.

– Ожил! – воскликнул изумленный геолог.

Ибрагимов подвел его к другому столу. Показывая высушенный отрезок кроличьего кишечника, он улыбался.

– Не менее показателен опыт профессора Словцова.

Ученый ввел заскорузлую высушенную кишечку в особый раствор, названный по имени его изобретателя Тирода, и подогрел жидкость до температуры живого тела. Через некоторое время кишечник стал не только сокращаться и извиваться подобно живой кишке, но и выделять пищеварительные вещества.

Опыты Ибрагимова не были его оригинальными работами. Они были уже известны в науке еще с первой половины двадцатого столетия, но были одно время почти забыты. Лишь недавно оживился к ним интерес.

– Да!.. Все-таки вы оживляете не все ткани, – сказал геолог, – вы демонстрировали совершенно умерший и оживающий пальцы. Насколько я понимаю вас, ваша теперешняя цель – оживление окончательно умерших организмов, так сказать, воскрешение? Уверены ли вы в возможности этого?

Ибрагимов загадочно отвернулся.

– А что вы скажете по поводу такого вот опыта?

Он подал геологу последний номер журнала «Вестник физиолога». На первой странице была помещена статья, посвященная давним опытам профессора Кулябко.

Статья доказывала полную возможность оживления серьезнейшего органа человеческого и животного организма – сердца. Вырезанное из пролежавшего некоторое время трупа, оно подвергалось тщательнейшей промывке его сосудов. Затем через него пропускалась питательная жидкость, нагретая до температуры тела, физиологический раствор в достаточной степени был насыщен кислородом... Сердце так же, как и в живом организме, начинало биться и билось до тех пор, пока его не переставали питать раствором.

– Итак, все зависит, как видите, от трех условий: водонасыщенности организма, температуры и введения необходимых питательных веществ. Отыщите характер реакции – и цель достигнута!

Тон Ибрагимова дышал убежденностью. В словах юноши не было романтического пафоса. Наоборот, в них сквозила большая деловая уверенность.

– Однако далеко еще до оживления мумий! Последнее пока только – одна фантазия! – возразил геолог. – Как можно оживить, если даже растения умирают?.. Как известно, в начале прошлого века Мюнтер пытался вырастить семена ячменя, извлеченного из гробниц египетских мумий. Прележав там две с половиной тысячи лет, они совершенно потеряли всхожесть... Виттмаку тоже не удалось их выра-

ститъ: опущенные в воду зерна превращались в клейкую массу.

Ибрагимов уже потерял интерес к дискуссии.

– По-моему, Мюнтер и другие испытывали только физическую всхожесть семян, ничуть не пытаясь предварительно вернуть им химическим путем жизнь. А я хочу добиться именно этого. И своего добьюсь!

Ознакомив геолога с работами, Ибрагимов пригласил его пройти на место раскопок. Он любил посещать склеп именно после занятий.

– Мне не нравится ваше неверие, – говорил он дорогой. – Я не понимаю, как это вы, работающий в научной области, где также нужна большая работа воображения, можете быть таким скептиком? Ведь без фантазии совершенно нельзя ставить отдаленных целей. Ведь только такие цели всегда особенно серьезны и заманчивы. Инициативу чаще всего рождает фантазия.

Они вошли в склеп.

Перед ними находился нетронутый прах Гонды. В янтарных глазах мумии по-прежнему тускло сиял блеск угасших зрачков. Ибрагимов долго стоял, склонившись над бранными останками. Проблема жизни и смерти вновь загорелась в его мозгу с такой яркостью, как может только вспыхнуть она в голове человека, видящего вперед на десятилетия, если не на века.

– Труднее всего будет возратить действенность мозговым тканям, – после глубокого раздумья произнес он. – Когда перережут нерв, он нередко, залечиваясь, сообщает пораненной части ее первородные свойства: зарастает глубокая рана, и поврежденная конечность приобретает чувствительность вновь... Приходилось ли вам когда-либо очень глубоко порезать палец?

Геолог не мог скрыть улыбку:

– Да, Но мне никогда не приходилось слышать, чтобы совершенно отрезанный палец... приращивали...

– Я видел сам, как при помощи радия одной молодящейся старушонке заростили природный свищ на щеке! – ответил Ибрагимов.

Позднее, за ужином, они слышали исключительные по интересу сообщения о новых открытиях. Расшифрованные письма подтверждали точность первоначальных записей: обе обнаруженные мумии являлись телами двух величайших ученых. Помимо того, дальнейшие записи указывали, что обнаруженный склеп был построен на самом берегу острова Атос, лежавшего на расстоянии пяти куэнов от области холмов.

Таким образом, оставалось установить древнюю меру длины применительно к современному километру, чтобы наверняка набрести на следы древнейшего поселения.

Это открытие позволило экспедиции сделать некоторые выводы относительно срока, отделявшего нашу эру от времени гондванской катастрофы.

Мысль об этом подал Иванов. Он вспомнил, что руины города Ур, обнаруженные при ассиро-вавилонских раскопках, отстояли от моря на сто шестьдесят километров, тогда как в период расцвета город этот был расположен на самом берегу моря. Так говорили древние клинообразные записи.

– Нам известно, – заключил Иванов, – что море беспрерывно наступает на сушу в одних местах, поглощая все новые и новые территории, и отступает в других, покидая свои глубины. Эпоха расцвета погибшего Ура нам известна. Но аналогии можно установить, в скольких километрах от древнего моря отстоит сейчас место, где находится склеп. Узнав расстояние до древнего моря и зная темп его отступления от суши, мы, конечно, приблизительно, установим и время гибели Гондваны.

– А почему вы так верите этим дощечкам? – спросил один из путешествовавших. – Может быть, склеп был построен совсем не на острове?

– Проверить нетрудно, – ответил Иванов. – Земля – та же книга: каждый пласт имеет свою историю. Самые древние слои состоят из гранита. Там, где напластовались известняки, мел, раньше существовало море. Это – морские отложения. И так далее... Посмотрим, одинаковы ли отложения в пластах земли возле склепа и там, где кончается плоско-

горье? Если не одинаковы и если одни отложения известковые, другие наземные, значит – записи на дощечках правдивы.

– Позвольте, нам и выяснять не надо! Наши первые раскопки прекрасно подтверждают достоверность записей, – скромно вставил геолог. – Здесь, возле склепа, мы не находим почвенных отложений древнейшего, лейясового моря... А там мы нашли даже окаменелости лейясовых рыб и многих других древнейших морских обитателей.

Геолог склонился над вычислениями. Через несколько минут он заявил:

– С гондванских времен прошло около двадцати пяти тысяч лет...*

«Двадцать пять тысяч лет насчитывает Гонда!..» – подумал о мумии Ибрагимов.

Он представил себе, какие гигантские изменения постигли за этот срок нашу планету, и не мог удержаться от восхищения:

– Поразительно! Знаете, что из всего этого следует? Труды экспедиции «Фантазера» тем более интересны: они позволяют установить возможность катастроф, подобных атлантической и гондванской, в будущем...

– Не думаете ли и вы себе воздвигнуть такой же склеп? – усмехнулся Иванов.

– Я вижу, что вы все еще смешиваете фантазию с фантастикой, – отшутился Ибрагимов и прибавил, протягивая руку к вделанному в стену шкапу, около которого сидел Иванов:

– Дайте-ка лучше мне арабско-гондванский словарь!

Обнаруженная в первые дни раскопок надгробная плита с записями на двух языках – древне-арабском и гондванском – позволила экспедиции составить довольно подробный словарь. Его-то теперь он и просил.

После ужина Ибрагимов удалился в свой кабинет. Он внимательно просмотрел весь словарь, но не нашел там даже намек на название «Гондвана». Он вспомнил, что в

* Исчисление приводится произвольное (*Прим. авт.*).

библиотеках ниневийских царей в месопотамских раскопках были найдены и грамматика древнего языка, и словари. Почему же и в данном случае они не могут рассчитывать на такой же успех?

Весь следующий день Ибрагимов, нащупывая почву для решения волновавшей его задачи, посвятил опытам по оживлению насекомых, погибших в янтарной массе. Когда-то, очень давно, еще во времена мамонтов, попали букашки в клейкую смолистую массу, к нашей эпохе окаменевшую. С большим упорством он извлекал оттуда допотопных букашек. Львиную долю внимания обращал физиолог на то, чтобы не испортить трупиков. Он растворял янтарь различными способами, внимательно следя за тем, чтобы применяемые им вещества не повредили останков. Ему наконец удалось снять янтарный покров с насекомых. Даже сильнейшие микроскопы не обнаруживали на тельцах посторонних осадков.

Извлеченные из янтаря трупики пропитались смолистым раствором и изнутри. Самой тяжелой задачей было совершенно очистить их. Так или иначе, своего Ибрагимов добился. Теперь для оживления насекомых надо было насытить ткани их влагой. В распоряжении молодого ученого имелось несколько однородных мушек. Одной из них он решил пожертвовать для получения необходимых предварительных данных.

Он изучил не только ее физическое построение, но произвел и химико-физиологический анализ телесной массы. К этой работе ему удалось привлечь единственного энтомолога, находившегося на «Фантазере». Тот с удовольствием присоединился к Ибрагимову. Вскоре они установили, что химический состав клеток совершенно исчезнувшего с лица земли насекомого тождествен современным: те же белковые соединения, в такой же точно пропорции, как, например, у шпанских мух, играли первенствующее значение. Когда этот вопрос был разрешен, исследователи приступили к непосредственному оживлению подготовленных к опыту букашек.

Они поместили мушек в наполненный сгущенными парами сосуд. Температуру понизили против нормальной на несколько градусов, полагая (вполне основательно, как оказалось впоследствии), что этот вид насекомых существовал, когда на земле климат был холоднее. Через час органы мушек набухли. Водонасыщенные трупки приняли нормальный вид; исследователи подвергли букашек действию ультра-фиолетовых радиоактивных лучей.

Результат получился неутешительный: букашки не подавали признаков жизни.

Первая неудача не охладила пыла ученых. Повторный анализ вещества организмов убедил окончательно в полном подобии состава клеточек живых насекомых и извлеченных из янтаря. Оставалось самое трудное – отыскать возбудителя жизни.

Надо было найти ту каплю жизни, тот толчок, который разбудил бы букашек, сообщил бы трупам движение, действительность. Пробудившийся инстинкт жизни сделал бы свое дело...

Ученые применили последнюю меру: опрыскивание насекомых питательной жидкостью, после чего Ибрагимов вновь направил на них радиоактивную энергию калия.

Не прошло и минуты, как лапка одной из мушек стала подергиваться. Еще минута – и в движение пришли все конечности.

С затаенным дыханием исследователи прильнули к стеклянным стенкам сосуда. Робкие первые судороги крылышек приводили их в содрогание.

Вдруг одна из букашек очнулась, быстро задергала всеми шестью лапками и, перевернувшись на брюшко, поднялась. словно в полусне, поводя усиками, она почесалась, взмахнула прозрачными крылышками и... полетела!..

Наткнувшись на стеклянное препятствие, мушка осела на стенке сосуда и поползла сверху вниз.

– Витамины сыграли роль!

Бледный энтомолог стоял, вперившись остекленевшими от радости глазами в это погибшее много тысяч лет тому назад насекомое. Ибрагимов неверной походкой подо-

шел к микрофону и заплетающимся языком крикнул в радиоприемник:

– Сегодня, двадцатого августа 19... года, экспедиции «Фантазера» удалось оживить извлеченную из янтаря букашку «иртек»... Насекомое вымерло тридцать с лишним тысяч лет тому назад. Да здравствует знание!..

Факт оживления янтарных букашек произвел на всю экспедицию сильнейшее впечатление. Пылкий и юный Ибрагимов сразу завоевал тот авторитет, в котором многие склонны были ему отказывать. Первая же встреча, оказанная ему коллегами, говорила о том, что время иронических и покровительственных усмешек прошло.

За утрненным чаем вспыхнула оживленная беседа. Иванов заявил молодому профессору о полной готовности создать для его дальнейших работ любую посильную им обстановку. Довольный успехом своих первых опытов, за которыми должны были последовать другие, еще более волнующие, Ибрагимов решил посвятить этот день осмотру раскопок. Так редко он посещал их в последние дни. Он настоял на том, чтобы раскрыть одну из мумий. В ответ на высказанные сомнения, он твердо заявил:

– Экспедиция располагает всем, необходимым для повторного бальзамирования тела, если в этом окажется необходимость.

На созванном тут же совещании ученого совета Ибрагимов получил нужное ему разрешение. Целый консилиум отправился вместе с ним в склеп.

Решено было вскрыть сначала мужскую мумию, так как особенно затейливое строение надгробного пьедестала сулило больше открытий.

При ярком свете лучей икс-прожектора консилиум приступил к работе. Ученые осторожно вскрыли деревянное ложе, в котором покоилось тело мертвеца. Формой своей гроб напоминал человеческую фигуру. Это была чрезвычайно искусная скульптура по дереву: все, до самого мелкого штриха, до малейшей морщинки походило на подлинный облик умершего. Верхняя часть туловища – лицо, шея, руки – была покрыта тонкой прозрачной массой, по-

хожей на слюду. Она придавала мумии вид ничем не покрытого трупа. Под футляром покоилось тело, обернутое в длинные полосы просмоленной материи. Деревянное ложе, одежды покойника сохранили первоначальный вид, словно погребение было совершено только накануне вскрытия. Нигде не было обнаружено и признаков тления.

Деревянные части гроба облегал непроницаемый слой цветной эмали, предотвративший процесс загнивания.

Тонкий аромат благовонных веществ наполнил комнату, когда останки перенесли на помост. На груди мумии под верхней пеленой ткани лежала платиновая пластинка. В верхней части над мелко вырезанными знаками красовался странный рисунок четкой чеканки: над беспредельным водным пространством застыло яркое созвездие Веги, бросающей мягкие блики в морскую зеркальную гладь. Внизу робко лепился скалистый берег. Блестало художественно исполненное тиснение.

– Девять знакомых знаков! – воскликнул археолог, считавший своей специальностью египтологию.

Он низко склонился над рисунком, рассматривая знаки. Поза, выражение лица выдавали его волнение. Шепча про себя что-то, он наконец поднял голову и возбужденно, глядя на Иванова, вскричал:

– Государственный герб Гондваны!..

Десятки рук жадно тянулись со всех сторон к платиновой пластинке. Каждый хотел поскорее удовлетворить свое любопытство и удостовериться в правильности заявления египтолога.

– Итак, Гондвана – не миф! – нарушил молчание Иванов. – Отныне Гондвана – факт, подлинность которого установил «Фантазер»...

...Открытие произвело сильнейшее впечатление. Дальше никто уже работать не мог.

Шумной жестикулирующей толпой возвращался консилиум на электроход раньше обычного времени, нарушая жесткий регламент «Фантазера». Но до регламента ли было в эту минуту?..

Ибрагимов остался в склепе. Одиноким, стоял он, склонившись над мумией. В его руках находился оставленный археологом фотографический снимок пластинки. Он заметил его только тогда, когда шум ушедших из склепа умолк за герметической дверью.

Ибрагимов долго смотрел на полуобнаженное тело покойника, с трудом воспринимая действительность.

Сейчас он как-то не осознавал того, что видел. Мысли его витали далеко. Перед ним вставали картины виденных месяц тому назад покрытых илом руин океанского дна.

Почти машинально ученый выключил свет.

Он думал, что тотчас же все погрузится во тьму. Но... этого не случилось.

Вверху, высоко над ним, там, где маячил прозрачный теотоновый купол, словно звезды в небе, сияли светящиеся морские животные. Будто млечный путь, прорезая небесный свод, искрились мерцающие огоньки, рассыпанные в едва ощутимой голубизне. Как метеоры, неслись зеленые искры глубоководных; лентообразные кисти «венериних поясов» причудливо извивались кометовидными телами.

Ибрагимов долго и пристально смотрел в бездонную высь. Он забыл, что находится на глубине двух с лишним тысяч метров. Ему чудилось, что он на земле, на суше, одиноко гуляет в поле в безлунную ясную ночь...

А над ним, по мере того как он всматривался, все ярче и ярче блестели жемчужные ожерелья морских созвездий, невообразимых форм, невиданного разнообразия.

Ученый вновь включил свет. Лучи икс-прожектора не сразу вернули его к действительности. Он был ослеплен тем, что видел. Более тусклый, но неизведанной красоты блеск океанских пучин еще затмевал все остальное в его сознании.

Когда первые впечатления сгладились, Ибрагимов устремил внимание на письма на платиновой дощечки. Ученый уже разбирался в гондванской письменности и без труда прочел написанное.

Вот что там значилось:

«... В третьем году Кау, в первую фазу месяца Цак умер великий муж Неор, погребенный в склепе острова (название было написано неразборчиво). Прах его погребен рядом со склепом Гонды, которой наука обязана гениальнейшими в истории человечества открытиями. Великий Неор, гордость могущественнейшего из государств Гондваны, не будет забыт потомками. Прах его бальзамируется в чаянии, что через века, когда человечество овладеет смертью, великий Неор будет возвращен в лоно науки. В течение недолголетней жизни своей он доказал возможность оживления животных, замороженных до температуры межпланетного мира...»

На этом запись обрывалась. Виньетка, изображавшая две перекрещивающиеся ветви цикадовых пальм, свидетельствовала конец надгробный надписи.

– Высшие организмы могут перенести температуру межпланетного пояса, то есть двести восемьдесят четыре градуса мороза, – торжествовал Ибрагимов.

Древней Гондване было известно учение об анабиозе! Да, именно это было записано на платиновой дощечке Неора! Нельзя было сомневаться в том, что наука времен Гонды знала анабиоз, то есть, что значит заморозить живое существо и затем вернуть ему жизнь... Это превосходило самое смелое воображение. Гондванцы достигли большего, нежели современная наука за двадцать столетий новой эры.

Ибрагимов вспомнил сведения, полученные им из последних источников иностранной литературы. Человечество двадцатого века, судя по опытам германского профессора Баумана, только еще подходило к установленному гондванцами пределу, правда, в отношении лишь простейших организмов: высушенные коловратки выдерживали температуру в сто девяносто два градуса холода! Но все же это было на девяносто градусов ниже температуры междупланетного пространства.

Короткая выразительная запись с головой захватила молодого профессора. Какие смелые, поистине революционные мысли исходили из глубины тысячелетий! Ведь если

так, возможно считать обоснованным поднятый еще сто лет назад вопрос о зарождении жизни на земле путем заселения ее мельчайшими организмами, отброшенными на нашу планету движущей энергией световых лучей и не погибшими от холода междупланетных пространств...

Впрочем, такое суждение не отражало взглядов Ибрагимова. Словно быстро мелькнувшая искра, померкло оно. Место его заступила иная система, сторонником которой являлся он.

«Процесс охлаждения земного шара безусловно не миновал момента самопроизвольного зарождения организмов. Постепенное остывание земли сопровождалось этапом благоприятных для самозарождения живых организмов физико-химических условий...»

Раздался сигнал, призывающий к сбору на «Фантазер». Ибрагимов очнулся.

Он посмотрел долгим, внимательным взглядом на мумию, накрыл ее колпаком, выкачал воздух, чтобы продолжительное действие кислорода воздуха не вызвало загнивания тела, сохранившегося в течение десятков тысяч лет, и тихо вышел.

Следуя привычке, Ибрагимов наскоро обошел музей. Его охватило чувство, близкое к экстазу. Беглый осмотр уставленных приборами примитивной и сложнейшей аппаратуры столов, покрытых стеклянными колпаками камер оживления, рождал в нем желание действовать, творить. Мысли обгоняли одна другую, кристаллизуясь в четкие формулы. Вначале туманные, пути предстоящих исследований становились теперь в его сознании ясными.

Он заметил на лице своего спутника плохо скрытую гримасу.

— Опять недоверчивая улыбка!

Ибрагимов не любил скептицизма, не покоящегося на достаточно прочной базе. Он охлаждал творческий пыл, обескрыливал, лишал возможности творить. И Ибрагимов сказал то, что он не раз порывался уже высказать. Он рад был, что сказанное прозвучало не резко, а искренно, и понято было так, как это и следовало понять.

– Слушайте, геолог! Худшее в человеке – это осмеивать и тем самым подавлять творческие порывы другого. Я знаю, меня большинство считает мечтателем. Но разве мечты, исходящие из фактов и возвращающиеся к фактам, так уже малоценны? В них всегда найдется что-нибудь полезное, и это полезное когда-нибудь пригодится. Ленина тоже считали фантазером. Припомните-ка кинтальскую конференцию: разве над ним не издевались? Разве он не был величайшим «фантазером» для многих в дооктябрьскую эпоху?

Он положил руку на плечо геолога и сказал медленно, смотря ему пристально в глаза:

– Дорогой мой, запомните: энтузиазм и фантазия – такой же положительный фактор в строительстве жизни, как и здоровый скепсис!

Уголок, в котором они вели беседу, был уголком Ибрагимова. Здесь было сгруппировано все, чем жил молодой ученый: препараты с изолированными органами, карты земного шара в различные возрасты планеты, чудесные схемы межпланетных кораблей, фотографии гондванских руин, склепа и многое другое.

Тишина, бледный зеленоватый свет, очертания былых и будущих материков, набросанные чьей-то смелой рукой – все это невольно стирало в сознании геолога грани между фантазией и реальностью. Он невольно засмотрелся на коричневые пятна будущих континентов, вырисовывавшихся среди синих просторов будущего океана, затоплявшего на карте сушу в гораздо больших размерах, чем в наши дни.

Иванов всматривался в окружавшие его предметы, говорившие о будущем, в тайну которого дерзко стремилась проникнуть человеческая мысль, и ему начинало казаться, что он проникается их убедительностью, точностью породивших их расчетов.

В этот момент над самым его ухом прозвучал голос Ибрагимова:

– Еще в тысяча девятьсот двадцать восьмом году не было ни одной части человеческого организма, которую не заставляли бы жить вне тела, изолированно и в искусственной среде. Но важно не это. Важно то, что всего сто лет с не-

большим назад французский ученый Руссо считал знаменательным факт сокращения предсердий у трупа казненной женщины через сутки после ее смерти... Руссо записал виденный им случай, как нечто из ряда вон выходящее. В наши дни общеизвестна истина, что многие органы еще продолжают жить после смерти их обладателя.

– Вы допускаете возможность бессмертия? – спросил геолог.

– Наука уже накануне победы над смертью, – твердо сказал Ибрагимов и подошел к угловому столу. Под большим матовым колпаком скрывалась одна из его работ. Глядя поверх собеседника, Ибрагимов продолжал:

– Не знаю, факт или вымысел; расскажу вам сейчас. Не помню даже, читал ли об этом или кто-то шутил мне рассказывал... Но с самого детства помню этот рассказ.

Событие произошло будто бы во времена Великой французской революции... Два ученых были приговорены к смертной казни. Когда, закованные в кандалы, сидели они в темнице, то сговорились, чтобы тот из них, который подвергнется гильотинированию позднее, попытался установить, продолжает ли отделенная от туловища голова чувствовать, сознавать?.. Согласно условию, казненный должен был трижды открыть глаза... Ученые упростили тюремщиков казнить их вместе... Утром оба предстали пред гильотиной. Перед самой казнью они подтвердили условие. Когда обезглавленный труп первого рухнул в агонии на эшафот, второй поспешно схватил окровавленную голову товарища. Искривленное муками лицо не обнаруживало признаков жизни. Ученый склонился к уху...

– Слышишь ли ты меня? – громко спросил он.

Голова казалась безжизненной.

– Слышишь ли ты меня? – повторил ученый.

И вдруг лицо ожило. Сомкнувшиеся веки с усилием медленно разъединились и открыли мутнеющие зрачки.

– Слышишь ли ты меня? – вырвалось вновь у спрашивающего.

Опять на мгновение разомкнулись веки. Затем медленно-медленно узенькой полосой блеснули зрачки в третий

раз. Увлажненные слезой ресницы замерли. Тусклая пленка покрыла глаза. Мышцы лица передернулись и застыли. Голова умерла...

– Это, может быть, легенда, – задумчиво продолжал Ибрагимов. – А вот ассистент ленинградского профессора Орбели Геницинский в тысяча девятьсот двадцать седьмом, кажется, году произвел над кошачьей головой знаменательнейшие опыты... Он отделил от туловища голову кошки и в течение нескольких часов под ряд подвергал ее действию всевозможных искусственных растворов... Изолированная голова моргала, щетинилась, если на нее пускали струю табачного дыма, облизывалась, когда к губам ее прикасались кислотными веществами...

Ибрагимов обернулся к столу и снял матовый колпак с загадочного предмета. Под колпаком помещался прозрачный сосуд. На серебряном блюде лежала отрезанная собачья голова.

– А-а-а, московские опыты Чечулина и Брюханенко! – мотнул головой геолог. – Тысяча девятьсот двадцать восьмой год.

– Да, дублирование! – подтвердил Ибрагимов и включил радиоактивный ток.

По системе стеклянных трубочек под давлением кислорода полилась жидкость. Прибор искусственно вызывал в изолированной голове циркуляцию крови.

– Давно производите опыт? – поинтересовался геолог.

– Месяц.

– Целый месяц? – удивился геолог. – Я твердо помню, что Чечулин и Брюханенко отмечали в подобных случаях проявление жизни в течение трех-четырех часов...

– Да ведь то был тысяча девятьсот двадцать восьмой год! Надо же хоть сколько-нибудь продвинуться вперед с тех пор... Дотроньтесь до роговицы глаза! – предложил Ибрагимов геологу.

Тот нерешительно прикоснулся. Изолированная голова оживилась, моргнула.

– Теперь последите, как голова реагирует на свет!

Ученый поднес карманный фонарик к глазам животного.

– Видите?

От яркого света зрачки резко сузились. Когда свет погас, они снова расширились.

– Реагирует?

– Да...

– Разве это не проявление жизни?

Вдруг он схватил линейку и с силой замахнулся над головой собаки. Отрезанная голова сделала попытку увернуться от удара. Над пастью болезненно напряглись мускулы, шерсть на носу животного ошетижилась, лязгнули зубы. Голова чуть не сорвалась с укреплений.

– Понятно?

Ибрагимов показал кусок хлеба. Бестулое животное облизнулось.

Правда, движения головы не полностью совпадали с жестами человека. Рефлекс был несколько замедленный сравнительно с тем, что должно было бы быть у нормальной собаки. Но и без всяких объяснений было понятно, что полного соответствия ожидать нельзя, так как давали себя чувствовать перерезанные мышцы шеи.

– Ну, пока довольно! – выключил ток молодой профессор.

Матовый колпак снова опустился над прибором.

В этот момент в дверь заглянул капитан Радин.

– Конечно, я не ошибся! – прервал он беседу. – Они пропадают здесь вместо того, чтобы отдохнуть хоть немного вместе со всеми.

– Послушайте, вы намерены когда-нибудь отрешиться от ваших занятий? – подошел он к физиологу.

– Намерен! – ответил застигнутый врасплох Ибрагимов.

– А коли намерены, отправляйтесь-ка на прогулку!.. Не совестно ли вам, что мне приходится превращаться в няньку? Как маленькое дитя, не можете взять себя в руки! Искусственно лишаете себя на целые недели сна, питаетесь черт знает чем – пилюли, пилюли без конца... Вое же ведь это только эксперименты. Наука требует многолетней проверки прежде, чем применять в жизни разные методы... И вы тоже хороши! – упрекнул он геолога.

– Вот и положишься на вас... За товарищем уследить не можете... Идемте-ка, идемте отсюда, а то вы, я вижу, готовы проводить здесь дни и ночи!

В дверях он строго взглянул на физиолога и сказал:

– Вы знаете, тов. Ибрагимов, нашу систему: при особенно напряженных видах работы – отдых в течение нескольких недель через каждые два-три месяца. Перемена работы – лучший и наиболее «экономный» вид отдыха. Врачебная экспертиза, через которую все мы проходили на днях, решила в первую очередь отпуск дать вам. Кстати, это создаст возможность проверить, действительно ли ваши пилюли полностью возмещали вам затраты определенных видов энергии или вы тратили кое-что за счет «резервных фондов» организма. В новых условиях это легче обнаружить. Итак, отправляйтесь сегодня же!.. Курс – к южному полюсу. Задача – произвести предварительный беглый осмотр участка, на который нам, может быть, придется перенести нашу работу, как только здесь наша миссия в основном будет выполнена. Зет-подводка уже готовится к отплытию... Поезжайте, дорогой, – добавил он мягче. – Эта экскурсия отвлекает вас от непомерно напряженной работы. Так нельзя; переутомление – вещь рискованная...

Ибрагимов с сожалением оглянулся на свои приборы. Трудно ему было отрываться, хотя и ненадолго, от занятий. Они сулили открыть головокружительные перспективы. Но он понимал, что Радин прав и что в своих собственных интересах он должен подчиниться предложению врачебной экспертизы. Поэтому он ограничился тем, что спросил только:

– Когда отъезд?

– Через час...

※

В кают-компании ожидал ученых обильный завтрак. Там собрался небольшой отряд экспедиции, которая должна была выступить под руководством Ибрагимова. Иванов и здесь сопутствовал физиологу.

Минут через сорок исследователи спустились в подводку.

Первые шестьсот километров им предстояло пройти по достаточно обследованному району. Экономя время, они решили лететь, поэтому поднялись на поверхность.

Океан был спокоен. Безветренный день рассыпал полуденные лучи. Солнце стояло в зените. Едва набегающие волны плескались расплавленным золотом.

Кругом до самого горизонта простиралась водная гладь. Ни одного судна... Лишь чайки кувыркались над морем да летучие рыбы гонялись друг за другом. Солнце дышало зноем. Тропическая истома разливалась в струях дрожащего воздуха.

Давно не видевшие земного дня путешественники, скинув подводные костюмы, нежились на корме.

Находившийся среди них юнга с восторгом смотрел в бездонное небо. Далекой полоской белели тающие облака.

Мысли юнги улетели вместе с пылающими облаками туда, к южному полюсу, куда готовилась увлечь их превращенная в воздушный корабль подводка.

– Ух, и далеко же!..

Лежавший рядом монтер повернул к нему спокойное мужественное лицо.

– Совсем не близко! От экватора до полюса – дистанция изрядная.

Ибрагимов услышал их разговор и подсел к ним.

– Не совсем до полюса. Спустимся недалеко от него. Обследуем подводный кряж Шекльтона...

Горячие ветры Африки, еще не утратившие сухости, несли с собой негу. Преодолевая лень, полусонный Иванов подошел к физиологу.

– Пора отправляться!

– Да, пора...

Без всякого шума, рождаемого обычно пропеллером и мотором, зет-подводка скользнула по водной глади. Сделав два-три круга над местом взлета, аппарат круто забрал в высь, и вскоре перистые облака оказались внизу.

Океанский простор ширился. Разноцветные полосы воды уходили в синюю муть, фиолетовую каймою гранича с небесной лазурью.

Незаметно, как минута, пролетел час.

Пассажиры самолета, не отрываясь, смотрели кругом, взволнованные необычайной мощью открывающихся панорам.

– Пожалуй, там остров? – указал юнга к западу.

Действительно, пепельно-васильковым узором над водой вырисовалась суша. В направлении к черному матерiku сползал едва заметной букашкой ост-индский пароход, совершающий рейс от Калькутты до Мадагаскара.

Кругом расстился необъятный морской простор. Вверху и внизу голубел одинаковый лазурный покров.

Аппарат взлетал выше и выше. Прозрачный остов его позволял видеть все вокруг. С каждой минутой полотнище африканского материка нарастало и надвигалось.

Путешественники не могли даже в сильные бинокли различить в деталях красоты тропической Африки. Проплывавшая под ними густая сочность тонов, многообразие их, калейдоскопическая смена ярких пятен – все было ново, необычайно и красочно. Настроение поднималось, нарастала бодрость. Радость бытия опьяняла путешественников.

Вдруг... Трудно было понять, воображаемые ли нарождались звуки, лились ли подлинные звуки симфоний. Когда они разрослись в явственно уловимую мелодию, юнга понял, что Ибрагимов включил радио. Рассеянные в эфире космические волны, пойманные радиоприемником, звучали сейчас путешественникам. Исходили они из Москвы. Работала станция Коминтерна.

– Сто шестьдесят километров высоты! – воскликнул юнга.

– Раньше люди погибали на одиннадцатом километре, – рассеянно отозвался монтер.

– И думали, что окружающий нашу планету слой атмосферы не превышает семидесяти километров, – в тон ему произнес геолог.

Через три часа Ибрагимов скомандовал снизиться.

Самолет скользнул по наклонной вниз.

Иванов переставил флажок на карте южнее на семьдесят градусов.

— Две тысячи триста тридцать пять километров в час! — объявил матрос скорость полета.

Зет-подводка черкнула морские волны, взлетела несколько раз, как мяч, покружилась недолго над океаном и, плескаясь, осела на воду. Африканские берега растаяли уже давно на северо-западе за горизонтом.

Экспедиция находилась уже за полярным кругом. Здесь было гораздо холоднее. К тому же ветер дул с юга, из более холодных районов; поэтому температура резко отличалась от той, какая была час назад.

Отчасти это обстоятельство, а главным образом прямая задача экспедиции — обследование Шекльтоновского кряжа — заставила подводку снова нырнуть в воду. Океан в этом месте был гораздо мельче: всего полтора — два километра глубины. Бесконечной цепью разворачивались неведомые подводные горы и дикие, разделенные широкими аллеями долины.

Освещая свой путь икс-прожектором, подводка быстро неслась к полюсу. В пучине царили те же виды животных, те же глубоководные кораллы, что и в покинутом исследователями районе, и только поверхностные слои кишели иными формами. Появились стада южных китов. Шумно плескались они в сумрачных волнах... Облачное небо окрашивало океан в цвета вороненой стали. Семь с лишним тысяч километров прошла подводка в течение четыре часов.

На вечерней заре экспедиция встретила с неожиданным затруднением. Путь преградила странная наползающая громада. Глубина полярного моря здесь не превышала ста метров. Подводка убавила ход и медленно продвигалась вперед, отыскивая проход в подводном барьере.

Неожиданно перед судном выросла громадная стена. Она поднималась, по-видимому, до самой поверхности; поперечник ее равнялся многим десяткам километров.

Путешественники заметили, что в некоторых местах между подошвой стены и дном океана зияют полости. Были ли

придонные пещеры, подводные ли туннели, – трудно было определить.

– Что вы думаете об этом? – спросил Ибрагимов геолога. Тот недоуменно покачал головой.

– Надо, пока не поздно, повернуть назад! – решил Ибрагимов.

Однако было уже поздно.

Раздался хрустящий шорох. Подводка остановилась, дальше она не могла продвинуться ни на метр. Путешественники оглянулись. Такая же, как впереди, стена сомкнулась и сзади. Экспедиция оказалась в ловушке.

– Смотрите, смотрите! – вскричал монтер.

Там, где только что сомкнулся проход, стена кривилась, лопалась. Громадные глыбы полупрозрачного камня откалывало трением о дно. Тяжелые плиты с легкостью пробки всплывали тотчас же вверх.

– Что это значит? – раздавалось со всех сторон.

Испуганные матросы жались друг к другу. Свободное пространство, в котором металась подводка, становилось все уже и уже. Не было никакого сомнения в том, что через самый короткий промежуток времени колоссальная глыба навалится на подводку своей тысячетонной тяжестью и раздавит ее, как мыльный пузырь.

Геолог мрачно прохаживался из конца в конец по коридору.

– Что предпринять? – спрашивал его взгляд.

В это мгновение гора раскололась с адским грохотом. Огромная трещина жутким ущельем раскрылась вверх. Надежда окрылила исследователей.

– Приготовься! – раздалась команда Ибрагимова.

Образовавшимся водоворотом подводку отбросило в узкую щель. Один миг – и судно могло раздавить, как букашку. Путешественники в смятении наблюдали, как по сторонам подводки вырастали ледяные стены, изломы которых то расширялись, то суживались.

Ибрагимов почувствовал щемящую боль в груди. Сердце билось тревожно, с перебоями. Острая жажда жизни заго-

ворила в нем. Он вспомнил склеп острова Атос... Яркий образ древнего изваяния вспыхнул в его мозгу...

– Накануне великих открытий – и умереть! О, только бы не теперь!

Ученый вспомнил, как с высоты полутораэта километров мелкими складками рисовались его взору выпуклости африканских горных хребтов. Охватив внезапной вспышкой мысли прошлое человечества, вспомнив рахитичность и немощность техники хотя бы сто лет назад по сравнению с достижениями последнего времени, он ощутил вдруг прилив спокойствия и твердой уверенности. Луч икс-прожектора скользнул беспомощно, будто в густом тумане. Направо вздымалась красная муть. Изуродованная туша плененного кита металась в агонии. Туловище попавшего, так же как и подводка, в ловушку животного сплющило ледяным массивом. Потоки крови окрашивали пещерные воды. Величайшее в мире млекопитающее, достигающее в длину тридцати метров, казалось таким же ничтожным, как муравей под колесом паровоза. Еще незначительное сползание айсберга с гор – и от кита не останется даже пятнышка...

Зрелище ненадолго отвлекло внимание путешественников. Безвыходность собственного положения не оставляла времени для созерцания.

– Может быть, теотоновые панцири избавят нас от гибели? – вслух задал себе вопрос геолог.

Они действительно до сих пор сохраняли подводку от глубинных давлений. Но вряд ли можно было надеяться, что им удастся преодолеть инерцию движения ледяной массы, вес которой едва поддавался учету.

Опасность росла. Щель становилась уже. Новые трещины мрачными пропастями возникали в айсберге.

Не нырнуть ли в эти неожиданно рождающиеся и ответвляющиеся сверху проходы?.. Такая мысль невольно мелькала у всех.

Это было равносильно игре ва-банк. Достаточно было сомкнуться расколовшимся ледяным горам, и скорлупку подводки раздавили бы титанические тиски.

Судно металось, отыскивая среди ежесекундно меняющихся в объеме расщелин наиболее широкие.

Прожекторы пронизывали мрак этих расщелин; свет их пробивался в надводные области и замирал, сливаясь с розовым отблеском вечерней зари.

– Рискнем! – решил Ибрагимов. Покорная его приказанию подводка устремилась в раскрывающуюся пропасть.

Полтора ста, семьдесят, сорок метров... – отмечали батиметрические аппараты.

Еще мгновение – и суденышко благополучно вынырнуло на поверхность океана.

Теперь, подчиняясь законам аэронавтики, подводка вновь превратилась в самолет. Вскоре блеснула молочная муть земных сумерек.

Путешественники парили на высоте ста метров над уровнем океана.

– Надо быть осторожнее! – предложил геолог. – Высота некоторых айсбергов равняется четверти километра. А в тумане, наверное, их скрывается немало.

Полярное море, насколько охватывал глаз, было покрыто плавающими льдами. Там и сям на ледяных полях чернели огромные полыньи. Небольшими стаями резвились в бассейнах морские животные.

Выбрав удобное место, подводка снизилась.

Не успела она упасть на водную гладь, как ее окружили изумленные исполины, южные киты – меньшие по размерам, нежели их гренландские собратья. Все же и среди них встречались очень крупные экземпляры. Здесь купались большей частью зубастые киты, кашалоты и двузубые единороги, левый зуб которых в незапамятные времена обратился в двухметровый бивень.

В суровой обстановке полярной зимы, среди ластоногих, китов отдыхала теперь экспедиция.

Наступала ночь. Зажигались звезды. Туман рассеялся. Воздух стал чист и прозрачен.

Ибрагимов сидел одиноко в своей каюте, склонившись над сводками различных измерений и проб, взятых со дна приборами подводки. Он подытоживал исследовательскую

работу экспедиции. Остальной экипаж, за исключением вахтенных, крепким сном восстанавливал силы после пережитых волнений.

Когда горизонт запылал полярным сиянием, подводка снялась с морской поверхности. Ибрагимов считал, что при данных условиях дальнейшее обследование морского дна представляет большой риск при очень малых гарантиях успешности научной работы. И он решил изменить курс, повернув в обратный путь.

В ночной тиши пролетал аппарат над широтами, градус за градусом поглощая расстояние.

Рассвет исследователи встретили уже за тропиком Козерога, ближе к экватору. Углубляясь к северо-западу, самолет направлялся к берегам черного континента.

– Товарищи, смерч!..

– Готовься! – вскричал вдруг Ибрагимов.

Уйти из Антарктики вовсе не значило еще уйти от опасности. Путешественников положительно преследовала стихия.

От берегов, нарастая в объеме, стремился навстречу самолету вихрь. Третью горизонта сразу заволокли неизвестно откуда налетевшие грозные тучи. Через несколько минут уже почти все небо было закрыто ими. В нескольких километрах от аппарата черные облака низвергнули крутящийся хобот. С поверхности моря поднялся водяной столб. Перепуганные альбатросы неистово кувыркались над океаном и стремглав улетали к югу, где еле брезжила светлая полоска неба.

Самолет взвился к тучам, чтобы миновать полосу урагана и подняться в верхние, более спокойные слои атмосферы. Но его тотчас же штормом сбросило в море. Аппарат вновь взлетел. И опять его опрокинул вихрь.

Укрыться в пучине невозможно: в море желтели отмели близкого уже материка. Оставалось только лететь.

Максимальная скорость не помогала. Аппарат кувыркало, бросало, топило, снова вздымало вверх.

Отчаянная борьба продолжалась в течение двух часов. Втянувшаяся в неотвратимый воздушный круговорот под-

водка беспомощно описывала спирали. Самолет ввинчивало все выше и выше, пока не подняло метров на восемьсот над уровнем океана. Здесь можно было уже надеяться достичь границы вихреобразований...

Вдруг смерч прекратился так же неожиданно, как и образовался. Водяной столб рухнул на остров. Потерявший способность быстрого маневрирования самолет был увлечен вниз. Лишь исключительная находчивость пилота спасла экспедицию от гибели.

Подводка о трудом приземлилась среди груды вывороченных с корнем деревьев неизвестной девственной поросли.

– Это, по-видимому, один из Канарских островов, – продолжал монтер, бывавший раньше в этих местах, – колония Соединенных Штатов буржуазной Америки.

– Плохо дело, – нахмурился Ибрагимов. – Ввиду враждебных отношений между нашим европейско-азиатским Союзом Социалистических Республик и Соединенными Штатами нас бесспорно ждет плен. Лететь отсюда, не производя необходимого ремонта, нельзя. Как быть?

После короткого совещания решили отправить разведку. Приборы дальнего видения вскоре обнаружили вдали полуразрушенное селение.

С первого же взгляда путешественников поразило то, что в нем не было ни одного живого существа. Откуда эта пустынность? Одним действием урагана объяснить ее было нельзя, тем более, что смерч прошел над этой местностью уже в стадии угасания.

Загадка скоро разрешилась.

Пока механик исправлял самолет, свободные участники экспедиции отправились обследовать остров.

Дорога была не из легких. Буря причинила колоссальные опустошения. Огромные плешины выкорчеванных лесов, исковерканные хлынувшими волнами очертания берега – вот во что превратила стихия этот цветущий уголок тропиков. Следы разрушения встречались на каждом шагу, затрудняя путь исследователей.

Деревня представляла не более отрадную картину. На месте многолюдного поселка теперь лепилось лишь десятка два случайно уцелевших хижин. По-видимому, их оградила отвесная скала, у подошвы которой расположилось пострадавшее селение.

Но что такое? Куда они попали?

В каждом доме два-три трупа. Ни одного живого человека. Куда девалось население?

Не нужно было долго исследовать, чтобы открыть жуткую тайну.

Остров был охвачен эпидемией. Об этом красноречиво свидетельствовали десятки полуразложившихся трупов. Большинство носило на себе явственные следы поразившей их болезни.

– Чума!

Да, черная смерть косила здесь население. Сомнений в этом не было: чумные опухоли – бубоны – были налицо.

Очевидно, все уцелевшие жители деревни разбежались. Но где они? И много ли их уцелело? Кто мог бы ответить на эти вопросы!

Открытие смутило всех. Часть команды стала требовать немедленного возвращения на подводку.

– Назад! Назад! – твердили наиболее панически настроенные.

– Зачем? – спокойно спросил доктор, который с особым интересом ходил от хижины к хижине, разглядывая трупы умерших.

– Зачем?! Можно ли было об этом спрашивать?..

Один из матросов, особенно рьяно требовавший немедленного возвращения, ответил:

– Читал я где-то... Лет пятьсот-шестьсот назад такой же мор охватил всю Англию. В течение одного года смерть унесла больше двух миллионов человек. Вымерли целые города. В одном только Лондоне черная смерть пожрала сто тысяч человек. Эпидемия распространилась по стране с молниеносной быстротой, унеся около половины всего населения. Люди бежали из селений, брат забывал о брате, мать избегала собственных детей...

– И что же? – насмешливо прервал его доктор.

– Королева Елизавета под страхом смерти запретила кому бы то ни было появляться в Виндзоре, куда она бежала, спасаясь от ужасной смерти.

– И что же?

– Как «и что же»? Только полная изоляция от внешнего мира помогла ей спастись. Нам надо помнить об этом.

– Да, то ведь было лет шестьсот тому назад, – усмехнулся врач.

– Но не теперь, хотите вы сказать?

– Не совсем так. Способ бороться с чумой был найден еще в конце девятнадцатого столетия. С тех пор он значительно упрощен и усовершенствован. Теперь страшнейшее несчастье всех народов побеждено. И у меня с собой есть кое-что, обеспечивающее нам максимум безопасности...

В это время за выступом горы слышались голоса туземцев. Чернокожие заметили белых и нерешительно выходили из своих убежищ в надежде получить хоть какую-нибудь помощь. Сначала один старик робко приблизился к отряду. Затем подошла небольшая группа. Вскоре экспедицию уже окружала толпа людей, опасливо сторонящихся друг от друга. Судьба некоторых беглецов была уже решена, – это бросалось в глаза при первом взгляде на них. Лихорадочное возбуждение, вялость движений, полубредовое состояние говорили о том, что час их близок.

– Ну, подходите, подходите! – приглашал чернокожих врач. – А вам бояться нечего, – успокаивал он команду. – В нашем распоряжении есть аптечка. Отправляясь в тропические страны, всякая экспедиция должна быть готова к любым неожиданностям.

Он подошел к больному старику и предложил ему поднять руку.

– Вы видите? Бубон подмышкой!

Расположившись в тени скалы, врач занялся прививками. Сделав предохранительное впрыскивание белым, он приступил к лечению туземцев. Впрыскивая вакцину и отпуская одного за другим пациентов, врач рассказывал:

– Имя доктора Хавкина вписано в историю культуры. В конце девятнадцатого столетия, когда Индия вымирала от черной смерти, он открыл противочумную вакцину. Культивируя чумные бактерии – коккобактерии – он умерщвлял их нагреванием. Бактерии погибали, но их смертельный яд сохранялся. Именно от этого яда погибают заболевшие. Однако, если в кровь ввести умерщвленные бактерии, количество яда не возрастает, так как вырабатывающие его бактерии со смертью, естественно, теряют способность размножаться. Введенный в установленной опытом «нормальной» дозе яд – чумный токсин – побеждается организмом. Когда доктор Хавкин открыл противочумную вакцину, он не рискнул испытать ее пригодность над другими людьми, а решил на самом себе произвести ужасный опыт. В присутствии двух свидетелей ему сделали впрыскивание... Он заболел, но на ногах перенес легкую форму чумы. Вакцинация удалась. В наше время противочумная вакцина усовершенствована, – продолжал врач, – введенная в организм даже за шесть часов до гибели, она помогает человеку победить черную смерть...

В сумерки самолет снова поднялся на воздух. Как метеор, проносился он над бушующим океаном, с предельной скоростью пожирал расстояние. Он летел, придерживаясь трансатлантического аэропути. Порой встречались расточительно освещенные дирижабли. Воздушные корабли казались застывшими над беспредельными водами – настолько несравнимой со скоростью самолета была их скорость.

С громадной высоты исследователи не различали выглядывающих из кабинок дирижаблей пассажиров, наблюдавших невиданное зрелище – полет метеора параллельно земной поверхности. За что еще могли принять они летящую подводку-танк? В самом деле, если бы кто-либо из участников экспедиций мог со стороны взглянуть на свой аппарат, перед ним открылась бы своеобразная картина. Совершенно прозрачный остов, мчащийся с бешеной быстротой, излучал слепящие лучи; быстрым движением поглощались темные пятна аппарата, и неискушенному взгляду он в самом деле показался бы чем-то вроде метеора.

Несколько часов спустя самолет замедлил ход. Далеко впереди в океане дрожали буйными огнями острова. Их было два. Десятка два лет тому назад они не значились ни на одной из карт. Построенные изобретательной рукой человека, они являли собою достижение техники последних десятилетий. Их новизна уже прошла. Не мечтавшие об этом четверть века тому назад люди теперь привыкли к ним. Самая дерзновенная утопия превращается в будничную прозу тотчас же, как только осуществится.

Искусственные острова приближались. Среди команды самолета находились и такие, которые раньше не видели морских аэродромов Анри Дефраса.

— Нельзя ли задержаться над островами? — просили они.

Когда самолет закружил над сооружениями, атлантические станции открылись с высоты как на ладони.

Громадные плавучие подковы искрились жемчугом сильнейших прожекторов. Распластанные среди океана массивные полые остова их окаймляли своими крыльями спокойную водную поверхность.

Вооруженные телескопическими очками, новички всматривались в борта кораблеобразной дамбы. Она представляла собою как бы растянутое кольцо, на удлинённых оконечностях которого возвышались маяки — причальные мачты для дирижаблей.

Атлантический океанский «вокзал» кишел, как муравейник. Огромный гидроплан только что высадил десятки пассажиров и взлетел со спокойной поверхности искусственной лагуны. Малюсенькими точечками передвигались люди к поглощавшим их люкам и словно скрывались под водой.

В полом корпусе дамб размещались буфеты, залы, жилые помещения, склады. Там находились рестораны, мастерские — целый маленький городок...

Во время бурь ряд приспособлений удачно боролся с бушующей стихией, нейтрализуя движущую силу и предотвращая качку.

Определенное место расположения в океане плавучих островов легко устанавливалось специальными приборами. Особые машины с автоматической регуляцией противо-

действовали течениям и не давали им унести остров в сторону от намеченного для стоянки пункта.

Покружившись над плавающим сооружением, самолет вновь устремился вперед с быстротой пятисот километров в час.

Чем дальше уносился аппарат, тем оживленнее становился эфир. Плывущие в разных направлениях авиокорабли поражали разнообразием конструкций. Дирижабли, авиетки, лодочки и гидропланы с изогнутыми особым образом крыльями, позволяющими парить в воздухе и забирать высоту вне зависимости от действия моторов рулей, мелькали словно цикады. Порой встречались застывшие на большой высоте сторожевые аппараты.

Начинался рассвет. Яркими оранжевыми тонами загорался горизонт. Приближался день. Прогулка завершалась. Самолет опустился вниз и нырнул в воды.

– Пора! Пора!..

VII

В кают-компании Ибрагимов застал всех в полном сборе. На месте докладчика восседал археолог. Перед ним возвышалась груда древних табличек. Все с нетерпением ожидали доклада. Ибрагимов молча уселся в первом ряду и приготовился слушать. То, что произошло дальше, он воспринимал как в полусне.

— Вам известно, — говорил археолог, — что некоторые дощечки нам до сих пор разобрать не удавалось. Наш шифр не был пригоден для письменности более древней, нежели гондванская. А может быть, письменность эта и совсем не принадлежала изучаемой нами народности... Первое, чем отличаются найденные здесь дощечки от всех раньше известных, это — материал, из которого они сделаны.

С этими словами археолог передал соседу тонкую плиточку, видом своим напоминавшую аспидный черепок. Начертания были не писаны, а гравированы. Масса витиеватых значков испещряла пластинку, и каждый значок изображал какой-либо предмет: солнце, луну, звезды, животное... Судя по этому, шрифт относился к временам первых зачатков письменности.

Ибрагимов склонился над находкой. Она очень напоминала древнейшие записи восточных народов. Разобраться в такой письменности было гораздо труднее, чем в стенографических иероглифах надгробий...

Между тем археолог продолжал свой доклад:

— Мы сделали попытку сличить эти надписи с древнеегипетскими. И что же?.. Мы не только обнаружили поразительное совпадение в упрощенном изображении предметов, но даже пришли к мысли об очевидном подобии обеих систем письменности, а следовательно, и языков. Честь этого открытия принадлежит нашему капитану, товарищу Радину. Он первый обратил внимание на тождество начертаний. Мы сделали попытку применить его указания, и ключ был найден! Таким образом нам удалось не только рас-

шифровать содержание дощечек, но и установить бросающееся с первого взгляда совершенно бесспорное обстоятельство – тесное соприкосновение двух различных культур. Либо эти две нации, отныне не «доисторические», были родственными, либо соприкосновение обеих культур происходило чуть ли не повседневно... Однако не будем гадать! Дальнейшие работы, надо надеяться, позволят приоткрыть завесу. Сейчас же перейдем к непосредственной передаче сказаний, записанных неизвестными повествователями...

Охватившее кают-компанию напряжение с каждой минутой росло. Бледные лица, потные лбы, дрожащие руки отражали царящее настроение.

Археолог продолжал:

– Я приведу дословный перевод записи. Начало утеряно. Сказание идет со середины...

«...Каменные изваяния богов, воздвигнутые на склепах и обращенные лицом к морю, день и ночь молили могущественнейшего бога морей о пощаде.

Объятые ужасом, жители вспомнили о забытой ими религии и стали требовать восстановления упраздненных при дедах храмов. На месте прежних святынь построили храм бога морей и многих других богов...

Уже четырнадцать раз созвездие Веги уходило к востоку, четырнадцать раз крестьяне снимали жатву с полей, а гул подземный не умолкал. Со многих островов жители спешили переселиться в Гондвану. Океан становился все более бурным. Многие погибли в морской пучине. Уцелевшие же передавали, что огненные смерчи сжигали небо их островов, а поселения, леса и поля заливало горячей грязью, сжигающей все на своем пути...

Тогда собрался совет мудрецов и предложил переселиться в другие земли, где воды морские спокойнее и где подземный гром не повергал в ужас людей...

Много полков отправлено было к западу. Однако вскоре их вернули назад, потому что там, где скрывается в море солнце, океан затопил и земли, и горы.

И указал совет мудрецов военачальникам путь на восток, в страны, где жили черные люди... Так прозывали нас в Гондване...»

На этом перевод обрывался.

Историк отодвинул в сторону стопку дощечек и заявил:

– Вот эти скрижали еще не разобраны. Впрочем, из расшифрованного с очевидностью устанавливается факт существования розни между гондванцами и их восточными соседями. Люди молили море о пощаде, но океан не внял воплям людей... По-видимому, уже за несколько лет до гибели гондванского материка грозные предзнаменования предупреждали человечество о предстоящей катастрофе. Разрушительная сила землетрясений и вулканических извержений, вероятно, была в те времена хорошо известна. Недаром в летописи сказано: «Объятые ужасом жители вспомнили о забытой ими религии...» Очевидно, разразившаяся катастрофа была необычайной силы; авторитет ученых, еще при дедах повествователя повергших дурман святынь, не в силах был противостоять требованиям испуганного, невежественного населения... Мой ассистент доложит вам новые сведения относительно найденной нами мужской мумии.

Молодой помощник археолога подошел к экрану. Комната погрузилась во мрак, и красочные диапозитивы один за другим стали появляться на экране.

– Прежде всего, несколько слов о способе расшифровки странной письменности, встретившейся среди гондванских дощечек. Как вы уже знаете, письменность эту можно назвать предметоизображением, так как в ней нет алфавита. Слова там не пишутся, а изображаются. Каждое понятие передается путем упрощенного начертания фигур различных предметов. Например, человек убивает мамонта; зарисовывается так: под пятой охотника лежит убиваемое животное. Что же касается разбиравшейся мною письменности, здесь дело обстоит несколько сложнее. Одно слово изображается целым рядом предметов. Начальные буквы изображенных предметов составляют одно слово. Например, напишем по этому методу одно какое-либо понятие,

хотя бы «лев». Начертание этого слова составляется из трех предметов: на букву «л» начинается слово «лук», на букву «е» – «еж», на букву «в» – «волк». Если нарисовать рядом три эти предмета – буквы «л», «е», «в» – как раз получится необходимое понятие – «лев». Фигуры изображались упрощенно, и сходство письменности найденных нами дощечек с древне-египетскими иероглифами побудило искать разгадку у восточных народов. Никакой разницы установлено не было. И текст одной из дощечек разъяснил нам причину этого.

Ассистент показал новый диапозитив, сравнивающий изображения нескольких одинаковых слов на письменах обоих языков.

– Как видите, доказательство налицо!.. Расшифрованная нами запись гласит:

«Тогда гондванские мудрецы призвали плененных во время последней войны египетских жрецов и держали с ними совет. Ученый муж Неор, прозванный Великим, предвещал полную гибель земли, ссылаясь на участь области Высоких Гор, погибших в океанских водах. Мудрец видел спасение только в одном – в переселении на планету Марс, близкую к солнцу и больше всех других сходную с землей.... Неор показал сделанный им план небесного корабля и потребовал выделения государственных средств и рабочих рук...»

Отсюда видно, что древняя Гондвана была высоко культурной страной, пережившей эпоху религиозных верований и соприкасавшейся с другими народами земного шара...

В голове Ибрагимова зарождались новые смелые мысли. Он весь горел, не находил себе места.

Едва доклад закончился, он поспешил укрыться в своем кабинете.

«В самом деле, – думал он, – какой выход может найти человечество, стесненное пределами нашей планеты? Если уже теперь становится тесно жить даже в пределах прежнего СССР, который в тысяча девятьсот тридцатом году имел вдвое меньшую численность населения, если уже теперь

переуплотнены Западная Европа, Азия и Америка, то что же будет еще через пятьдесят лет, когда народонаселение планеты удвоится? Через каких-нибудь семьдесят пять-сто лет проблема существования человечества упрется в вопрос о переполнении отдаленнейших уголков земного шара, и мысль поневоле устремится в другие планеты...

Быть может, в отвергнутом гондванцами учении Неора современная культура отыщет неведомые еще ей пути овладения междупланетными пространствами?

Жестокая борьба за существование примет совсем нечеловеческие формы в тех странах, где трудящиеся массы еще не захватили государственной власти в свои руки. Почему же не использовать научных достижений гондванцев, если в некоторых областях древние опередили современную культуру?»

Ибрагимова вновь потянуло туда, где покоился прах древних титанов научной мысли.

В склепе он застал своего ассистента и приступил вместе с ним к вскрытию мумии. Все препараты для операции были уже давно приготовлены. Немного спустя перед ним на пьедестале лежал обнаженный труп гондванца.

То был представитель неизвестной в двадцатом столетии расы. Удлиненная голова, резко выдающиеся нижняя челюсть и подбородок, более длинные руки, бронзовый цвет тела – вот каков был человек двадцать тысячелетий назад... Но его мужественная фигура не казалась ученым некрасивой. Хорошо развитая мускулатура была удивительно гармонична. Мягкие черты лица не уродовались удлиненной формой головы и выдающейся нижней челюстью. Одухотворенный вид лица не только сглаживал эти, с современной точки зрения, недостатки, но даже, наоборот, придавал им особую прелесть.

Вся полость живота у трупа, от нижних ребер до паха, была зашита размягченными платиновыми, свободно изгибающимися нитями. Извлеченные внутренние органы были погребены отдельно в герметически закупоренных стеклянных сосудах, пропитанные какой-то жидкостью, сохранившей даже их естественную окраску.

Ученый долго рассматривал прозрачные урны. Ассистент заметил это и подошел к Ибрагимову.

– Что вас так заинтересовало? Уж не бледная ли окраска кишечника? Думается, это от тысячелетнего пребывания...

Ибрагимов загадочно взглянул на помощника и тотчас же снял крышку с сосуда.

– Не кажется ли вам чересчур большим кишечный канал? – спросил он. – Разве длина его сравнима с кишечником современных людей? Смотрите, сколько изгибов!..

С большой осторожностью они извлекли кишечник и, измерив его, вложили обратно в стеклянную урну.

– Около двенадцати метров! – воскликнул ассистент.

– Да, чем больше человек удаляется от своих обезьяноподобных прародителей, тем резче он отличается строением своих органов. Длина кишечника находится в строгой зависимости от потребляемой расой пищи. У современных наших длина кишечника резко различна: от трех с половиной до десяти метров. У потребляющих растительную пищу – больше... Наши потомки укоротят еще больше длину кишечника.

Ученый внимательно исследовал труп гондванца.

– Можно без всякого риска сказать, – продолжал он свою мысль, – что не только подмеченными признаками может быть охарактеризовано строение тела Неора. Живя на тысячелетия раньше нас, гондванцы имели, конечно, гораздо больше сходства с питекантропусом, чем мы... Возьмите хотя бы волосы, зубы, конечности!.. С первого взгляда ясно, волосистой покров древних и гуще, и гораздо распространеннее.

Ибрагимов измерил руки.

– Подтверждается. Почти до самых колен. Разве у нас с вами такой же длины конечности?.. Или зубы!.. Считайте-ка, сколько имеет их Неор?

Ассистент прикоснулся к щеке усопшего. Тело покойника излучало мертвенный холодок. Кожа лица оказалась покрытой слюдянистым слоем. Гибкая пленка была непроницаема, но так тонка, что через нее рельефно прощупывались выпуклости зубов.

– Неор имеет по шести резцов. Вообще же у него на десять зубов больше, чем у людей нашего времени.

– Не напоминает ли вам это количество обезьянью челюсть? – слегка улыбнулся Ибрагимов. – И все же облик Неора совершенно далек от животных форм... Одухотворенное лицо, энергичная нижняя челюсть, тонкий с горбинкой нос – все говорит о несомненно высокой культуре гондванцев.

Обследование кончилось. Ассистент вышел из склепа.

Оставшись наедине, Ибрагимов направился к праху Гонды. С трепетом поднимался он по ступенькам. Еще не видя изваяния, он уже представлял ее робкий лучистый взор, не постигаемое сияние ее глаз.

– Нет! Она умерла... Сколько веков прошло со дня ее смерти? И не веков – десятки тысячелетий... Гибли страны, племена, народы стирались с лица земли... Возрождалась и угасала культура... римская, греческая... Ассирия, Вавилон, Египет... Все прошло и проходит. И все это так молодо по сравнению с Гондой!.. Если страна Гондвана была так высоко культурна, что прах обитателей ее уцелел даже в условиях потрясающей катастрофы, как же ничтожны завоевания современной науки!

Ученый сбросил покрывало с умершей. Пред ним лежала женщина, после смерти которой родился он через двадцать пять тысяч лет...

Ибрагимов склонился у ее изголовья.

Угасший взор!..

Нет, он хочет видеть ее другой! Он хочет видеть ее движения, слушать ее речь, быть рядом с нею. Хочет найти ключ к жизни и смерти, ту «каплю жизни», которую воспевают о древних времен песни, которую искали многие до него, которую ищет он, Ибрагимов, и которую найдет, найдет во что бы то ни стало!..

Мысли его прыгали с предмета на предмет. Взгляд блуждал.

Гонда, холодная и безжизненная, по-прежнему недвижимо лежала перед ним. Будто никогда не жила, ничего не

чувствовала она. Будто неодушевленный предмет, созданный ловким кукольщиком, лежал перед ним...

Тишина стояла вокруг.

Ибрагимов в бессилии оглянулся. Сквозь открытые двери склепа, сквозь стекляризованную прозрачную броню кесонов брызнули огни «Фантазера». Огни зародили в ученом другие мысли, вселили в него уверенность.

– Разве поверили бы лет сорок тому назад, что в эти глубины проникнут люди? Что так же, как по земле, будут они свободно ходить в своих подводных костюмах? Разве летали тогда по воздуху так же уверенно и обыденно, как путешествовали на отмирающих лошадях?

«Нет таких отдельных явлений, до познания которых нельзя было бы достичь...» – вспомнил он изречение Декарта, изречение, ставшее с некоторых пор лозунгом всей научной деятельности Ибрагимова.

Гонда в смертном покое лежала перед ним. Тонкий прозрачный слой благовонных бальзамов поблескивал едва уловимыми бликами. При свете факелов черты ее лица оживлялись, пробегали тени... Девушка будто оживала... Скорбное выражение предсмертной печали и тоски говорило о том, что изваяние было человеком, когда-то чувствовавшим и мыслившим.

Ибрагимов откинул второй покров – полупрозрачную пелену, часть которой была уже снята раньше, и, вглядываясь в девственные формы Гонды, сравнивал пластику их с женственной пластикой современниц. Желание видеть ее живую разгоралось в нем все неотступней и ярче.

– Гонда! Гонда! – взывал он к ней, словно она не была трупом, а лишь спала.

Порою разгоряченный рассудок возвращался к действительности. Тогда Ибрагимов испуганно оглядывался кругом: не видит, не слышит ли кто его?

Некоторое время спустя он невзначай поднял голову. Пред ним, потупив глаза, стоял юнга...

Лицо вошедшего выражало недоумение.

Ибрагимов прочел в его взгляде смутное подозрение и, подойдя к мальчику, потрепал его по плечу.

– Вы видели в нашем музее последних достижений фотографии с макаки-маймук? – деланно-весело спросил он.

– Да.

– А знаете происхождение этих снимков? Еще в 1928 году работал в Ташкенте профессор Михайловский... В физиологическом институте средне-азиатского государственного университета... Так вот, ему первому удалось оживить погибшую обезьяну... Он выпустил из макаки всю кровь и через час ввел назад. Не буду рассказывать вам подробности. Это довольно сложно. Факт тот, что профессор сумел оживить обезьяну...

В тот же день она сама перелезла с операционного стола в свою клетку. Этот опыт и запечатлен на снимках...

Другой ученый, профессор Андреев, хлороформом убивал животных, а через двадцать минут после того, как прекращалась сердечная деятельность, снова оживлял их... Этот опыт удавался Андрееву также и по отношению к погибшим от некоторых ядов, от удушения, электротока...

Он указал взволнованным жестом на гробницу с набальзамированным телом женщины и многозначительно добавил:

– Человек и животное биологически родственны... А смелость научной мысли может сорвать покров с любой тайны. Не надо только бояться слишком «дерзких» задач.

Ибрагимов еще не окончил этих слов, как в дверях появился возвратившийся с необходимым инструментарием ассистент.

– Ну как? Приступим к работе?..

Ученые подошли к останкам Неора.

Ибрагимов вскрыл полость живота. Терпкий запах хлороформа, смешанный с ароматом каких-то смолистых веществ, пахнул им в лицо. Внутри все было залито студенистым составом, внешне похожим на асфальт, но более чистым и слегка прозрачным. Его присутствие обличал едва уловимый запах.

Ибрагимов осторожно извлек несколько кусочков бальзамирующего вещества, положил их в склянку и сделал на ярлычках пометки. Затем он вскрыл сосуды с внутренни-

ми органами мумии, отлил оттуда несколько капель не затвердевшей за двадцать пять тысяч лет жидкости и вновь закупорил склянки.

Наконец он сделал то, что удивило даже его ассистента: отрезал мизинец левой руки мертвеца.

Прикосновение к телу мумии вызвало у Ибрагимова ощущение, сходное с тем, что мы обычно испытываем, прикасаясь к покойнику. Мускулы мумии были гораздо тверже, чем мышцы живого человека, хотя и обнаруживали некоторое подобие эластичности. Казалось, будто они превратились в хрящеподобную массу.

– Ну, теперь идем в лабораторию! – пригласил Ибрагимов ассистента по окончании операции. – Знаете, между прочим, что меня больше всего поражает? Свойство их бальзамирующих веществ. Смотрите, труп совершенно свободно соприкасался с атмосферой, и, несмотря на это, нигде на нем нет следов разрушительного действия кислорода. Ни одного симптома гниения!..

Ассистент, все время трещававший киноаппаратом, запечатлевавший процесс вскрытия мумии, молча кивнул головой.

Придя в лабораторию, ученые приступили к определению химического состава бальзамирующих веществ. Это не требовало сложных экспериментов. Через час они уже с абсолютной точностью знали свойство захваченных проб. Отныне каждый из них был в состоянии сам изготовить гондванский бальзам.

Полное сходство с составом бальзамов египетских мумий проявилось и здесь, лишний раз подтверждая близость обеих культур.

Подводя итоги достигнутому, Ибрагимов заметил:

– Если теперь нам удастся открыть такой способ химического разбальзамирования, при котором мертвые ткани мумии не пострадали бы, мы могли бы считать разрешенной первую половину задачи.

– Я думаю, – отвечал ассистент, – химическим способом можно восстановить любую материю, все ее первородные качества...

Они углубилась в работу. Прошло несколько часов прежде, чем они сумели прийти к желаемым выводам. Теперь все дело сводилось к следующему: если бальзам растворить при температуре ниже нуля, то телесные ткани не поддадутся разрушительному действию раствора. Придя к такому решению, они вскрыли сосуд, в котором в течение двадцати с лишним тысяч лет сохранялось человеческое сердце.

– Я думаю, – заметил при этом Ибрагимов, – древние знали, что делали. Вряд ли они поместили бы препарированные внутренние органы в среду, убивающую их жизне-способность. Гондванцы, по всей вероятности, приняли меры к предотвращению возможного распада тканей сердца.

– Нам они оставили самую трудную часть задачи: оживление, – нахмурился ассистент.

Ибрагимов подумал.

– Науке, – сказал он, – известны результаты опытов профессора Звардемакера. Он заставлял биться сердца, извлеченные из человеческих трупов, через некоторое время после смерти их обладателей. Попытаемся повторить его опыт...

Во избежание риска ученые умертвили предназначенного для экспериментов кролика из зоопитомника «Фантазера» и поместили сердце его в гондванский мумифицирующий раствор. На следующее утро они извлекли это сердце из сосуда, промыли его и стали пропускать через него особую питательную жидкость, по своему составу не отличающуюся от крови. Введенная в кровеносные сосуды сердца, жидкость медленно проходила через него; однако никакой деятельности сердце не проявляло.

– Сердце мертво! – нервничал Ибрагимов. – Наука установила, что жизнедеятельность организмов всецело зависит от состояния вещества, называемого гормоном. Гормоны имеются и в мертвых, и в живых органах. Разница между первыми и вторыми заключается в том, что в живом сердце гормоны деятельны, а в мертвом – не деятельны. Попробуем перевести их из состояния пассивного в активное. Мы знаем: жизнь сердца обуславливается радиоак-

тивной энергией, содержащейся в крови, в соединении ее с калием...

Ибрагимов подвергнул мертвое сердце кролика действию радиоактивных лучей.

В открывающиеся наружу концы сосудов подвешенного сердца были вставлены трубки, через которые под определенным давлением воздуха пропускалась питающая жидкость.

Через полчаса после включения лучей радио мертвое сердце слегка дрогнуло. По-видимому, в этот момент ткани впитали кальций и прочие недостающие им вещества. По мере того, как радиоактивные лучи восстанавливали неизвестное еще в точности соотношение составных веществ телесных тканей, гормоны переходили в деятельное состояние!..

Сердце начало биться! Кроличье сердце ожило!

Ибрагимов выключил лучи радия и вместо первой жидкости стал пропускать другую, иного состава, поглощавшую калий. Сердце тотчас же остановилось, ибо без калия нет жизни.

– Теперь можно рискнуть проделать опыт и на человеческом сердце, – не сказал, а скорее прохрипел возбужденный Ибрагимов.

Затаив дыхание, оба ученых приступили к опыту. Они прекрасно помнили все детали эксперимента над засохшими в янтаре насекомыми. Эти поразительные результаты в побудили их решиться на такой дерзкий шаг.

Отличие новой операции от операции с кроличьим сердцем заключалось в том, что питательную жидкость, как это делал в свое время профессор Кулябко, больше насытили кислородом, а также и в том, что ученым для подогревания физиологического раствора пришлось установить сначала температуру древнего человека.

Оказалось, температура человека, жившего во времена Гондваны, сильно разнилась от современной, превышая ее на полтора градуса.

Это было тем более интересно, что подтверждало теорию происхождения видов. Сходство температуры древне-

го человека и человекообразных обезьян стояло в одном ряду с такими явлениями, как сходные по длине конечности, удлинённый череп и выдающаяся нижняя челюсть.

Все эти предварительные манипуляции, а также и нервное возбуждение утомили их. Они решили немного отдохнуть. Совершенно обессиленные ученые направились в кают-компанию.

Время было раннее, шел только четвертый час. В каюте еще никого не было.

Исследователи присели возле громадного окна... За прочной стеной стекляризованного металла царила глубокая придонная ночь. Бесчисленные стаи фосфоресцирующих рыб кружились вокруг «Фантазера». Разноцветные огоньки мелькали среди самосветящихся кустообразных «водорослей-животных»... Всегда с интересом наблюдавший за жизнью океанских пучин, Ибрагимов сегодня был безучастен. Он очень вяло воспринимал теперь этот водоворот жизни и сидел нахмуренный и сосредоточенный, словно окружающее перестало для него существовать.

– Самое трудное впереди... Не знаю, как мы справимся с загадкой оживления мозговых тканей, нервов. Это гораздо сложнее того, чем мы сейчас занимаемся, – сказал он, отвечая на свои мысли.

Ассистент сам давно уже задумывался над этим вопросом. Кое-какие пути им были, впрочем, намечены и теперь, когда зашла речь, он высказал свои соображения.

– Помните, как Гальвани открыл электричество? Его знаменитый опыт с мертвой лягушкой? Там основную роль играли проводы – нервы. Не исходить ли в своих построениях и нам отсюда?

Мысль была неплохая. Ткани мозга так же, как и все остальные ткани человеческого организма, в числе важнейших составных частей своих имеют белки. Смерть вызывается свертыванием этих белков; электротоки, акт деятельности мозга зависят, помимо того, и от количества воды, содержащейся в протоплазме. При уменьшении влажности протоплазма густеет, то есть, другими словами, мозг умирает.

– Знаете что? – поднялся вдруг ассистент. Глаза его блуждали, выдавая подавляемое им волнение. – Без особого труда добиваются искусственного возбуждения деятельности сердца. Искусственное кровообращение должно оживить весь организм. Следует только вспомнить теорию знаменитого Гентера, заявившего, будто «жизнь человека, пожалуй, можно продлить до тысячи лет, если овладеть тайнами анабиоза...» А что такое анабиоз? Скрытая жизнь? Граница жизни и смерти?

– Вы забыли последнее его заявление... Гентер признался, что произведенный им опыт с двумя замороженными карпами разочаровал его... Впрочем... наших работ мы во всяком случае не бросим!

Ибрагимов снова направился в лабораторию.

Исследователи подошли к самой серьезной задаче – сращиванию перерезанных органов.

Рассуждения их были, как будто, бесспорны: если продолжают жить порознь ампутированный человеческий палец и потерявший его человек, – разве уж так невозможно соединить их вновь и добиться совместной их жизни, срастить их?

Опять ученые из осторожности перенесли свои опыты на животных. Пересадка отдельных кусочков костей и мышц кролика удавалась им в совершенстве. Но как прирастить целые конечности? Применяя самым широким образом радио-активные лучи при свете ультра-фиолетовых линз, они настойчиво и неутомимо добивались цели.

Они искали, где же скрывается живительная мощь радия и полония, позволявшая заращать природные свищи, оживлять сердце и прочие органы?

Метод, характер необходимых операций напрашивался сам собою, когда увлеченные целью ученые, ампутировав переднюю левую лапку кролика, попробовали потом ее снова прирастить. Соединив артерии и вены в месте разреза вставленными с обоих концов трубочками, они устремили все внимание на то, чтобы перерезанные ткани соприкасались именно в месте их отсечения. Введенные в кро-

веносные сосуды трубки были приготовлены из вещества, которое кровь могла рассосать в несколько дней.

Таким образом, посторонние предметы со временем должны были исчезнуть. Верхний конец вставленной в артерию трубки они вывели наружу, насквозь проколов мышцы животного. Это позволяло ученым питать ампутированную часть лапки физиологическим раствором. Состав последнего можно было легко изменить применительно к потребным для организма в каждый данный момент веществам.

Опасаясь, что кролик легко может опрокинуть все их труды неожиданным движением оперируемой лапки, наложили на нее гипсовые бандажи.

– Остается лишь ждать и надеяться, – заявил Ибрагимов, окончив работу. – Все проделано нами с тонкой предусмотрительностью. Вопрос может идти лишь о возможности или невозможности подобных опытов. Даже возраст животного не может иметь здесь никакого значения, ибо все качества раствора в наших руках. Питательную жидкость можно наполнить чем угодно...

VIII

Несколько дней спустя работы ученых были прерваны новым открытием, в корне изменившим намеченный ими план.

Геолог не считал склеп вполне искусственным сооружением. Некоторые из путешественников находили, что гондванцы использовали природную пещеру, приспособив ее соответствующим образом и превратив в гробницу. За это говорили обнаруженные в сводах провалы, обнажавшие гранитный, изрезанный временем пласт. По-видимому, строители ограничились бетонированием стен, выравниванием сводов, уклонившись от полной постройки склепа. При простукивании последней стены слышался своеобразный звук, указывавший на наличие за ней пустого пространства.

Этого было вполне достаточно, чтобы привлечь внимание экспедиции.

Было решено по извлечении всех древностей из гробницы приступить к дальнейшим раскопкам, но теперь уже внутри пещеры.

Изолировав в целях предосторожности теотоновыми кессонами все три комнаты склепа, экспедиция принялась за работу.

Уже к концу первого дня тракторы вскрыли нечто вроде небольшого туннеля, соединенного с передней частью пещеры, позднее обращенной в гробницу.

Многосаженные сталактиты ледяными сосульками свешивались с потолка, закрывая проход. Несмотря на своеобразную красоту подземной галереи, путешественники разрушили несколько колонн, чтобы проникнуть в самую глубь открывающейся в конце тоннеля пещеры. По извилистому проходу, пробираясь среди остроконечных причудливых сталактитов, они наконец достигли центра громадного зала. В противоположность остальной части склепа своды, стены и пол здесь состояли из ссохшейся глины,

растрескавшейся и неровной. Гранитные глыбы просвечивали лишь местами, и там, где они выпирали, не было сталактитовых образований.

Геолог включил сильный прожектор. В лучах отчетливо выступили рисунки, украшавшие высокие стены пещеры. Посредине задней стены была изображена пещерная медведица, раздирающая хищной пастью раздавленного кабана. Всматриваясь в рисунки, исследователи заметили, что это было скорее скульптурное, нежели живописное изображение, так как фигуры казались слегка выпуклыми, а не плоскими, напоминая собою барельефы. Несколько выше первого помещался другой рисунок. Он находился на высоте шести метров от пола. Художнику, несомненно, приходилось пользоваться какими-то искусственными приспособлениями, чтобы вести работу на такой высоте.

– Вы знаете, это – рисунки эпохи пещерного человека, – заявил геолог.

Он показал на покрытый следами пол. Просохшая глина сохранила отпечатки босых человеческих ног. В одном месте следы ступней и пальцев углублялись наклонно: видимо, человек бежал. А рядом с ними отчетливо отпечатались большие следы пещерного зверя. Пещерный медведь гнался за человеком. Метрах в пятидесяти дальше путешественники нашли разбитый скелет человека и целый скелет медведя, череп которого был пробит. Тут же валялся остов каменного топора. Место борьбы древнего человека и зверя было сильно истоптано, виднелись отпечатки рук и ног, но, к сожалению, большая часть следов была залеплена известковой корой, осадком когда-то сочившихся с потолка капель. Во всяком случае, несомненно было одно – расстерзавший человека зверь и сам погиб во время смертельной борьбы.

Пещерная живопись! Времена более древние, чем времена Гондваны. Тогда человек еще не строил себе жилищ, а укрывался от холода и непогоды в пещерах, рискуя на каждом шагу встретить хищников, от которых он оборонялся и которым в то же время поклонялся. Но все же уже тогда человек постиг живопись и познал всемогущую силу огня.

Закоптелые каменные светильники хранили следы сгоревших жировых веществ.

Открытие пещеры сыграло в дальнейших работах экспедиции очень большую роль. Помимо того, что музей исследователей пополнился новыми редкостнымикладами, налицо были теперь доказательства, подтверждающие, что гондванцы считали пещерных жителей не такой уж большой редкостью.

Сооружая склеп, они не позаботились извлечь и использовать для научных целей останки эпохи пещерного человека. Однако вопрос оставался еще в известной мере спорным. В числе прочих предметов старины, обнаруженных экспедицией в пещере, геолог нашел в отложениях несколько видов наземной улитки. Останки их в большом количестве валялись повсюду; особенно большие скопления находились в куче отбросов. Очевидно, пещерный человек употреблял улиток и в пищу. Панцири этих улиток исследователи впервые встретили в склепе, где их скелетиками наряду с жемчугом были украшены каменные статуи. Значит, гондванцы являлись современниками пещерных людей.

Теперь с полной уверенностью можно было сказать, что раньше Гондвана представляла собою материк, соединенный с Африкой. Этот же вид наземных улиток встречается в недавних отложениях Африки и Канарских островов. Как могла распространиться на территории Канарских островов и в Африке наземная улитка, улитка, которая не может переселиться через океанические пучины?

Очевидно, она в отдаленные времена, когда Гондвана, нынешняя Африка и смежные с нею острова составляли один огромный материк, заселяла исчезнувший континент, сохранившись на его «обломках» и после расчленившей его катастрофы.

Решив продолжать раскопки, путешественники вскрыли соседние пласты земли. Они наткнулись на пласт молодых бурых углей... Его рыхлая, еще не слежавшаяся масса изобиловала множеством остатков ветвей и стволов. Отпечатки листьев отчетливо виднелись на отслоившихся пластин-

ках почвы, будто заснятые фотографом. Плохо обуглившиеся стволы деревьев и отпечатки хвощей и листьев открывали перед экспедицией тайны древнего леса, покрывавшего когда-то материк Гондваны.

Разрывавшие земную массу лопасти тракторов делали свое дело. Они разоблачали историю земной коры, обнажая все новые и новые виды растений, слежавшихся и образовавших уголь.

На смену деревьям хвойных пород развернулись мхи и верески, болотные травы и цветы. Тут же, па этих пластах, попадались и «фотографии» древних насекомых, похожих на стрекоз и современных ос. Неровные изломы бурого угля сохранили множество следов прежней растительности в виде стволов, корней, сучьев.

Интересней же всего были сорта лигнита, иначе называемого волокнистым углем.

– Сравните строение этих деревьев со строением растительных волокон досок от надгробия Неора! Поразительное сходство!.. Значит, растительность этого типа уже существовала во времена Гондваны.

Ботаник не мог сдержать свое возбуждение. Он положительно захлебывался словами. Мысли бурным каскадом рождались в его голове, и он не успевал их выразить. Мысли эти невольно были направлены на сопоставление прошлого с настоящим.

На основе открытий экспедиция прекрасно представила себе природу Гондваны! Растительные останки давали о ней точное понятие. Даже и не обладавшему большой фантазией художнику нетрудно было набросать гондванский пейзаж, глядя на угольные отпечатки. К тому же довольно много видов найденных здесь растений до сих пор сохранилось на островах и в бассейне Средиземного моря. А некоторые породы хвои, вечно зеленых растений и мхов проникли даже в Закавказье.

Много и других доказательств сравнительно недавней гибели Гондваны нашла экспедиция. Коллекции ее пополнялись характернейшими окаменелостями папоротников и пресмыкающихся. Коллекция ископаемых становилась

настолько обширной, что капитан «Фантазера» начал задумываться над ее размещением. Надо было что-то предпринимать, ибо электроход не мог вместить все собранное исследователями.

Обсудив с Ивановым этот вопрос, Радин предложил экспедиции все излишние экспонаты отправить в СССР, а на «Фантазере» оставить только то, что нужно было для текущей работы. Пришлось потеснить и Ибрагимову с его камерой оживления, перенеся все, что непосредственно не относилось к его опытам, в общую комнату экспонатов. Так еще раз пополнился музей Последних Достижений Науки, исключительно показательный и полезный, так как каждый участник экспедиции в любой момент без всяких затруднений мог ознакомиться с новейшими результатами кабинетных работ и со всеми новостями раскопок.

Среди редкостного собрания древностей особенно сильное впечатление производили картины художника, талантливейшей кистью сумевшего воплотить все характерное для Гондваны. Ее горы, покрытые богатейшей субтропической растительностью, живописные долины, склеп Гонды – все глядело с увешанных картинами стен, переносило зрителей в мир погибшей страны, так ревностно теперь ими изучаемой.

Комнаты музея Последних Достижений Науки стали любимейшим местом отдыха исследователей: там они черпали новые силы и пополняли знания...

*

Однажды описывавший мумии археолог с удивлением отметил бросившееся ему в глаза при внимательном изучении останков отличие надгробия Неора от гроба Гонды. Им установлено было, во-первых, что мужской труп был погребен в деревянном ложе, в то время как прах Гонды покоился в янтарной оправе. В этом на первый взгляд малозначащем обстоятельстве в действительности крылась большая загадка.

Уже и прежде некоторые из ученых обращали внимание на более живой, если так можно выразиться, блеск глаз Гонды. В ее янтарных глазах светилось что-то, правда, застывшее, но действенное, таящее в себе какие-то потенциальные силы, совсем несходное с помутневшим взглядом Неора. Все объясняли это явление предсмертным состоянием умершей.

Видимо, Неор умер спокойно, без мучений. Час кончины настал, когда он был без сознания. А Гонда все понимала и мучилась. Иначе трудно объяснить, почему так глубоко легли скорбные складки на ее лице.

Высказав это предположение, все тогда же и забыли о нем. Но старый историк, всматриваясь в лицо Гонды, поневоле вспомнил то, что говорилось по этому поводу. За обедом в кают-компании он сообщил о своих наблюдениях Ибрагимову.

– Я думаю, не применен ли в данном случае какой-либо особый способ бальзамирования, гораздо лучший, чем обычный, оберегающий прах от разрушения?

Соображение археолога казалось вполне правдоподобным. Поэтому никто не удивился, когда Ибрагимов и его ассистент тотчас же после обеда отправились в склеп. Они решили вновь просмотреть сосуды, в которых хранились человеческие внутренности. Надо было установить, к праху ли Гонды относились они. Легче всего это можно было проделать путем вскрытия мумии, так как никаких указаний на их происхождение никто до сих пор не находил.

Стоя у изголовья мумии, Ибрагимов старался уяснить поистине замечательное выражение глаз умершей. Именно выражение, ибо они таили в себе какую-то внутреннюю силу, уснувшее, а не отсутствующее сознание...

Ибрагимов прикрывал то верхнюю, то нижнюю половину лица женщины, желая найти разгадку странного явления... Нет, перед ним светились положительно что-то выражающие зрачки, осмысленные, не остекленевшие! Ибрагимов видел это и боялся верить этому. Он не хотел обмануться в своих впечатлениях.

– Ну, что же, приступим? – тихо дотронулся до его плеча ассистент, выводя профессора из задумчивости.

Первое же прикосновение к останкам обнаружило, что поверх шелковистых одежд тело было покрыто тончайшим сизым налетом, будто слежавшимся слоем пыли. С легким шелестящим звуком расслаивалась неведомая оболочка под пинцетом ассистента. Опять затрещал киноаппарат, подробно запечатлевающий операции.

Оболочка снялась как футляр. Внешне она имела вид шероховатого целлулоида; на прозрачность ее ничуть не влиял сизоватый оттенок вещества. Матовость оболочки помешала раньше обнаружить странный панцирь Гонды.

Шелковая пелена, прятая под платьем, снялась легко, не обнаружив и признаков тления. Через четверть часа на пьедестале лежал перед ними труп обнаженной Гонды. Даже мертвое тело ее сохраняло необычайную красоту форм, не вполне похожих на формы тела современной женщины. Словно точеное, эластичное, бронзово-розоватое, оно походило на изваяние.

Ибрагимов внимательно осмотрел голову покойницы. Череп ее не был так удлинен, как череп Неора. Нижняя челюсть также казалась сравнительно укороченной. В приоткрытых глазах, казалось, сверкал какой-то фосфоресцирующий блеск. Вот что принимали они за сияние скрытой жизни! Вероятно, в мумии начинался уже процесс медленного загнивания. Отсюда это странное излучение робких загадочных искорок, принятых учеными за проявление жизни...

Приступили к осмотру трупа. На теле нигде не виднелось ни малейших признаков швов. Ясно было, что вскрытие полости живота перед погребением не производилось. Открытие совпало с невысказанными предположениями Ибрагимова. Однако в то же время оно и поразило ученых. Следовательно, труп был в том самом состоянии, в котором он находился в минуту смерти...

– Но как же он мог сохраниться? Из всех подвергшихся мумификации трупов внутренние органы извлекаются в целях предохранения их от загнивания. Нельзя же одной поверхностной дезинфекцией убить мириады бактерий, на-

полняющих внутренние человеческие полости... Ведь именно они порождают тление. И именно потому так старательно дезинфицируются внутренние полости тела бальзамируемых трупов!

Такой тирадой разразился недоумевающий ассистент. Ибрагимов задумался и вдруг, обернувшись к помощнику, произнес:

– А почему не допустить такого предположения: не применяли ли в некоторых случаях гондванцы дезинфицирования путем полного очищения от пищи и от прочих посторонних веществ внутренних органов умерших? И не пропускали ли они затем через полости какую-либо убивающую бактерии жидкость, не особенно вредную для человеческого организма, как мы теперь вводим в каналы питательные растворы?

– После всего, что мы здесь видели, можно все допустить! – согласился помощник. – Но кому же тогда принадлежит содержимое герметически закупоренных склянок?

В этот момент гонг с «Фантазера» подал сигнал собираться на ужин.

Ученые бережно перенесли останки под большой стеклянный колпак, из-под которого затем выкачали воздух. Туда же поставили несколько склянок с серной кислотой, поглощающей, как известно, влагу. В руках Ибрагимова находилась пробирка. В нее он вложил крохотный кусочек отрезанной у Гонды мышцы. Они собирались исследовать ее кровь, основной жизненный двигатель.

Поздней ночью ученые вышли из химико-бактериологической лаборатории, обогащенные важным научным открытием. Кровь гондванцев, как доказал анализ, значительно отличалась своим составом от крови современного человека: наблюдалось громадное сходство ее содержимого с кровью человекообразных обезьян.

И здесь опять целиком подтверждалась теория происхождения видов!..

IX

Опыты Ибрагимова над сращиванием отсеченных частей организма долго не приводили к положительным результатам. Приращивание небольших органов – например, пальцев, кусочков мышц, пересадка костей – более или менее удавалось. Но когда возникал вопрос о сращивании сложных органов, опыты оканчивались неизбежным крахом. Места порезов неизменно выделяли большое количество гноя, мешавшего сращиванию, и это заставило молодого ученого отказаться на время от поставленной цели.

Это далеко не значило, что он совершенно отбросил мысль об оживлении праха Неора. Он решил лишь переменить объект опытов, посвятить свои силы останкам Гонды, внутренности которой, как известно, не были извлечены из трупа.

План Ибрагимова был построен на одновременном осуществлении целого ряда сложных операций. По его мнению, необходимо было одновременно возбудить и нервную деятельность организма, и его кровообращение. И то, и другое теоретически казалось возможным. Исследуя состав запекшейся крови Гонды, Ибрагимов и его ассистент установили норму потери телесными тканями влаги. В первую очередь, требовалось водонасытить организм, чтобы вновь растворить свернувшиеся белковые соединения.

Эта часть операции целиком походила на те, которые они уже неоднократно производили над отдельными органами человека.

Перенеся прах Гонды в специально оборудованный на «Фантазере» кабинет, они погрузили труп в питательную жидкость, насыщенную кислородом и калием. Вместе с тем через кетгутовые трубки, обладающие свойством быстрого рассасывания, они ввели в артерии физиологический раствор, подвергнутый непрерывному действию радиоактивных лучей.

Введенная в кровеносную систему жидкость должна была перевести в жидкое состояние затвердевшую кровь трупа, которую после этого предполагалось привести в движение волнами сжатого воздуха. Температура среды и питающих соединений равнялась тридцати восьми и четырем десятым градуса Цельсия.

Странное зрелище представляла собою камера оживления. На большом стеклянном столе лежал оживляемый труп. Едва уловимые ультра-фиолетовые лучи наполняли ее, пронизывая насквозь безжизненный организм Гонды. При помощи особых аппаратов останки женщины как бы пропитывались, насыщались живительными свойствами ультра-фиолетовых волн...

Уже в течение сорока минут труп подвергался их действию. Тем не менее жизнь не проявлялась еще ни в чем. Тело по-прежнему оставалось холодным, едва реагируя на искусственное повышение температуры.

– Гормоны сохраняет и мертвое сердце, – рассуждал вслух Ибрагимов. – Если бы нам удалось перевести это вещество из недеятельного состояния в деятельное, то организм, безусловно, ожил бы. В извлеченном сердце последнее удаётся легко: стоит только применить энергию радиоактивных лучей.

– Я полагаю, – заметил ассистент, – теперь следовало бы сосредоточить внимание на состоянии нервной системы.

Ибрагимов и сам уже подумывал об этом. В голове его все чаще и чаще начинала мелькать мысль: можно ли считать смертью то состояние, в котором находился труп Гонды? Не было ли здесь другого состояния?..

Ибрагимов вспомнил ученого Пиерона, труды которого были посвящены проблеме недеятельного состояния мозга. Этот ученый впрыскивал в полость мозга нормальных животных мозговой яд, гипнотоксин, и тем повергал их в длительный сон.

Мало того, при этом были отмечены и изменения в мозговой протоплазме. Что если попытаться ввести в организм противоядие и перед тем промыть внутренние каналы мертвого организма?

– Последнее, пожалуй, главное! – решил Ибрагимов. – Гипнотоксины сковывают только мозг и ни в коем случае у сонных людей не влияют на остальные процессы... Дыхание и кровообращение происходят нормально.

– Но ведь яд гипнотоксин вырабатывается самим мозгом в процессе умственной деятельности, – возразил ассистент. – Значит, у живых существ происходит самоотравление мозга. Затем во сне, когда мозговые ткани бездействуют, затраченная энергия возрождается. А у мертвого самовозрождения быть не может.

– Попробуем! – ответил Ибрагимов. – Обеззаразим мозг впрыскиванием противоядия, то есть введем антитоксин.

Прервав начатые операции, они приступили к длительному промыванию внутренних полостей трупа, после чего вновь включили питательные растворы в артерию. В то же время они подвергли просвечиванию радиоактивными лучами черепную коробку, предварительно впрыснув в мозговую полость ампулу антитоксина.

– Остается ждать и надеяться!..

Время текло медленно. Каждые пять минут ученые отмечали неуклонное повышение температуры тела. Через два с половиной часа она поднялась до тридцати пяти с половиной градусов.

– Жизненный уровень! – вскричал Ибрагимов.

Холодное до сих пор тело излучало тепловую энергию.

Меловая бледность верхних покровов начинала чуть-чуть отливать бронзоватым румянцем.

Склонившись над трупом в нейтрализующих влияние ультра-фиолетовых лучей костюмах, исследователи напряженно всматривались в распростертое перед ними тело.

Прошло еще пять... десять минут... Вдруг ассистент, наблюдавший за пульсом, испуганно отшатнулся.

– Сердце забилося!..

Ибрагимов припал к груди Гонды. Прикосновение к ее телу не обожгло его специфическим холодком! Нащупывая дрожащими руками пульс, он ощущал до физической боли биение собственного сердца.

Он ясно различал мерные удары пульса. Сначала они были робкими, еле ощутимыми, затем стали учащаться и приобретать с каждой минутой большую наполненность. Еще четверть часа... Вдруг Гонда потянулась всем телом, будто разминая отекавшие члены! Выражение лица изменилось. Легкая улыбка заиграла на ее налившихся краской губах.

– Она жива! Жива! – в неописуемом восторге отпрянул Ибрагимов.

Бледный ассистент подошел к ученому и, подавая ему дрожащими руками хлороформенную маску, сказал:

– Вы просили меня... чтобы в случае оживления трупа я не растерялся и напомнил вам о необходимости усыпить... Не дать проснуться в склепе...

Так как Ибрагимов в эту минуту не владел собой, ассистент сам подошел к изголовью Гонды и едва повинующимися пальцами надел на ее лицо усыпляющую хлороформенную маску.

.....
.....
.....

Факт оживления Гонды вызвал, конечно, невероятное возбуждение среди участников экспедиции. Когда Ибрагимов сообщил о нем, совет экспедиции охватила растерянность. О работах Ибрагимова знали все, но никто даже теоретически не мог допустить мысль о возможности оживления организма, погребенного двадцать пять тысяч лет тому назад.

Совет пожелал лично удостовериться в невероятном факте и в полном составе отправился в камеру оживления.

Глазам ученых представилось изумительное зрелище. В глубоком сне перед ними лежала обнаженная гондванка. На первый взгляд ни дыхания, ни особой живой окраски тела заметно не было. Казалось, пред ними лежал преж-

ний бездыханный труп, сохранивший в прозрачной оболочке бальзама внешний вид спящего человека.

Ассистент молча поднес к губам женщины зеркало. Полированная поверхность покрылась матовой пленкой паров дыхания. Термометр Цельсия показывал тридцать шесть с половиной градусов.

После осмотра Ибрагимов пригласил исследователей в лабораторию. На экране он мог демонстрировать детали исключительной операции, снятые кинооператором.

Комната, где собрался почти весь экипаж экспедиции, изобиловала экспонатами. Здесь помещалась выставка новейших достижений физиологии. На стенах, вперемежку с различными диаграммами, схемами, формулами и плакатами, висели наиболее удачные кадры из фильма, демонстрирующих характерные моменты оживления мумии. На полочках стояли сосуды и склянки с подвергавшимися экспериментам органами всевозможных животных и человека. Тут же находились и отдельные части костюма Гонды, сверкавшие жемчугом и странными слюдянистыми блестками. Но больше всего обращали внимание присутствующих акварии, наполненные препарированными органами электрорыб и самосветящихся океанских животных.

В отдельном аквариуме помещался живой электроскат.

– Понаблюдайте за ним! – предложил ученый, выключая свет.

Погруженное в абсолютную темноту, животное вдруг загорелось васильковым блеском. Широкое овальное туловище, гладкое и короткохвостое, снабженное двумя плавниками, пряталось в иле.

Скат высунул свою круглую голову только тогда, когда камеру неожиданно охватила тьма. Маленькая рыбешка, пугливо метнувшись по акварию, неосторожно приблизилась к хищнику. Скат тотчас же метнул в нее короткую электрическую молнию, оглушил жертву и тотчас же с жадностью проглотил.

– Эта глубоководная рыба замечательна тем, что она имеет органы, вырабатывающие электричество. Попадают громадные экземпляры. Их электроудары оглушают даже

человека. Электроскаты известны и древним, но раньше думали, что они выпускают ядовитую струю, ибо электричества в те времена еще не знали.

Неприятное внешне животное сыграло решающую роль в научных открытиях Ибрагимова. Оно помогло молодому профессору изучить строение иона, мельчайшей части животной ткани, несущей электрические заряды. Над тайной иона долго бились ученые, так и не сумев разгадать ее. Ибрагимову удалось найти эту разгадку путем многочисленных опытов со скатом, тело которого носило богатейший запас электроэнергии, составляющей основу жизненных явлений.

.....
.....
.....

...«Фантазер» недолго после этого продолжал раскопки. Несмотря на самоотверженность исследователей, работы ничего нового больше не приносили. Новых открытий, относящихся к гондванской эпохе, экспедиции сделать не удалось. Поэтому совет принял решение о прекращении дальнейших изысканий.

Однако, прежде чем возвращаться в Европу, экспедиция предприняла еще одно обследование.

Небольшой отряд под непосредственным руководством Ибрагимова ранним утром пустился в путь. Длинной цепочкой растянулась группа исследователей, спускаясь в циркообразную котловину. Далеко внизу, там, где залегали неровные гряды каменных глыб, котловина оканчивалась скалистой стеной. Казалось, что в гондванские времена здесь вклинивалась в берега морская бухта и гранитные массивы являлись естественной границей вод.

Взметая, словно пыль, белесые космы ила, тракторы сползали с крутых склонов...

Перед путешественниками расстилались знакомые придонные пейзажи: хребты и котловины, пустынные, словно

выжженные, отмели и сплошь кишачие животными ущелья... Впереди сквозь мгlistую завесу дали показался странный силуэт. Поднимаясь с самого дна, он скрывал свои неровные очертания в поверхностных слоях воды.

– Это похоже на не перемещающуюся тень, отброшенную сверху! – заметил один из путешественников.

Тень не могла проникнуть так далеко. Глубина океана в этом месте была никак не меньше двух тысяч метров.

Ибрагимов навел прожектор. Очертания загадочного силуэта вырисовались с поразительной четкостью.

– Ба-а... коралловый остров! – воскликнули хором несколько человек.

Без особых усилий удалось обнаружить под слоем ила отмершие колонии полипов.

– Очень важное открытие, – констатировал Ибрагимов. – Коралловый остров – лучший свидетель того, что обследуемая нами территория когда-то представляла собою сушу или почти сушу, очень медленно, постепенно опускавшуюся на морское дно.

Казалось бы, должно было быть наоборот. Но это не так. Все дело в том, что вид полипов, образовавших остров, может жить на глубине не более двадцати метров. Они строят свои колонии, иногда поднимающиеся над водным уровнем на несколько метров. Здесь коралловый фундамент углубляется на две тысячи метров. Нижние, мелко-водные, кораллы могли попасть сюда, лишь опускаясь вместе с дном.

Решено было проверить предположение Ибрагимова. Через полчаса путешественники, точно в трюковой кинофильме, взбирались на фантастическую колонну.

Вскоре они натолкнулись на непреодолимое препятствие: от водной поверхности их отделяла... почва... Получалось, будто под верхним морем находилось второе, нижнее море... море, отделенное почвенным пластом...

Еще задолго до установления этой странности водолазы обратили внимание на то, что лучи прожектора лизали громадный непроницаемый свод. Не разгорался и отблеск наземного дня, хотя блеск солнца обычно проникает сквозь

водный слой на двести метров, а здесь приборы отмечали глубину всего сто десять метров. Повсюду лучи прожекторов ломались о непонятный свод.

К губчатым неровностям его прикреплялись тысячи противных морских змей. Вылавливая добычу, слепые гады извивались спиралями, скатывались в клубки и разворачивались в ядовитые нити.

– Нас не должно смущать это обстоятельство, – заявил Ибрагимов опешившим товарищам. – Потолок представляет собою массивные ответвления коралловой колонны. Нет сомнения, что границы свода находятся где-нибудь недалеко. Попробуем выключить прожекторы...

Экспедиция сразу погрузилась в кромешную тьму. Ослепленные ярким светом фонарей, путешественники не сразу различили зеленоватые солнечные блики, проскальзывающие сквозь коралловые окна свода. Когда зрение водолазов освоилось с тьмой, белесые струи солнечных лучей выделились яснее.

– Попытаемся проникнуть на поверхность!

Ибрагимов направил тракторы в отверстие. Нажал на выключатель. И перед глазами расположившихся на подводках путешественников мелькнули калейдоскопические очертания прорезываемой ими воронки. Минута-две, и тракторы всплыли на поверхность...

Был вечер. Багровый закатывающийся шар солнца сиял над синей гладью океана...

Подводки стояли в виду небольшого острова. Берега его были покрыты густой тропической растительностью. Метрах в ста к востоку красовалось громадное кольцо атолла.

Колония живых кораллов образовала водоем, кишачий множеством морских животных и рыб.

– Вот вам и объяснение, как возникал коралловый остров, – смеялся Ибрагимов, указывая на атолл.

С этими словами он провел через ворота рифа в лагуну оба трактора.

Небольшой водоем изобиловал различными морскими тварями. Их будто втиснули в тесный аквариум. Трупы

погибших оседали вместе с водорослями, заполняли дно атолла, готовя плодороднейшую почву.

Лагуна мельчала из года в год и превращалась в коралловый остров.

Трудно передать восхищение путешественников, долго не видавших земного дня, когда они остановились в самом центре обширного кольца.

Голубая прозрачность неба, блеск солнца, свежий воздух, насыщенный ароматом морских испарений, мерный плеск набегających волн за пределами лагуны – все это опьяняло их.

Освежившись купаньем, путешественники улеглись на высоком коралловом утесе в тени кокосовой пальмы и, глядя сверху в прозрачные воды лагуны, отдыхали, наблюдая за жизнью ее обитателей. На дне шевелились спруты. Они обладают удивительным свойством менять окраску под цвет дна, что помогает им обманывать добычу. Отвратительные животные по целым часам просиживают на месте, игриво потряхивая бородавчатыми щупальцами.

Местами виднелись гигантские каракатицы, набросавшие плавниками на свои спины груды камней, чтобы стать незаметными для своих жертв. Они набрасывались на неосторожных рыб, крепко охватывали добычу и выпускали ее с прокушенным черепом и высосанным мозгом. Подводный мир кишел хищниками; каждый миг жизни в нем был полон беспощадной борьбы. Даже безобиднейшие с виду животные, медузы, и те были страшнейшими врагами рыбешек, которых они оплетали студенистой слизью и пожирали.

В немногие часы, проведенные на атолле, путешественники оказались неожиданными свидетелями кровавой борьбы исполина-омара с набросившимся на него спрутом. В этой борьбе, как это ни странно, победителем оказался не спрут. Своими зазубренными клешнями омар так сдавил щупалец напавшего гада, что тот, извиваясь от боли, немедленно обратился в бегство. И долго еще таскал он за собою вцепившегося омара, пока наконец не оборвался щупа-

лец... Впрочем, это не страшно было спруту: утеранный член вновь отрастает у него.

Ибрагимов надел водолазный костюм и опустился на дно. Он шел среди морских змей-пеламид и окружившей его стаи серебристых макрелей. Играя с морскими коньками, он весело отбрасывал паутину окружающих его тряпичников-рыб и наполнял захваченную корзину устрицами. Полный радостного ощущения душевной умиротворенности и физической силы, Ибрагимов взбирался на донные холмы, опускался в низины, расхаживал там, где в коралловых зарослях скрывались скаты и в чаще водорослей таились многочисленные враги человека.

Наконец он показался у берега. Бодрыми шагами выбрался он на отмель и разоблачился.

Приземистый юнга, всегда смеющийся и торопливый, не мог сдержать любопытство, увидев впервые раковины-жемчужницы в принесенной Ибрагимовым корзине. Разбив несколько раковин, он нашел в одной из них маленькую фигурку. Находка представляла собой золотое изваяние туземного бога морей. Его металлическая поверхность была покрыта тонким слоем жемчужной массы.

Путешественники с изумлением рассматривали грациозную вещицу.

– Наследие далекого прошлого, – поучал Ибрагимов. – Когда-то туземный жрец бросил в море жемчужницу, вложив в нутро крохотную статуэтку. Это было своего рода жертвой морю. Теперь эта жертва вернулась к нам уже не как дань суеверию, а как материал для пытливого исследовательской мысли.

Наступила ночь, темная и звездная, какими так богаты тропики. Экспедиция расположилась на ночлег под сенью кокосовых пальм. Устрицы и различные виды рыб оказались хорошим ужином, которому участники экспедиции воздали должную честь.

Обмениваясь больше жестами и знаками, чем словами, путешественники молча созерцали свечение моря.

Лагуна светилась и горела. Чуть всплеснется волна, и тысячи искр вспыхнут голубоватым светом... Море играло за-

горающимися и меркнувшими огнями, прибрежные камни также сияли переливчатыми отблесками. Даже на омытом волнами блестящем песке вспыхивали следы только-что пришедшего человека. Там и сям то занималось, то замирало феерическое свечение. На дне зажигались морские звезды, сияли медузы, венерины пояса.

Трудно было сказать, что чудеснее – далекое звездное небо или переливающая огнями морская пучина...

...Ранним утром, когда зеркальная гладь лагуны играла перламутровыми тонами зари, экспедиция отправилась в дальнейший путь.

Тракторы перевалили крутые склоны атолла. Солнце взошло на безоблачном небе. Бирюзовый океан плескался пенистым прибоем.

Скрывшись в тесной каюте подводок, экспедиция погрузилась на двести метров. Назначенный срок истекал. Через три часа исследователи обязаны были явиться на электроход.

Сквозь прозрачные стенки подводок они любовались окрестностями. Лучи прожекторов прорезали воду, освещая далекие скалы. Танки неслись мимо холмов и водорослевых зарослей.

Развив максимальную скорость, подводка пересекала ущелья, перелетала через хребты и углублялась в котловины. Но вот ей преградил дорогу высокий горный кряж.

Почти отвесные стены его уходили далеко в высь.

– Знаете что? Попробуем пробраться через природные туннели! – предложил Ибрагимов, указывая на туманные очертания зиявших впереди провалов.

Преграждавший путь подводный кряж, очевидно, являющийся основанием острова, состоял из мягких известковых пород. Течение промыло в подошве горы большие трещины и нагромодило груды скал. Путанный лабиринт был неизвестен, но достаточно обширен для подводки, поэтому путешественники рискнули.

Увлекаемые не слишком сильным течением, подводки вошли в широкий проход. Кругом, влево и вправо, вверху

и внизу залегали черные впадины катакомб. Нашупывающие дорогу лучи прожекторов ломались в изгибах.

Исследователи избрали длинную, почти горизонтальную галерею, показавшуюся им началом сложной системы сквозных тоннелей. Она была значительно шире и прямолнейнее других, поэтому выбор остановился на ней.

Первые два-три километра оправдывали расчеты. Ширина галереи оставалась неизменной; лишь местами путь преграждали громадные косы известковых перекастов. Не раз подводки взрезали слои белой пыли, вонзаясь в наносные отмели. Но тракторы без труда преодолевали препятствия.

– Мы проезжаем сейчас территорию острова Ирден, – склонился над картой Ибрагимов. – Его подводное основание имеет форму конуса. Если принять во внимание глубину, на которой мы в данное время находимся, и длину диагонали острова Ирден, то весь наш подземный путь не должен превышать восемь-девять километров. Если все будет обстоять благополучно и дальше, через полчаса осторожного плавания мы выйдем в открытое море.

Их ожиданиям не суждено было сбыться.

С каждым десятком метров туннель становился ниже и уже. К тому же и строение его начинало принимать иной характер: прямой, как линейка, профиль сменился зигзагообразными очертаниями... Известковые породы перемежались с гранитными прослойками, встречавшимися чаще и чаще. Путь становился труднее и опаснее.

В начале восьмого километра обе подводки, следовавшие одна за другой, испытали вдруг серьезное сотрясение. Их корпуса, застревая, черкнули своды тоннеля. Сильный толчок был сигналом надвигающейся катастрофы.

– Пожалуй, следует быть готовым к случайностям, – пробормотал механик, нехотя напяливая на себя водолазный костюм. Его примеру последовали остальные. Ибрагимов на всякий случай отправил радиogramму, которой он предупредил капитана о своих опасениях. Он сообщил «Фантазеру» и свой маршрут.

Прошло еще несколько напряженных минут, минут, когда опасность кажется неизбежной и когда все же тлеет надежда на благоприятный исход. Миниатюрные танки то и дело врзались в мягкий осадочный грунт.

Вдруг раздался треск, покрышки с оглушительным взрывом лопнули. Оболочка, выдержавшая несколько сот атмосфер глубинного давления, раскололась... Тех, кто не успел заранее надеть водолазные костюмы, мгновенно сплющило. Шестеро уцелевших оказались закупоренными в узком туннеле.

Обратный путь был отрезан загроздившей узкий проход грудой остатков обеих подводок.

Потерпевшие крушение ощупью отыскиали друг друга. Чуть слышимое шипенье микрофонов едва позволяло перебрасываться короткими фразами.

Мог ли уйти «Фантазер» без них? Конечно, нет, тем более после тревожной радиограммы...

Путешественники не отчаивались. Их жизни пока не грозила непосредственная опасность. Безнадежно печалила лишь гибель товарищей. Тела их, по всей вероятности, уже унесли подводные реки...

Опомнившись от первых ощущений растерянности, путешественники решили освободить закупоренный проход. Соединенными усилиями они пытались очистить путь. Пласты теотона и листья никелевой обшивки так плотно прижало потоком к скалистым стенам, что все их попытки не привели ни к чему. Они слышали лишь шелест песка по своим эбонитовым панцирям. То подводный каскад проносил мимо них космы известкового ила.

Сугробы все больше и выше заносили путешественников. Шум становился глуше. Галереей закупоривало.

От этой мысли невольно охватывала оторопь. Страшной и неизбежной казалась смерть.

Сколько прошло времени с момента катастрофы, никто не мог бы сказать. Ибрагимов овладел собою и ясно стал сознавать окружающее лишь тогда, когда впереди него забрезжила слабая полоска света.

Тонкая переливчатая нить робко тянулась оттуда, где еще четверть часа назад зияла подводная галерея. Золотистый луч пронизывал тьму.

До слуха Ибрагимова донесся энергичный голос Радина, усиленный микрофоном:

– Алло! Алло! Говорят с «Фантазера»... Мы ищем отряд Ибрагимова!

Прошла минута, другая, третья... Может быть, час...

Время тянулось томительно долго. Хотелось броситься вперед, навстречу спасителям. Но хлынувший вновь поток сбил Ибрагимова с ног, потянул в лабиринт, тело утратило способность сопротивляться. В этот момент в тучах придонной мути расплылся прорвавшийся луч...

– Алло! Товарищи!.. Следуйте друг за другом.

.....

За изгибом покачивалась новенькая подводка. Десятки рук тянулись навстречу избавленным.

Несколько дней спустя физиолог отдыхал со своим ассистентом в кают-компании. Был послеобеденный час. Сидя в приятном голубоватом полумраке, похожем на излучение фосфоресцирующих морских животных, они беседовали по поводу предстоящей поездки в СССР, куда отправлялась первая партия добытых экспедицией научных находок.

В горах Абхазии, как уже знали Ибрагимов и его друзья, созидался необычайный заповедник.

Перед учеными лежала карта СССР с маленькой карандашной отметкой в северо-восточном углу Черного моря. Здесь же рядом, на круглом столике, валялась пачка эскизов художника, воспроизведшего основные детали проекта...

– Итак, скоро трогаемся в путь. Не жалко расставаться с раскопками?

Ибрагимов ничего не ответил. Он был погружен в размышления. Мысли его были заняты другим: он только и думал теперь о Гонде.

– Древнейший историк земли с острова Атос! Во что могла она посвятить современное человечество?

Что Гонда оживлена, с этой мыслью он уже свыкся. Он опасался только одного: какое впечатление произведет на нее неведомое ей окружающее, когда сознание возвратится к ней? Не будет ли новый мир настолько неожиданным и страшным ей, что с таким трудом возвращенная жизнь вновь покинет ее? Этого нельзя было допустить.

План его был намечен давно. Он оживит Гонду в далеком заповеднике Закавказья, куда их отряд отправляется через несколько часов; там будут созданы для нее условия, близкие к тем, в каких она находилась в своей Гондване.

Пробил гонг, извещавший о сборе команды.

Когда Ибрагимов с ассистентом появились на «Фантазере», все было готово к отъезду. Электроход должен был

доставить экспедицию на Черноморское побережье. Там предстояло высадиться всем ее участникам.

Наконец после двухмесячной стоянки корпус электрохода плавно качнулся и отделился от океанского дна.

Резкие лучи икс-прожектора лизали удаляющиеся скалистые неровности. Манометры показывали все уменьшающееся давление. Белесый рассвет дня постепенно сменял вечную ночь морских глубин. Всплывая, электроход резал своим коническим носом сизоватые океанические воды, пугая морских животных и рыб. Едва маячил позади скрывающийся в пучине склеп мифического острова Атос...

Еще одно движение вверх, и цилиндрический остов «Фантазера» скользнул по водной поверхности.

Вновь, как и в начале весны, электроход плавно залег на океанскую гладь, но теперь уже в девятистах километрах от архипелага Тиней.

День был солнечный, тихий. Океан был зеркально гладок и играл золотыми барашками солнечных бликов. Всюду, куда ни достигал глаз, маячили силуэты пароходов, высланных навстречу экспедиции. Десятки гидропланов парили высоко в небе.

– Ну, наконец мы опять на вольном воздухе! – приветствовал экипаж капитан Радин, появляясь на мостике...

– Поднять флаг! – передал микрофон приказ.

И тотчас же в солнечных лучах на голубом фоне неба зардел пламенной лентой стандарт СССР.

По окончании церемонии приема ученых делегаций «Фантазер» взял курс на северо-запад. За его быстроходным корпусом не мог угнаться ни один пароход.

Вскоре электроход скрылся за горизонтом.

Спускалась черная тропическая ночь. Луны не было. Хороводы звезд мерцали в далеком просторе. Светящиеся океанские волны голубой полосой плескались за кормой...

Ибрагимов поднялся на палубу. Группа матросов столпилась у никелевой сетки борта.

О чем беседовали они?

Ученый услышал имя Гонды и подошел к ним.

– Вы довольны результатами экспедиции? – спросил его один из матросов.

– Труды нашей экспедиции увенчались слишком ничтожными результатами по сравнению с тем, чего можно было бы ожидать, опираясь на научные предположения, – ответил Ибрагимов. – Мы нашли только один населенный, погибший в древности островок Атос, в то время как с несомненностью установлено существование в далеком прошлом целого громадного материка, названного Гондваной. Континент возвышался здесь, где теперь пересекаем мы Индийский океан... И не только один материк Гондвана известен геологам... Знаем мы и о существовании Пацифиды, погребенной пучинами Великого океана.

В самых ужасных глубинах Тихого океана, в восьми-девяти километрах от морской поверхности, находят колонии мертвых мелководных кораллов. Естественно, что оказаться на дне таких глубин эти организмы, живущие не глубже пятидесяти метров от уровня моря, могли только при одном условии – опускаясь вместе с дном океана.

Многие острова Тихого океана имеют коралловое происхождение. Возвышаясь среди невероятных пучин, они в своем основании обнаруживают коралловое строение. Ясно, кораллы начали строить свои колонии, когда океан был мелок... По мере опускания морского дна они надстраивали свои атоллы, а нижние постепенно следовали за опускающимся дном.

Ученые предполагают, что катастрофа перемещения морей и суши произошла на глазах человека. Камни, памятники старины, свидетельствуют о том. В Атлантическом океане в тысяча восемьсот девяносто восьмом году прокладывали европейско-американский телеграфный кабель.

Однажды порвавшийся кабель затонул. Когда его вылавливали со дна металлическими кошками, обнаружили, что дно океана имеет ярко выраженный горообразный характер. Попадая на вершины скал, кошки опускались неглубоко; попадая в пропасти и ущелья, углублялись необычайно далеко. Зубцы кошек вырывали со дна куски почвы. Это была стекловатая лава недавнего происхождения. Стек-

ловатый состав ее мог образоваться не в воде, а на открытом поверхностном воздухе. Осколки лавы были острокопечены и чисты: значит, они недавно скрылись в пучине, ибо иначе их занесло бы илом, а время стерло бы их острые грани.

Ибрагимов привел еще целый ряд доказательств.

– Гондвана, Пацифида и Атлантида!.. Три древних материка, омывавшихся совершенно другими морями, бушевавшими в том месте, где теперь возвышаются континенты... Грандиозный океан Тетис тянулся с запада на восток, отделяя два параллельных поперечных материка...

Матросы слушали с интересом.

В середине рассказа к группе беседующих подошел геолог. Его тоже привела на палубу красота давно не виданной тропической ночи.

Спокойный, эпический тон речи, внимание слушателей, мертвая тишина захватили и его. Впереди и по сторонам величаво стлалась беспредельная плещущая гладь, пропадающая в темноте, порой загорающаяся фосфорически лентами и купающая серебристые отражения звезд.

Ночь. И вдруг на горизонте, там, где закатилось солнце, робко задрожало какое-то мерцание. Оно поднималось все выше и выше, расплываясь к созвездию Плеяд и становясь ярче отблеска Млечного Пути. В самом центре колеблющейся эфирной пелены купалось более яркое, белесое зерно, меняющееся в своей величине.

– Зодиакальный свет! – воскликнул геолог.

Неведомое сияние, похожее на отраженный свет ярких звезд, стало медленно таять, скрываясь в наползающих тучах.

Где-то далеко заиграли зарницы. Становилось душно. Африканский ветер тянул жаром с раскаленных песков Сахары. По воде побежали шумливые гребешки. Приближалась гроза...

– Лет тридцать тому назад, – продолжал Ибрагимов, – мне пришлось побывать на Каролинских островах... Помню чудесный остров Понапе. Там сохранились старинные развалины большого города... Множество каменных колонн, вы-

соких фундаментов, на которых строились древние здания. Глубокие каналы были прорыты между рядами этих сооружений. Никто не знает, кем и когда был построен город, прозванный путешественниками «Венецией Тихого Океана». Только морские волны лижут уцелевшие на побережье разрушенные здания, поглощая с каждым годом все больше и больше эти памятники. На некоторых островах Полинезии обнаружены были каменные пирамиды, отличающиеся от египетских своими усеченными верхушками: здесь треугольная площадка заменяет остроконечный конус Мемнона... Будем надеяться, что в скором времени пылкий ум археологов раздвинет завесу прошлого...

Ударил приглушенный дальний раскат грома. Зодиакальный свет померк, звезды закрылись тучами, океан зашумел... Начинался шторм.

Беседа оборвалась. Один за другим скрылись матросы в блестящем светом корпусе «Фантазера».

Ибрагимов остался один. Он бродил по палубе, погруженный в свои мысли до тех пор, пока микрофон не передал команды:

– Все по местам!.. Наклон тридцать! Глубина двести метров!..

Металлические части мостков звякнули, подались и скользнули в раскрывшийся люк. Когда Ибрагимов по лестнице спускался в кают-компанию, в стеклянные плоскости иллюминаторов с пеной ударились первые гребни шторма. «Фантазер» слегка покачнулся и камнем нырнул в пучину.

XI

Ранним утром, когда из-за синих гор поднималось во мгле весеннее солнце, электроход подходил к берегам Абхазии. Кончилась последняя миля многокилометрового путешествия.

Стоя на палубе, Ибрагимов всматривался в скалистые берега Хосты, в расщелины Черного моста. Вороненое море плескалось спокойно в борта судна, перевозившего драгоценнейший груз экспедиции.

Скоро в сопровождении многочисленных делегаций экспедиция уже вступала в заповедник «Атос»...

Путешественники поднимались по отлогим склонам высокой горы. С обеих сторон дикой тропинки, расточая пьянящий аромат, тянулся подтропический лес. Различные виды вечнозеленых растений перемешивались с акклиматизировавшимися в благоприятном климате Черноморья родами древней флоры. Редкие представители ее, судя по отпечаткам сланцевых углей, сохранились еще и до наших дней.

Причудливые шапки канарской сосны, прекрасные кроны земляничного и своеобразные формы драконового деревьев, размежевываемые чилийскими кипарисами и азорскими лаврами и вересками, поражали своей красотой, разоблачали тайны гондванской природы.

Время от времени исследователи пересекали небольшие лужайки, покрытые зелеными мхами и крупными папоротниками. В далекие от нас дни возвышающиеся ныне в Индийском океане осколки суши представляли собою один материк, на глазах древних раздробленный и в еще более далеком будущем могущий вновь возродиться в новый неведомый нам континент.

Полуденное солнце жарко припекало, когда наконец изумленные виденным путешественники достигли возвышающейся на триста метров долины. Впереди, прячась в

тенистой зелени лиан, лепилась к скале сооруженная мегалетическая постройка.

Грандиозная пещера напоминала эпоху доисторического человека. Стены ее украшали древние рисунки, выцарапанные острыми камнями, тут же валявшимися, будто оставленные древним человеком.

Внутри пещеры возвышались два плетеных из ветвей ложа. На одно из них путешественники опустили спящее изваяние гондванки. Другое предназначалось для Ибрагимова. На гранитной глыбе лежала каменная плочка, наполненная остатками животного сала. Еще несколько кусков его небрежно валялось невдалеке в углу. Тут же лежали бронзовые орудия, уносившие жизнь в бронзовые века.

Экспедиция достигла цели. Теперь путешественники должны были удалиться, оставив Ибрагимова и Гонду одних.

Прощаясь с физиологом, капитан долго пожимал его руку, а под конец, не сдержавшись, улыбнулся:

– Вы и действительно, черт возьми, похожи на гондванца. Самый пристальный взгляд не сумеет заподозрить мистификацию... Можно ли при таких условиях сомневаться в успехе вашей миссии?..

Молодой ученый недовольно взглянул на товарища:

– Всем вам пора уходить. Через час Гонда проснется... Если только она откроет глаза при вас, обманув наши расчеты на неотоксин!..

Надо сказать, что за несколько дней до этого Ибрагимов перенес очень сложную операцию. Ему изменили форму черепа и нижней челюсти. Нередко и в наши дни в институтах красоты изменяют форму носов, вводя под кожу затвердевающее вещество. Примерно такой же, но гораздо более серьезной операции подвергался и молодой ученый. Несколько раз подряд ему вводили под кожу затылка и подбородка состав, теперь окончательно затвердевший и совершенно изменивший черты его лица и форму головы.

Из белокожего человека Ибрагимов превратился в настоящего гондванца, что было достигнуто постепенным введением в организм пигментирующих средств. На лице не

осталось и метки, будто не было нанесено ему шрамов во время операции. Под живительными лучами радия разрезы зажили настолько гладко, что и самый опытный глаз не мог ничего заметить... Если бы человек наших дней сумел представить себе, поразительные результаты научных достижений, к практической пользе которых привыкли в тысяча девятьсот девяносто девятом году!..

Такие операции, как совершенно безболезненное удаление зубов, давно считались обычными. Большинство людей того времени даже не предполагало, что когда-то процесс «дергания зубов» был сопряжен с большими мучениями. Теперь посадка искусственного зуба занимала не более получаса на все вместе взятые процедуры, начиная от извлечения пораженной косточки и кончая вставкой на ее место отличной формы лабораторного производства. Наркоз, физиологический раствор, радиоактивная энергия широко применяемых в медицине веществ – вот что сокращало былые мучения, выветрив навсегда представление о длительной зубной боли...

Те же принципы применялись и к операции над изменением формы черепа Ибрагимова...

...Экспедиция удалась. Гора, на которой раскинулся заповедник «Атос», изолировалась от внешнего мира глубокими пропастями. Они преграждали всякий путь желающим проникнуть в «Атос». Имелся только один скрытый выход, известный молодому ученому да лицам, которым доверено было поддерживать незаметную постоянную связь с Ибрагимовым. Со всех сторон заповедник окружали высокие горы, скрывшие обычную жизнь Абхазии... Ни один признак культуры, ни один звук не проникал в «Атос»...

А вдаль вырезались среди ущелий бирюзовые полотнища моря. И были они так же пустынно и безлюдны, как и все в заповеднике...

Приближалась минута пробуждения Гонды. Освеженная кровь должна была побороть яд неотоксина, навевшего состояние летаргии.

Чтобы не сразу броситься Гонде к глаза и тем не повергнуть ее в смятение, Ибрагимов уселся возле гранитной глы-

бы недалеко от входа в пещеру. Кусками трута вздувал он огонь, подражая приемам диких. Руки его дрожали, трут ежеминутно выскальзывал. Много раз Ибрагимов украдкой взглядывал туда, где на ложе покоилась Гонда.

Долгий спокойный сон владел ею. Только редкие медленные движения и расплывающаяся по лицу краска отличали ее от мертвой.

Над горой в синеве кружили орлы. Лес шумел. Белыми гребешками играло море.

Время текло.

Ученый сидел спиной к пещере. Вдруг он уловил характерный шелест шелковых тканей. Кто-то тихо ступал. Сердце забилося судорожнее. Каждый удар его пульса совпадал с звуком приближающихся шагов. Едва владея руками, ученый сосредоточил все внимание на закурившихся палочках трута. Но пальцы дрожали, не повиновались, прыгали.

Еще мгновение. Перед глазами ученого на гладком ковре засохшей в палящем зное травы изогнулась тень женщины. Он вздрогнул и обернулся... Перед ним, залитая солнцем, стояла Гонда! Устремленный поверх его головы взгляд ее выражал недоумение... Ибрагимов растерянно встал и неуверенно шагнул навстречу. Только теперь он заметил пленительную улыбку ее. Мужчина и женщина встретились взглядами. Ученый склонился пред женщиной. Он увидел в ее глазах не прежний затуманенный отблеск; его сменил лучистый янтарный блеск.

Ибрагимов не знал, как себя вести. Он решил выждать. Гонда застыла в созерцании. Для нее все было ново. Этот зубчатый, окаймляющий заповедник хребет, неведомая растительность. Лишь кое-где находила она похожие на знакомые ей растения.

Странная мегалистическая пещера... Птицы, пение и посвист которых был в древнее время иным.

Взор Гонды упал на бурно-синий морской залив, глаза ее прояснели, в них зажглись тревожные огоньки... Взгляд перебегал с предмета на предмет. В лице пробуждалось перемежающееся с тоской оживление... Изумление, любопыт-

ство и страх чередовались, скрываясь в набегающих и разглаживающихся морщинках. Гонда силилась овладеть собою. Ибрагимов следил за всеми ее движениями. Он старался прочитать ее мысли, разгадать действия.

Первое слово произнесла Гонда. К тембру ее голоса пришивался какой-то гортанный призыв, будто отрывистый клич. Ибрагимов невольно вздрогнул. Почти тотчас же он произнес несколько фраз на трех известных ему языках. Однако не только современные, но и изученное им древнегреческое наречие, по-видимому, не заключало в себе каких-нибудь сходных с древнейшим языком корней.

Этой минуты больше всего опасался Ибрагимов. Оживленная девушка являлась незаурядным историком древней Гондваны, и он полагал, что Гонде известны все древние языки. Вряд ли такое обилие резко несходных наречий наблюдалось во времена Гондваны. Он допускал, что в ту эпоху было от силы два-три разных языка, и то, вероятно, достаточно сходных. Это вытекало хотя бы из того, что древне-арабское наречие имело слишком много общих с гондванским корней.

«Наука наших дней пытается доказать, что в древности люди обладали одним языком. И только впоследствии, будучи географически отделенными друг от друга, потеряв друг друга, племена обрели собственные наречия».

Так рассуждал ученый.

«Как же теперь, – думал он, – встретится, заговорит он с ней, если его язык абсолютно отличен от гондванского? Ведь произношение-то ее, дикция – полузверинный клич, имеющий мало слогов, более близкий природе животного мира...»

Подражая ее гортанному акценту, он силился попасть ей в тон. И оттого, что это плохо удавалось ему, он смущался.

Но что ему оставалось делать?

Гонда стояла пред ним потупясь. Она хотела понять, пыталась вспомнить, что было с нею перед сном. Память ей изменила. Низко склонив увенчанную копной бронзовых волос голову, она медленно повернула к пещере.

Ибрагимов смотрел женщине вслед. Гондванка шла, твердо шагая ступней, будто вминая почву. Походка ее казалась более мужественной и гордой, нежели походка современных людей. Приблизившись к входу в пещеру, она опустилась на камень. Лицо гондванки бледнело, силы ее оставили. За время долгого сна организм ее ослабел.

Ибрагимов бросил в костер несколько картофелин. Затем он принес из пещеры кусок вяленого мяса, припрятанный там в каменной нише, а в глиняном сосуде, на гранях которого были изображены различные виды вымерших животных, – воды. Поставив пищу на камне, ученый набрал зрелых плодов. Стол получился довольно обильный.

Женщина, безусловно, испытывала голод. Она то и дело глотала слюну. Запах пищи разжигал ее аппетит. Знаками Ибрагимов предложил ей кушать. Она с жадностью проглотила немного воды и обсосала гроздь винограда.

Думая, что женщину смущает его присутствие, ученый ушел за скалу.

Вернувшись через некоторое время, он застал Гонду полулежащей на мшистом камне. В глубокой задумчивости смотрела она в морскую синь. Лицо, поза ее выражали тоску. Женщина не заметила его приближения. В течение нескольких минут совершенно спокойно он мог наблюдать ее.

О чем думала гондванка?

Бронзовое изваяние женщины казалось застывшим: ни одного движения, только густые ресницы время от времени опускались, и лишь в этом пока проявлялось бодрствование. Ибрагимов заметил, как сильно побледнело лицо с момента ее пробуждения. Долго дремавшие силы возродились не сразу.

Опускались сумерки. За горным хребтом солнце пряталось быстро. Одна за другой зажигались звезды. Слетала ночь. Их первая ночь. С наступлением сумерек сон охватывал девушку, все ниже и ниже клонилась ее голова. Гондванка заснула.

Ученый бережно перенес ее в пещеру. Он долго сидел в изголовьи. Черты лица Гонды он помнил так хорошо, что мог легко вызвать образ ее в своем сознании.

Наступила тьма. Ибрагимов вздул сальный светец. Колблемое порывами ветра, пламя заиграло тенями лица, оживило его... Долго сидел Ибрагимов у ложа, следя за проявлениями жизни. Поздней ночью женщина приоткрыла глаза. Даже при свете крохотной каменной лампы видно было, как жаром пылало ее лицо. Тонкие губы открывали ровные мелкие зубы, белые, как только что обнажившаяся кость и свидетельствовавшие о юности гондванки.

Гонда возбужденно взглянула на Ибрагимова. Она обратилась к нему, повторив произнесенные ею в бреду слова. Ученый поднес сосуд с водой. Она пила с такой же жадностью, как и днем. Затем съела два небольших плода. Почти тотчас же сон снова сковал ее ослабевший организм...

Тогда Ибрагимов ушел из пещеры.

Во мгле ничего не было видно. Шум прибоя явственно разносился в застывшей ночи. Крутом стрекотали неумолчно цикады, где-то в лесу перекликались ночные птицы.

Ибрагимов долго смотрел на звезды, вслушиваясь в своеобразно-жуткие звуки ночи. Усыпанный жемчугом звезд, горизонт сверкал, переливался, манил в свои дали.

И чем больше всматривался ученый в туманности млечного пути, в фантастические изгибы десятикокого Ориона, тем глубже, бездоннее казалось ему межпланетное пространство.

Он вспомнил Гондвану, затерявшуюся где-то в песках океанских пучин и так и не найденную экспедицией. При виде звездных глубин его охватывало тихое созерцательное чувство.

Долго мечтал Ибрагимов, пока не отвел наконец своего взора от звезд. Сияние их было так сильно. Они ослепили его, и в первую минуту он не мог ничего различить. А потом, когда зрение применилось к земной тьме, он увидел, что вершины восточных гор уже вырезались в мутнеющем горизонте и сквозь тающую мгlistую дымку рождался морской простор...

...Здоровье Гонды долго внушало серьезные опасения. Наряду с легко объяснимым меланхолическим состоянием проявлялись признаки определенного недомогания.

Температура неизменно и резко колебалась. Порой силы, казалось, совершенно покидали Гонду; она настолько слаба, что не в состоянии была подняться на ноги.

В эти дни женщина недвижимо покоилась на своем ложе. Лицо покрывалось испариной, румянец слабел, щеки желтели, будто под бронзоватой кожей разливалась желчь. Акт удачного оживления отнюдь не давал уверенности в полном восстановлении организма.

Ибрагимов ни на шаг не отходил от пещеры. Долгие часы просиживал он у постели Гонды, предупреждая каждое ее движение. Правда, делать это он старался незаметно, так как не знал ни нравов, ни быта древнего общества, не знал, какое впечатление могли произвести на Гонду его заботы.

Приходилось угадывать...

Каковы могли быть климатические условия в потонувшей стране?

Как влияют на воскрешенную условия Черноморья?

Какие, наконец, физиологические изменения претерпел человеческий организм в течение двадцати пяти тысяч лет?

Сотый раз смотрел он на изваяние Гонды. Именно на изваяние. Можно ли было иначе назвать классически правильные формы мыслящего существа?

– Гонда!.. – шептал он в полночи. – Гонда, выживешь ли ты?..

Тленная смерть, казалось ему, прикасалась к ее глазам. Ему мерещился ее стекленеющий взор.

Она не должна умереть! Гонда должна выжить! Гонда должна рассказать отдаленнейшему потомству о том, что было в ее время...

Дни шли.

Наступали утра и ночи. Прохладные сумерки сеяли над землей туманы.

Ибрагимов ни на шаг не отходил от ложа больной. Он припадал в минуты угасающего бытия к ее груди, таившей былую, а может быть, и будущую жизнь.

Вне времени, вне условностей жил Ибрагимов. Десятки раз в сумеречном затишьи ловил он плавные сигналы, вы-

зовы своих друзей. Исхудавший, бледный и пожелтевший, бросался он к ему одному известной тропе, чтобы объяснить коллегам, почему он не является до сих пор.

Страшная мысль о том, что Гонда может скончаться в его отсутствие, заставляла его иногда прерывать разговор и бежать обратно. Нередко он возвращался с полпути. Туда, к ней, к ее ложу!.. Ловить ее угасающий, меркнувший взор.

Впрочем, наступали мгновения, когда он брал себя в руки. Спокойный, бесстрастный, он подходил к изваянию. Безжизненная рука женщины, излучающая мертвенный холодок, опускалась как неодушевленный предмет. До боли в хрустящих пальцах нащупывал он едва ощущаемое бие-ние ее пульса. Не знал, бьется ли то ее пульс или его замирающее сердце...

Наконец, он решил обратиться за помощью к своим коллегам.

Ранним утром, когда стыла еще на придорожных крем-нях осевшая за ночь роса, спустился ученый к домику.

Его товарищи едва узнали его.

Не глядя на них, Ибрагимов рассказывал о трагедии.

– Как быть? – спрашивал Ибрагимов товарищей.

Но кто и что мог ему посоветовать?

Бывает, что, предусмотрев все, люди упускают из виду самые элементарные вещи. Последние настолько элемен-тарны, что в голову даже не приходит мысль о том, что они могут быть упущены. Так точно случилось и теперь.

Обнаружилось это очень просто.

К концу первого месяца пребывания в заповеднике Иб-рагимов почувствовал недомогание. Он стал замечать, как силы постепенно покидают его, будто тают. Тщательней-шим образом стал он следить за собой, не переставая ду-мать и о Гонде.

«Оживленная через двадцать пять тысяч лет после гибе-ли родного материка, она может погибнуть из-за того, что не учтены ничтожные обстоятельства, необходимые для ее жизни в современных условиях», – родилось однажды в его взбудораженной голове. И тут же мысль перескочила внезапно:

«Почему силы изменяют мне, молодому, бодрому и здоровому? Почему вдруг расшаталось мое здоровье?»

– Я отвык от климата юга СССР! – воскликнул он.

Климат... Вот где крылась тайна тысячелетий. Расположенная в экваториальной полосе в дни жизни Гонды родина приспособила ее к иным, по сравнению с современными, условиям.

«Из тропической полосы она переселена в лучшем случае в субтропические широты, – разгадал он. – К тому же, как могла измениться среда в течение двадцати пяти тысяч лет!»

Ученый восстановил в памяти все, что познала наука наших дней в области акклиматизации...

«Человек – высшее из млекопитающих существ. Но и его организм подвержен действию общих всему органическому миру законов».

«Люди в равной мере со всеми животными подвержены влиянию среды. Этого забывать нельзя!»

«Если бы Гонда была оживлена в условиях, весьма сходных с гондванскими, – стало понятно ему, – несомненно, ее организм приспособился бы быстрее и легче».

Гондванка же была перенесена не только в отдаленную эпоху, но и в другой климатический пояс. Медленно, постепенно изменяющиеся условия, может быть, и не так разрушительно подействовали бы на нее, как новая, совершенно иная обстановка, в которой она никогда до сих пор не жила, к которой она не привыкла и которая обладала отличными от прежней свойствами.

Черная, желтая, белая расы...

«Не случайно же это все!»

Пигмеи, карлики, обитающие в девственных лесах тропической Африки... и высокорослые народы... Чернокожие и белокожие...

Одни и те же причины действуют в наши дни, действовали и в прошлом. Приспособление к новому климату развивается постепенно. Три-четыре помещенных в иную обстановку поколения – и совершенно изменяется человечес-

кий организм. Возврат последнего к прежним условиям почти невозможен.

Под влиянием температуры, влажности, высоты суши над уровнем моря и целого ряда других причин развиваются расовые особенности. В определенных климатических условиях человеческий организм вырабатывает и определенные особенности. Химический состав крови – изменение, быть может, и незаметное с первого взгляда...

Ибрагимов вспомнил, как в ранние юные годы он путешествовал по СССР. Однажды – дело было в далекой Якутии – его поразила жадность, с которой якут поглотил огромное количество рыбьего жира. Шестилетний малыш выпил сразу около четырехсот граммов противной жидкости.

«Что было бы со мной?» – задал Ибрагимов себе вопрос.

Ответ получался простой. Жиры способствуют более энергичному выделению животной теплоты, обильно потребляемой в полярной полосе. Естественно, что якуты привыкли к потреблению пищи, совершенно не свойственной жителям южных стран.

Не было ничего удивительного в запомнившемся Ибрагимову примере. В различных широтах земного шара различны и температура и состав атмосферы – сухой в одних местах, влажной – в других, горной и низменной; наконец, разнообразен и состав почвы. Различен поэтому и химический состав произрастающих на разных почвах растений и злаков, а в зависимости от этого отличны по химическому составу своих организмов и питающиеся этой растительностью животные. Это глубокое различие распространяется на все области органического мира, охватывая собою и высший класс позвоночных – человека.

Впрочем, следовало ли Ибрагимову чрезмерно углубляться в обоснование расшифрованной им загадки, если к его услугам имелся такой неопровержимый и веский довод, как поразительное различие длины кишечника народностей, питающихся главным образом растительной пищей, от потребляющих преимущественно жиры и мясо?

«Возможно ли было упустить из виду такое существенное обстоятельство?» – воскликнул про себя Ибрагимов...

Каждая пядь земли, почти каждое растение в заповеднике являло собою представителей определенного вида наземной флоры и фауны. Вывезенные из всех частей света устроителями гондванского уголка, первоначально они подвергались изучению, выбирались из культивированных раньше сортов, из тех, о которых можно было со всею ответственностью сказать, что они акклиматизированы.

Таким размышлениям предавался ученый...

...Оживленная женщина время от времени приходила в себя. Бывали минуты, когда на ее лице загорался румянец, в сиреневатых глазах зарождалась бодрость. Она поднималась с постели и принимала немного пищи. Но вслед за этим наступала реакция. Тяжелый сон сковывал ее тело. Порой трудно было понять, спит ли она или смерть близится к ней, вырывая ее из нового для нее мира.

Ибрагимов прислушивался к ее дыханию. Ни горячего выдоха, ни медленного колебания грудной клетки. Ничто не показывало жизни.

«Может быть, летаргия?»

Он метался по заповеднику, стараясь рассеять свои сомнения.

«Неужели победа над смертью не удастся?»

Ибрагимов применял все известные ему средства, пытаясь привести Гонду в сознание. И когда удавалось ему оживить ее, он вновь вдохновлялся, вновь убеждался в глубокой, неодолимой силе знания...

А в заповеднике расцветала жизнь.

С каждой неделей бодрее становились акклиматизированные животные. Буйные раскидывали свои ветви растения. Махрово-красочными соцветиями покрывались деревья. Стоило на безоблачном небосклоне появиться дождевым тучам, как жаждущие влаги, укрывающиеся от зноя мексиканские аквилегии развертывали свои нежные пасти, страстным желанием трепетали болотистые лотосы.

Иногда Ибрагимов пускался в обход заповедника.

Глубокие пропасти, отрезавшие уголок Гондваны от внешнего мира, являлись надежным препятствием: не будучи в силах перебраться через ущелья, животные мирно пас-

лись на лужайках, обзавелись свойственными каждому из них убежищами.

Лишь изредка отмечал ученый отдельные экземпляры неприжившихся представителей и тотчас же выселял их из пределов заповедного уголка.

Шли дни, наполненные тревогами, чередуясь с долгими беспокойными ночами.

Заботы Ибрагимов не пропадали даром. Постепенно, с крайней медленностью укреплялось здоровье Гонды. Крепла уверенность в торжестве науки.

Испытания все же далеко не миновали.

Однажды Ибрагимов почувствовал неприятную слабость. Не придавая тому значения, он продолжал обычный свой образ жизни. Лишь тогда, когда силы его настолько иссякли, что он стал с трудом передвигаться, он обратил внимание на свое недомогание.

Изнуренный тревожными волнениями организм сдал. Ломота в конечностях и пояснице усилилась, свалив его вскоре в постель.

Ученый чувствовал, как быстрыми скачками поднимается его температура. Начинался озноб, ослабляющая испарина покрывала все его тело. Мутнело сознание.

«Что со мной? Я брежу?! Этого не должно быть! – старался он преодолеть заболевание. – В бреду может раскрыться для Гонды многое...»

Болезнь брала свое.

Ибрагимов не помнил, как прошла первая ночь. Ранним утром пришел он в себя. Оглянувшись на ложе Гонды, он увидел, что она обернулась к нему лицом. Ее глаза были широко открыты. В них светились тревога, смятение.

«Может быть, он в забытьи говорил на своем языке?»

То, что так тщательно скрывал он от женщины, теперь могло вопреки его воле вскрыться. Чуждое ей наречие могло не только привести Гонду в недоумение, но и заронить недоверие.

Ученый попытался встать на ноги. Он чувствовал себя так, будто кто-то его оглушил сильным ударом. В глазах

потемнело, он потерял сознание. Сколько времени длилось обморочное состояние, трудно было определить.

Звездное небо смотрелось в пещеру. Кругом разливалась тьма, светильник погас. Стояла глубокая ночь. Тишину нарушали лишь редкие вскрики ночных птиц да едва доносящиеся всплески моря.

«Что со мною? Симптомы... Чего?..»

Лихорадочное состояние продолжалось, вероятно, несколько суток, так как в памяти сохранилась туманная четверть луны, теперь исчезнувшей с горизонта. В последний его бодрый вечер она открывала четвертую фазу.

«Следовательно, я был болен минимум пять-шесть дней», – подсчитал он в уме.

Ибрагимов невольно задумался над ожидавшей обоих участью. Его затрепала тропическая лихорадка. Возбудители малярии одолели его истощенный организм. Не выработавшая противоядия кровь нуждалась в таких веществах, химический состав которых способствовал бы выделению противодействующих телец.

На другой день Ибрагимов решил спуститься в долину, где можно было рассчитывать на необходимую помощь.

То, что он увидел, когда вернулся, привело его в ужас.

Гонда лежала как мертвая...

Приоткрытые затуманившиеся глаза ее застыли, устремленные в одну точку. Руки безжизненно разметались вдоль тела, правая кисть повисла над краем постели. Посиневшее лицо исказилось в беспомощной улыбке.

– Гонда! – вскричал Ибрагимов. – Гонда!

Ответа не было. Ни одного, хотя бы самого легкого движения бровью. В строгой неподвижности замерло изваяние.

Забыв о собственной болезни, ученый бросился к женщине. Холодная кисть руки стукнулась с силой о камень.

«Что делать?»

Ибрагимов в волнении оглянулся по сторонам.

Солнечный луч пробивался неровным квадратом, скользя по известковым плитам пола, зайчиками от колышущейся в сосуде воды играл на сталактитах.

Дикое урчание огласило внезапно пещеру.

Молодой акклиматизированный шимпанзе, притаившись в углу, злобно ощерил зубы. словно не желая выпускать Ибрагимова из его обиталища, человекообразная обезьяна раскинула руки, упираясь в массивы узкого выхода. Шимпанзе алчно рассматривал людей, не выражая ни малейшего смирения перед мыслящим родичем.

Ученый шагнул навстречу.

На полулысом затылке шимпанзе поднялись дыбом волосы. Готовое к нападению животное присело на четвереньки. Ибрагимова неприятно поразило какое-то скрытое, отдаленное сходство этого зверя с гондванкой. Но он поспешил отбросить эту мысль.

Ученый поднял с земли остроконечную палку. Как только она очутилась в его руках, Ибрагимов стремительно прыгнул в сторону обнаглевшего животного. Струсивший шимпанзе опрометью бросился за ограду. Он улепетывал в чашу.

Подбежав к высокому дереву, обезьяна с минуту пугливо посматривала на противника, затем торопливо вскочила на ствол и с изумительной быстротой вскарабкалась к самой вершине пальмы.

Это происшествие заставило Ибрагимова принять меры против возможного в его отсутствие нападения шимпанзе на пещеру.

Мало ли что могло натворить озлобленное животное!..

Заложив вход в пещеру песчаниковыми плитами и оставив лишь небольшое отверстие для притока свежего воздуха, он снова отправился в долину.

Встревоженные продолжительным отсутствием ученого, коллеги встретили его с неподдельной радостью. Они оказали ему нужную помощь, затем группой в пять человек направились в заповедник.

Узенькая тропинка, шириною не больше полуметра, лепилась над пропастями. Приходилось карабкаться, хвататься за ветви деревьев, чтобы не сорваться со скал. Неведомо какими судьбами внесенный сюда морской гравий скользил под ногами, ссыпался в ущелья. Щелкающие звуки

падающих в расщелины камней долетали через такие длинные промежутки, что у людей захватывало дух – так глубоко сбегали темные бездны. Временами тропинка скрывалась в зарослях можжевельника. Колючий кустарник впивался в одежды, царапал в кровь руки и ноги. Никто, однако, не замечал этого – слишком экзотично было все вокруг.

– Взгляните, что там! – вскричал физиолог.

– Где?

– Там.

Он указал на лужайку. Под корнями прижавшихся сикомор скрывалась группа шакалов.

Акации, кактусы, папоротники сменялись тропическими растениями. Бананы, масличные, тутовые деревья лепились среди обомшевших камней. В фиолетовых далях угрюмо покоились мрачные, словно обуглившиеся, покрытые растрескавшейся древней лавой скалы. Одурающие запахи шиповника и маслин тянули с долин, насыщая волны и без того пьянящего пряного воздуха...

В тот же день у ложа Гонды состоялся консилиум.

– Налицо признаки несомненного влияния резкой перемены климата! – констатировали врачи. – Ее организм оказался не в состоянии приспособиться к новым условиям.

Они взяли у Гонды небольшую ампулу крови.

– Химический состав ее подскажет нам пути излечения.

Вопрос был ясен. Состав крови у разных народов различен. В соответствии с условиями среды организмы разных племен вырабатывают присущие им свойства. При сравнении белков крови, предположим, европейца и австралийца отмечается совершенно неодинаковое строение каждой мельчайшей частицы ее.

– Перенесенная в иную по сравнению с гондванской природную обстановку, Гонда не приспособилась к ней. В состав ее крови следовало ввести соединения, которые позволят ей преодолеть вредные климатические влияния! – заключил физиолог.

Консилиум удалился, констатировав глубокое летаргическое состояние.

– Возвратить Гонду к жизни может только вливание небольшого количества родственной ей крови...

– Итак, она жива! – обрадовался Ибрагимов.

Целыми днями просиживал он в пещере, стараясь без крайней нужды не покидать ее. А с вечерней зарей, когда рассыпалась в блеклом небе золотистая пыль, когда замирала дневная жизнь, он отправлялся к морю. Погруженный в мечтания, Ибрагимов просиживал допоздна на берегу, вслушиваясь в бурные всплески грохочущих волн.

Картины далекого прошлого всплывали перед ним. Он старался представить себе природную обстановку затонувшей Гондваны. Он мысленно уносился к тем временам, когда на островах-осколках погрузившегося в пучину Индийского океана материка расцветала культура погребенной родины Гонды.

«Сумели ли воссоздать мы в заповеднике близкие гондванским условия? Какой была природа в ее времена? Вряд ли тогда границы расселения человеческого рода – эйкумены – были так же обширны, как в наши дни», – думал он.

И сам себе отвечал, что значительно уже был захваченный человеком пояс земного шара, ибо организм древних ближе стоял к организму своих прародителей – человекообразных обезьян, рожденных и существующих лишь в жарких странах.

По ассоциации с фотографической точностью восстановилась разыгравшаяся у него с шимпанзе сценка. Опять нахлынуло неприятное сопоставление тела гондванки с телом животного.

Он решил подвергнуть анализу это впечатление.

«По сравнению с современным человеком у Гонды более густая шевелюра, бронзоватый оттенок волос... немного напоминающий цвет обезьяньей шерсти. Несколько удлиненные конечности, отдаленное сходство в построении черепов...»

Да, еще... немалое сходство по количеству зубов...

А ее кусковые ощущения?..

Разве не с жадной поспешностью схватила она в первый день своей бодрости зрелые плоды, отбросив и совершенно не прикоснувшись к кускам вяленого мяса?

Вероятно, древнейший человек по-обезьяньи предпочитал растительную пищу всякой другой...

Таким образом, Ибрагимов близился к выводу, что между ним, современным человеком, и человекообразной обезьяной стояло переходное мыслящее существо, то есть древнейший человек...

«То есть Гонда?..»

«В известной степени, пожалуй, и так!» — ответил он сам себе.

Порыв предраассветного ветра зашелестел ветвями мимоз. С моря повеяли смолистые запахи. Небо серело. Темно-молочная мгла сочилась с запада. Знойная ночь кончалась.

Утомленный дневными переживаниями, Ибрагимов свалился на свою примитивную постель. Глубокий сон тотчас же сковал его...

На следующий день явился прежний состав консилиума.

— Произведенный нами анализ, — объявил физиолог, — показал большое различие в составе крови современного европейца и Гонды. Родство с кровью современных людей, даже самых диких, отмечается меньшее, нежели с кровью человекообразных обезьян.

— Значит, кровь шимпанзе, чуждая нам, ей роднее?

— Кровь Гонды являет собою переходный этап от крови человекообразной обезьяны к крови современного человека.

— Может быть, следовало бы тщательнее исследовать кровь чернокожих? — спросил Ибрагимов.

— Представьте, химический состав крови гондванцев более близок к обезьяньей. Мы не усмотрели возможности допустить к вливанию кровь чернокожих, так как ее отличие от крови представителей белой расы меньше, чем от гондванской.

Предстояло принять ответственный ответственный решение.

Наука еще не знала случая, чтобы человеку удачно произвели переливание крови, взятой от человекообразной

обезьяны. Такие опыты оканчивались обычно смертью подвергнувшегося эксперименту.

Обратное же явление наблюдалось неоднократно: человекообразные обезьяны выживали после вливания в их организм крови современного человека.

– Решение зависит от вас, – закончил физиолог свои соображения, направленные в защиту опыта...

– Без переливания крови женщина все равно не выживет; слишком ослабел ее организм. К спасению ее надо принять абсолютно все меры.

– Решайтесь! Все равно иного выхода нет! – уговаривали Ибрагимова со всех сторон.

Если бы Ибрагимов мог ради восстановления здоровья Гонды пожертвовать собственной жизнью, он ни одной минуты не колебался бы. Всю свою кровь, до самой последней капли, он отдал бы ей, вырывая ее из объятий смерти.

Но не самопожертвование требовалось от него. Ему предстояло решить участь Гонды, спасенной им, извлеченной им из глубочайших пучин Индийского океана, оживленной и теперь, может быть, обреченной.

«А что если смерть и в том, и в другом случае!» – терзался ученый.

Им начинало овладевать безразличие. Он поглощал недопустимо большие дозы возбуждающих пилюль...

Физиолог предложил ассистенту:

– Подготовьте операционную!..

Через час тело Гонды находилось уже в долине, в камере переливания крови.

Поразительные этапы проходит каждая отрасль знания. Было время, когда прогрессивные деятели науки усматривали спасение в извлечении из организмов тяжело больных солидных доз крови. И вот теперь, в двадцатом столетии, путем вливания свежей крови, взятой от здоровых индивидов, излечивали людей, над которыми была уже занесена коса беспощадной смерти...

...Операция завершилась удачно.

Возвращенная в заповедник, Гонда имела теперь иной вид. Лицо ее играло жизненными тенями. Правда, она еще

не очнулась. Но Ибрагимов знал, что она усыплена с целью вернуть ей сознание в пещере.

Утром он проснулся позднее гондванки. Он взглянул из пещеры и увидел ее сидящей на том месте, где накануне горел костер. Она копалась в золе, откапывая запекшиеся картофелины и с большим любопытством рассматривая их. Судя по количеству неубранной им с вечера пищи, гондванка и теперь не прикасалась к ней. Но фрукты и виноград пришлось ей по вкусу – запас их несколько поубавился. Сосуд с водой стоял на другом месте и был опорожнен почти до дна.

Ибрагимов кашлянул. Она тотчас же обернулась, глаза их встретились. Вновь Ибрагимов в смущении улыбнулся. Гондванка поспешно отошла в сторону. Однако ученый успел рассмотреть, что цвет ее лица стал значительно свежее и вся она по сравнению с предыдущим днем казалась бодрее.

Не прошло и двух-трех секунд, как девушка поднялась с земли и двинулась к нему навстречу. Она произнесла несколько слов, опять таких же непонятных, и, подойдя к Ибрагимову, указала рукой на пищу, словно приглашая его приступить к завтраку.

Он беспрекословно повиновался ей. Еще много недель тому назад решил Ибрагимов подчиняться на первых порах всем ее желаниям. Таким образом, думал он, гондванка гораздо быстрее привыкнет к нему и освоится с окружающей обстановкой. Теперь они поменялись ролями: уже не он за ней, а она наблюдала за ним.

Когда Ибрагимов поднялся из-за стола и с благодарностью поклонился, Гонда вышла из пещеры. Ученый последовал за ней. Она еще раз попыталась заговорить с мужчиной. Показывая рукой на его лицо, удлиненную голову, бронзовый загар тела, девушка вопросительно смотрела на него. Затем она поднесла палец к своему языку, к его рту и что-то зашептала губами. Ибрагимов понял: гондванка недоумевала, как это он, гондванец, говоря на чужом языке, не знает отечественного наречия? Не было никакого сомнения в том, что она принимала его за соплеменника.

Ибрагимов прошел в пещеру. Там среди бронзовых орудий находилось несколько предусмотрительно приготовленных аспидных дощечек и кусочков мела. Он принес их к пепелищу костра, уселся и начал старательно выводить иероглифы. Гондванскую письменность к этому времени он изучил уже настолько, что мог начертать все, что было под силу при довольно ограниченном словаре. Затрудняясь поэтому в письменной передаче некоторых понятий, ученый решил применить свои познания в области древнеегипетского наречия.

«Если действительно гондванцы соприкасались с египтянами, вряд ли Гонда не знала их языка. Это совсем было непохоже на великого историка, удостоенного бальзамирования!» – думал он про себя.

Ибрагимов не мог не заметить любопытства девушки. Аспидная доска, мел совсем не вызывали ее удивления. С невероятным волнением Гонда следила за каждым знаком, которые он наносил на дощечки. Девушка понимала или догадывалась, что он хотел написать. Затрудняясь в расшифровке одних начертаний, она в то же время торопила его в других местах.

Наконец Ибрагимов протянул ей испещренные записями дощечки. Гонда почти вырвала их из его рук; она стояла перед ним теперь напряженная и поглощенная чтением иероглифов.

Вот что написал Ибрагимов:

«Мне было одиннадцать лет, когда меня захватили с собой предавшие город разрушению воины. Они увели меня в свои земли, и вот уже двадцать три раза я наблюдаю весеннее равноденствие. Черные меня не тронули. По приказу вождя они поселили меня на этой горе, запретив покидать ее. Да и глубокие пропасти не позволили бы мне уйти отсюда. Черные кормят, содержат меня, а я за это исполняю обязанности их секретаря, и они вызывают меня по мере надобности... Мой отец, имени которого я не помню, был великим ученым мужем. По его требованию я изучил письменность. Но язык свой давно уже забыл потому, что ни с кем за время пленения я не перебросился ни од-

ним словом. Я надеюсь, что ты воскресишь его в моей памяти».

Все это было написано на трех дощечках. Две остальные были посвящены Гонде. Больше всего волновало ученого их содержание, ибо он не знал, какое впечатление могли они произвести на нее.

Ибрагимов старался не пропустить ни одной морщины на ее лице: слишком боялся он за результаты своего откровения. И когда Гонда, прочитав первые три скрижали, приступила к расшифровке двух остальных, он замер вместе с ней, вновь перечитывая написанное.

«...Тебя принесли сюда несколько дней тому назад. Вероятно, тебя захватили тоже во время войны. Когда тебя сюда принесли, ты показалась мне бездыханной. После двух суток сна ты очнулась. Черные про тебя говорили, будто ты славишься своей ученостью и что они полонили тебя во время твоей болезни... Ты будто страдаешь поражением памяти!..»

Прочитав дощечки, Гонда бессильно опустила руки. Неужели действительно память изменила ей?

Да, взгляд ее блуждал рассеянno по сторонам, растерянный вид говорил о том, что она никак не может собраться с мыслями. Пробудившаяся природа доисторического человека не могла взять верх над тем, что она представляла собою в данный момент. Девушка чувствовала инстинктом, что то, что она видела, слышала, осязала вокруг себя, было неизвестно ей раньше, ново для нее. Словно бы только с этой минуты для нее начиналась жизнь.

Некоторое время она была как бы в забытьи, затем наконец очнулась. А когда пришла в себя и увидела Ибрагимова, он показался ей ближе всего на свете, потому что первые ее впечатления по пробуждении были связаны с ним: в его лице гондванка видела человека, на которого она могла положиться, который ее поддерживал в первый момент и, безусловно, поддержит и впредь.

В ее голове возник уже целый ряд представлений, которые она могла считать по сравнению с незаполненными страницами других жизненных ощущений уже известными.

ми ей. Взять хотя бы ту же мегалистическую пещеру, обстановку, лес...»

Некоторые предметы будоражили ее нетронутую память: где-то под спудом новых переживаний таились когда-то испытанные, но выдохшиеся ощущения.

Почему больше всего тревожит ее вид моря? Почему знакомым представляется оно ей? Почему земляничное дерево, махровые серебристо-полынные папоротники кажутся ей знакомыми, виденными, а вот впечатление от густолистого ясеня или пахучих мимоз кажется чуждым?

Раздвоенность захватила Гонду с первых шагов в заповеднике.

Ибрагимов понял ее состояние. Он прикоснулся к ее руке, невольно вздрогнув, так как это было первое прикосновение к пробудившейся гондванке. Он помог девушке дойти до ее ложа.

Напрягая всю волю, она пыталась ответить себе на вопрос: почему же в одних предметах она инстинктом находит элементы чего-то родственного! Почему же эти начала отсутствуют во всем остальном?

Под вечер, после завтрака, они собирали фрукты. Девушку поражало все, что встречала она в заповеднике. Однако это надолго не останавливало ее внимания, так как она узнала, что место, в котором она находится, далеко отстоит от ее родины; поэтому было вполне естественным резкое отличие природных условий, подмечавшееся ею на каждом шагу. Утомившись, Гонда расположилась на ступенькообразном выступе скалы. Вдали открывался пустынный морской простор. Едва заметными веерами кружились над водой бакланы да стаи дельфинов играли на солнце. Со скалы невозможно было определить ни их размеров, ни формы...

Женщина тоскливо смотрела на синюю дымку горизонта, на вырезающийся в небе бледный серп луны. Глаза ее говорили о той упорной работе, которую совершал в это время ее мозг. Страстное желание что-то припомнить, что-то разгадать, усвоить сквозило в ее опечаленном зоре. Впрочем, такие попытки были бесполезными: центр, управляю-

щий памятью, был ослаблен поражающей дозой неотоксина.

Совершавшему операцию Ибрагимову было и жаль девушку и вместе с тем он был рад, видя, как пунктуально, точно подтверждались расчеты ученых на неотоксин, примененный ими к человеку в виде первого опыта. Ибрагимов всматривался в морскую даль. Опасения за случайное появление современного катера или парохода вселяли в него тревогу.

Хотя километров на пятнадцать от берега «Атоса» морские воды считались запретной зоной, мало ли какие бывают случайности? Ученый стремился увести Гонду отсюда как можно скорее, но она не хотела расставаться с мечтательностью и по-прежнему любовалась морем.

Наконец она поднялась. Вопреки его ожиданию, она не пошла к пещере. Девушка подошла к красовавшейся невдалеке канарской сосне и, встав в тени ее кроны, вновь погружилась в созерцание. Она прижалась к стволу и обняла его, видя в знакомой кроне родное. С увлажненных глаз сорвалась одинокая слеза и застыла на смуглой щеке. И вдруг далеко-далеко, где сливается голубовато-белесый горизонт с ярко-синей кромкой воды, под изодранными перистыми облаками всплыл сизый дымок парохода. Он распластался туманной лентой над водной поверхностью и с каждой минутой становился яснее и гуще. Встревоженный Ибрагимов дальше не мог терпеть. На захваченной аспидной дощечке ученый поспешно вычертил несколько фраз:

«Мы оставили пищу неубранной. Могут набежать звери, налететь птицы и растащить ее. Надо торопиться!..»

Последней фразы она не поняла; на лице ее запечатлелась вопросительная улыбка. Ибрагимов жестами стал объяснять ей, чего не мог передать в письменной форме. Наконец они торопливо направились к жилищу. Ибрагимов был удивлен не менее спутницы, когда они в действительности отметили невероятные опустошения. Десятки птиц с тревожным криком взвились над пещерой. В ущелье скользнула рыжая тень. На каменных плитах остались следы зверей. Длинной строчкой тянулись они за скалы.

Уже вечерело. Противно кричали шакалы... Это они отпечатали мелкие мокрые пятерки. В бешенстве Ибрагимов бросился по их следам. Гонда последовала за ним. Она увидела, как ученый схватил несколько бронзовых орудий и как потом он с ожесточением пустил их в удирающих животных. Из ее груди вырвался крик сожаления. Ученый понял свою опрометчивость: он не должен был метать в вороватых карликов бронзовые орудия. У древних ценились они на вес человеческой жизни. Своим поступком демонстрировал он полную их бесценность... для современного нам человека...

Дни протекали, похожие друг на друга, загруженные заботами и занятиями. Они обучали друг друга каждый своему языку. Вскоре у каждого образовался довольно солидный словарь. Ибрагимову плохо удавался гортанный гондванский акцент, а выговор современный – Гонде. Ежедневно под видом охоты известной ему одному тропой ученый спускался в долину. Там он встречался с коллегами с «Фантазера», докладывал о своих достижениях, передавал переписку на аспидных досках. И по мере того, как он приобретал от гондванки знание древнего языка, остальные ученые имели возможность также изучить их, тем более, что спрятанные диктофоны, фонографы и патефоны с исключительной чистотой записывали произношение, интонацию, передавали своеобразный гортанный призыв.

Возвращаясь с добычей, Ибрагимов обычно приносил с собою и предметы современного производства. Знакомство Гонды с позднейшей культурой росло, ширилось ее представление о племени, во власти которого находилась она теперь. Все чаще и чаще просилась она на охоту. Ученый всегда отклонял ее просьбы.

Обычай полонившего их народа, – говорил он, – не допускал чужеземных женщин показываться на виду туземных жилищ...

Нередко Ибрагимов заставлял Гонду в слезах. Ее тоска волновала его. Он хотел бы смягчить ее горе, но чем мог он ей помочь?

Сквозь кофейный загар ее тела проглядывал яркий румянец. Девушка расцветала. Женственность гондванки превосходила все, что встречалось когда-либо в жизни ученому. Грациозность, мечтательность, янтарный блеск глаз... Точенные формы ее фигуры, густые пряди, бронзоватость волос приводили его в восхищение.

Гонда оживлялась, впитывала жадно, как влагу, всякое неизвестное ей доселе явление, каждый новый предмет. И все-таки вспышки восторга сменялись нередко часами непоборимой тоски человека, не знающего, чего не хватает ему в жизни... Древние люди были гораздо жизнеупорнее и сильнее, нежели человек, который был с нею.

Захваченный с головой своей ролью, Ибрагимов однажды подметил в поведении девушки новые черточки. Она становилась более внимательной к нему.

Ее заботливость была непохожа на обычное внимание женщины, привыкшей видеть в мужчине опору. Иначе почему бы с такой тревогой старалась она разгадать волновавшие его мысли, когда лицо его омрачалось. Чувство привязанности к нему заменялось чем-то другим, несдержанным и пылким, что захватывало порой и его самого. Ибрагимов однажды поймал себя на мысли, до сих пор не проскользавшей так ярко.

Он сидел за холмом, близ горного озера, в котором купалась Гонда. Она расположилась невдалеке от него. Густой кустарник отделял их сплошной стеной друг от друга. Ибрагимов слышал, как плескалась она в воде шумно и резво. Затем опустилась тишина. Он долго ждал девушку. Она задержалась. Допуская возможность неприятной случайности, Ибрагимов прошел кустарник...

Он увидел обнаженную девушку лежащей на песчаной отмели. Ее тело раскинулось в него под солнечными лучами, молодое и крепкое... Ибрагимов застыл в изумлении. Она заметила его появление, но продолжала нежиться, томно потягиваясь. Это было сверх сил Ибрагимова. Он бросился к ней...

Гонда, смеясь, быстро накинула на себя тунику. Опомнившись, смущенный, он встал перед нею, она взглянула

на него. Ее глаза излучали влекущий и властный свет. Ибрагимов поник и, растерянный, отошел.

Девушка вскоре догнала его. От нее веяло юной свежестью. В эту минуту она была особенно привлекательна.

С этой минуты Ибрагимов понял, что полюбил Гонду. Он понимал, к чему могли привести в дальнейшем их отношения, и... оправдывал свое чувство:

«Что ж, если Гонда станет матерью, ей будет гораздо легче перенести свое одиночество среди современных людей! А ведь то, что она в ближайшем узнает о прошлом, это было совершенно неизбежным. Так пусть материнство поможет ей перенести предстоящее откровение!..»

Ибрагимов понял, что не ради одного акта исцеления всю сумму знаний своих и воли уделял он останкам древнейшей из мумий. Он хотел из уст ее познать историю погибшего государства, страны, затонувшей в мрачных пучинах Индийского океана.

Если раньше он ограничивался одной идеей ее оживления, отныне другие желания пробуждались в нем.

В минуты таких размышлений он переступал границы «Атоса». Культурный быт современных народов возвращал его к действительности, отрезвлял. Ученый осознавал неизмеримую пропасть эпох, отделявшую его от гондванки.

Однажды ученый медленно брел по гладкому бетонированному шоссе. От заповедника оно отстояло в нескольких километрах. Сентябрьский месяц едва нарезался блеклым серпом. Сизый налет росы пепелился на листьях растений. Из леса лениво струилось полымя остывающих скал.

Тишина... Нерушимая, длительная, напоминающая злое онемение морских глубин. Больше всего именно этим отличалась подводная жизнь от наземной. Смутные очертания придонных руин вырисовывались в воображении Ибрагимова. Циркообразные гряды придонных хребтов, пологие долины левандийских ущелий, мрачные своды вскрытого подземелья...

Погруженный в раздумье, ученый не замечал ни времени, ни пройденного пути. Он шел и шел, устремляясь впе-

ред, ускоряя шаги, будто спешил куда-то. Неясные образы новых идей рождались в нем.

Вдруг камень сорвался с кручи и полетел, увлекая другие, в пропасть.

«Как, однако, далеко я забрел!» – опомнился Ибрагимов.

Он обернулся к юго-востоку. Вдали, у подошвы горы, сотнями огоньков искрилось прибрежное селение. Золотые точки вспыхивали и угасали, гирляндами ниспадали с вершин, сияли, сверкали, прятались. Будто униженные светлячками деревья, колыхались они, отливая оранжево-пурпурными пятнами. Словно светящиеся цикады, кружились в воздухе авиэтки, скользили по волнам катера.

Здесь по-иному текла жизнь...

Суровые мшистые скалы отделяли «Атос» от внешнего мира. Звуки селений не доносились туда. Тонули в недрах придушенные гудки черноморской электрической железной дороги, проложенной там, где сто лет назад редкий пастих отваживался пробираться по кручинам.

Первобытное бытие изолированного заповедника – и рядом бурная механизированная культура... Скрытая от Гонды действительность...

Уже не раз порывался Ибрагимов открыться «женщине прошлого», сбросить завесу нелепой мистификации. Его останавливало лишь опасение, как примет она признание. Не потрясет ли оно гондванки, ее пробуждающегося сознания?..

Высоко летел ярко освещенный дирижабль. Стремительный, как метеор, он напоминал своими очертаниями древнего дракона.

Крылатый дракон!

Существовали ли эти летающие змеи-горынычи, о которых предания докатились до наших дней?

В третичную эру нашу планету населял не современный нам мир животных. Еще наши прародители, люди «утренней зари человечества», сталкивались с чудовищами, вымершими в незапамятные времена.

«Мастодонт, мамонт, пещерный медведь, сибирский носорог», – перечислял ученый в уме представителей доисторического животного мира.

– Археоптерикс! – воскликнул он вдруг. – Маленькое летающее существо, зверь-птица...

А дракон – летающее пресмыкающееся... Разве не мог существовать и такой вид животных, хотя бы по формам и далекий от лубочных изображений? Возможно, дракон существовал в такие отдаленные от нашей эпохи времена, что до сих пор еще не обнаружены его останки. Страх перед ним был велик. Даже потомки, отстоящие на тысячи поколений от своих прародителей, сохранили свой трепет перед легендой.

Эти мысли привели Ибрагимова к другим. Впервые он подумал о том, как нереально воссоздана в заповеднике первобытная обстановка. Есть ли хоть малейшее сходство с суровым бытом хотя бы тропических дебрей? Знакомы ли были древние с идиллией беззаботного существования?

«Условия нашей жизни походят на райское бытие Адама и Евы», – невольно подумал ученый.

Акклиматизированные травоядные, отсутствие хищников... Мирное сожительство разнообразных видов современной экваториальной фауны.

«Флора! – остановился Ибрагимов в смущении. – Таких расчищенных уголков не знают джунгли!..»

Повсюду, на предгорьях и в равнинах, вечная война... Тропический лес сумрачен, густ, непроходим. Несчетные виды кустарниковых, высокоствольных и низкорослых перевиты, переплетены ползучими. Сквозь многоярусные древесные своды не видно солнца. Всегда полумрак, и почва гола, без трав, без цветов. Лишь догнивают на редких мхах рухнувшие гиганты.

Там каждая пядь земли – в крови, там борется дерево с деревом, зверь со зверем. На трупах одних пышно цветут другие. Ни пения пернатых, ни клича зверей – на каждый звук немедленно явится хищник.

А в «Атосе»? Мирная, полная радостей жизнь... Разве не бросилось Гонде это в глаза?

Зато усилиями опытнейших ученых здесь были представлены почти все виды доисторических существ.

Утробное развитие зародыша бросает достаточно яркий свет на тайны происхождения человека от других животных...

И к XXI веку наука открыла способы искусственного выращивания любой стадии зародыша до степени взрослых существ.

В «Атосе» развернутой оказалась теория эволюции. Живая последовательность человекоподобных видов на разных ступенях развития... Широконосые, плоскоскулые, сгорбленные, длиннорукие...

Рассуждения заводили Ибрагимова в тупик противоречий. Ясным ему становилось только одно: надо как можно скорей приобщить Гонду к культуре эпохи...

С этим решением возвращался ученый в заповедник...

В тот же вечер они сидели вдвоем у моря. В этот раз они опустили почти к самому берегу.

Волны тихо плескались метрах в ста от них, омывая золотистые в лучах вечерней зари пески. Вдвоем они любовались закатом, который был виден отсюда. Они сидели молчаливые и мечтательные. Запах водорослей и лесов наполнял влажный воздух. Вечер был на редкость спокойный и величавый. Станным казалось только одно: глухие раскаты отдаленного грома, не свойственного такой погоде.

Ибрагимов с восторгом смотрел на классический профиль Гонды. Он решил про себя, что в этот час он откроется девушке.

Гонда была чем-то взволнована. Она тревожно следила за проявлением непонятного беспокойства в животном мире.

Над сушей и морем с криком метались птицы, которым пора было скрываться на ночь по гнездам. Они в диком смятении бесцельно шарахались в разные стороны.

Вдруг Ибрагимов, оглянувшись, заметил, как из вершины находившейся километрах в десяти от них горы выбросился к небу громадный столб черного дыма. Густые клубы

его смешались с нарождающейся алой полоской зари, расплывались жирными пятнами по горизонту, приняв очертания колоссального гриба. Черное облако быстро росло, наполняемое новыми завесами дыма. Птицы мгновенно, как по команде, метнулись за море, поспешно скрываясь в туманной дали. Начиало быстро темнеть.

Гонда, широко раскрыв глаза, смотрела вслед удаляющимся птичьим стаям. Она заметила внезапное наступление сумерек, но не видала еще вулкана.

Облако разразилось разрядами молнии и одновременно раскатами грома. Вдруг хребет содрогнулся под невероятным подземным ударом. С треском и грохотом извергла ожившая гора массивные глыбы и тучи грязи. Над нею запылал огненный вихрь, смерчем врезавшийся в небо. Удар налетел за ударом.

Гонда уже видела все.

Тесно прижавшись к ученому, девушка билась в жестокой лихорадке. Лицо ее исказилось ужасом, и руки судорожно обвилились вокруг его шеи. Она пыталась что-то сказать, губы ее открывались беззвучно и судорожно. Непроизнесенные звуки перехватывались спазмами в горле.

Падал горячий пепельный дождь, смешавшийся с настоящим, крепнущим и мутнеющим.

Земля содрогалась. Громадные складки гор срывались, падая с шумом в ущелья. Очертания скал менялись на их глазах, и пыль от обвалов казалась нарождающимися вулканами. А огненный смерч с шумом и свистом впивался все выше в черные тучи, разрезал их на части и изрыгал новые массы расплавленных горных пород.

Едкий сернистый залах разливался над окрестностями, погружая их в смрад.

Земля содрогалась непрерывно. От ее волнообразных колебаний рушились массивы, разверзались расщелины, валились деревья...

Вскоре из недр вулкана выплеснулся огромный кроваво-мутный поток, устремившийся в низменность по его склонам. Он заливал лес, мгновенно испепеляя его, и с ревом неся вниз, все поглощая на пути.

Вдруг под страшным подземным ударом разломилась вторая гора, запыхавшая и обрушившаяся. Морские воды отхлынули далеко в глубины, будто изгнанные от берегов, и через несколько мгновений с адским ревом, заглушающим и громовые раскаты, и гул земли, высокой стальной стеной они устремились к берегам...

Гонда в ужасе сорвалась с места и, не оглядываясь, бросилась в гору. Ибрагимов пустился за ней. Они бежали к востоку, туда, где не бушевала стихия. Раскаленный каменный дождь рассыпался вокруг беглецов. Шарообразные молнии грохотали при столкновении. Ледяной дождь окатывал их с головы до ног.

Они бежали. За их спинами раздавалось безумное разрушение морских волн, выбросившихся многосажженной толщей на берег...

...Наконец Ибрагимов заметил, что катастрофа слабеет. Еще несколько затихающих грохотов. И как неожиданно взбушевалась стихия, так же внезапно она замерла.

Ибрагимов с удивлением заметил, что они находятся недалеко от пещеры. Правда, трудно было узнать в этом растерзанном лесу заповедник «Атос». Там, где стлались до этого дня равнины, зияли теперь глубокие пропасти либо сгрудились осколки скал. Повергнутые наземь деревья почти оголили лес...

Гонда, бледная больше, чем на смертном одре, скрывалась от падающих с неба камней... Вид ее был совершенно невменяем. Ибрагимов почти насильно увлек ее в их жилище.

Пещера сильно осела, составлявшие ее глыбы покривились, многие потрескались. Но сейчас она являлась единственным местом, где можно было укрыться от бушевавшей стихии.

Ученый уложил девушку, укрыв имевшимися у него шкурами животных. Почти тотчас же она потеряла сознание.

Часа через два Гонда очнулась. Была темная, беззвездная ночь. Холодный проливной дождь, грязный от примеси громадного количества песка и пепла, все еще лил. Море неистовствовало. Рев его доносился даже сюда.

Женщина взглянула в черный квадрат выхода, окинула успокоенным взглядом едва освещенные колеблющимся пламенем светца стены и позвала жестом Ибрагимова.

Он подошел к ней. Она отодвинулась немного на ложе, позволив ему присесть. В ее глазах он прочитал выражение осознавшего и примирившегося со своим положением человека. Ибрагимов робко ей улыбнулся. Гонда с жаром припала к его руке своими губами. Ибрагимов слегка отшатнулся, потом бросился к ней, и они слились в поцелуе...

Когда порыв первой страсти прошел, Гонда, пристально глядя в глаза мужа, сказала:

— А знаешь, я вспомнила родину! Такая же ужасная катастрофа, как и тогда в Западной Гондване, назревает здесь.

Ибрагимов отвернулся, словно желая поправить светец:

— Я в раннем детстве покинул родину и жил все время изолированно... Я не соприкасался с людьми и поэтому почти ничего не знаю о Гондване. Я только вскользь слышал об ужасах поглощения океаном ее западной части. Но истории нашей родины я совершенно не знаю, как не знаю и части света, где Гондвана находится... Расскажи мне об этом!.. Может быть, мы вскоре туда убежим из этого плена...

Гонда с любовью припала к его плечу.

В ту ночь многое она рассказала ему.

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ НАШИХ ДНЕЙ

Очерк проф. П. Обросова и Т. Серовой

Астрономия нас учит, что некогда наш земной шар находился в огненно-жидком состоянии, в каком находятся сейчас солнце и другие планеты. В течение первых, измеряемых миллионами лет периодов своей жизни земной шар не мог быть обитаем. Его поверхность была первоначально окутана атмосферой раскаленных паров. Лишь постепенно, благодаря окружающему земной шар холодному мировому пространству, температура его стала снижаться. Он стал остывать, образовавшаяся кора сморщивалась подобно печеному яблоку, образовались впадины, возвышенности, внутри осталась неостывшая жидкая, расплавленная масса. Окружающие пары стали сгущаться и оседать на земную поверхность.

Появилась вода, которая заполнила впадины, образовались моря температура понизилась, и установился нынешний естественный круговорот воды. Она стала испаряться в области морей и падать живительным дождем на землю.

В течение еще долгих периодов температура и климат земли оставались иными, чем в настоящее время, т. е. были более высокая температура и влажный климат.

Лишь когда наступило охлаждение земной коры и температура понизилась до пределов, переносимых живыми существами, могла появиться жизнь на земле.

Как совершалось это превращение мертвого вещества в живое, откуда взялись первые живые существа и какие они были – вот вопросы, которые разрешались в различные времена различно, в зависимости от наших знаний.

Отец современного естествознания, греческий философ Аристотель, допускал самозарождение организмов в очень

широкой степени. Он считал, что путем самозарождения возникают многие насекомые, моллюски.

В средние века, когда наука находилась во власти церкви, влачила жалкое существование, ютилась по монастырям, когда занимались диспутами, сколько чертей может уместиться на острие иглы, и строго карали за изучение анатомии на трупе, – многие ученые были убеждены, что лягушки рождаются из болотного ила.

Еще в двенадцатом веке голландский врач Ван-Гельмонт дает подробные указания, как из муки производить живых мышей. Парацельс учит, как в тыкве получить «гомункулуса» (маленького человечка), а Кирхер изображает животных, развившихся из упавших в воду веток деревьев. Мало-помалу, однако, круг животных, которые появляются путем самозарождения, стал суживаться. В этом немалую роль сыграл открытый между 1590 г. и 1600 г. голландцами Гансом и Захарием Янсенами микроскоп.

Опытами Пастера (1822–1895) теория самозарождения микроорганизмов была окончательно сломлена. Он доказал, что и самые мельчайшие, невидимые невооруженным глазом организмы происходят не сами собой, не из мертвой материи, а из зародышей, получивших начало от им подобных.

«Все живое происходит от живого» – этот закон для современной эпохи мы должны признать безусловным.

Некоторые ученые, как, например, знаменитый Гельмгольц и Вильям Томсон, пытались создать теорию космоизма. Об этой теории упоминает автор романа: «Ведь если так, – говорит он, – то вопрос о зарождении жизни на земле мог представляться и под углом занесения ее мельчайшими организмами, отброшенными на нашу планету с других планет...»

Первым высказал эту теорию Рихтер. Падающие на нашу землю, когда она еще не была населена, метеориты перенесли зародыши простейших живых существ, космозои, с других небесных тел, на которых уже была жизнь. Что метеориты могут содержать зародыши, способные к жизни,

можно себе представить, хотя это с точностью наукой не доказано.

Зачатки простейших отличаются большой живучестью и выносливостью. Возможно, что они могут перенести холод мирового пространства, который, вероятно, равен абсолютному нулю, т. е. минус двумстам семидесяти трем градусам, и быстрое сильное нагревание, которое происходит от трения при прохождении метеоритом через атмосферу земли. Ведь часто внутри метеоритов находили следы угля, который не сгорал при падении. Очевидно, метеорит раскалялся добела, когда проходил через атмосферу земли, лишь с поверхности, а внутри сохранял холод мирового пространства.

Но расчеты, основанные на определении скорости падения метеорита, показали, что метеориту нужно было бы приблизительно шестьдесят миллионов лет, чтобы прибыть к нам с ближайшей звездной системы, и сто пятьдесят лет, чтобы перенестись с ближайшей планеты. Поэтому очень трудно представить себе, чтобы жизнь могла продержаться такой долгий срок.

Но теория космоизма не лишена поэзии. «Жизнь не имеет начала. Она вечна и непрерывна, как материя», — говорит Шмидт.

Вся эта теория построена на ряде гипотез и не объясняет главного: как же возникла жизнь. Ведь должна же была она как-то возникнуть на первом небесном теле, откуда она распространилась.

В новейшее время бактериологи открыли микроорганизмы, которые невидимы при самых сильных увеличениях микроскопа.

Мы дошли, таким образом, до пределов видимого. Имеем перед собой организмы, которые по размерам близки к частицам живого вещества, молекулам. Представление об организме здесь как бы стирается и совпадает с представлением о частице материи.

Невозможность самозарождения еще не является доказанной до настоящего времени. И пока нет другого исхода, вполне вероятно допускать возможность, что самозарож-

дение произошло в те времена жизни, во времена, отдаленные от наших на многие миллионы лет, когда физические условия на нашей планете были иными.

Теперь коснемся вопроса, где именно, в какой области возникла первая жизнь.

В этом отношении, кажется, не возникает разногласий. Море – колыбель жизни. В море, в соленой стихии затеплилась первая жизнь на земле. Вот почему для жизни необходимы вода и известные соли. Жизнь родилась в море и требует условий моря. И когда мы льем соленые слезы, то должны помнить, что родина наша – соленая стихия.

Когда живые существа населяли море, суша, по-видимому, была пуста и безжизненна. И только позднее они переселились на сушу, приспособив свое обильное влагой тело к перенесению солнечного зноя, овладели поверхностью и устремились в воздух.

Продолжительность отдельных геологических периодов, на которые делится история земли, тем значительнее, чем дальше отстоят от современности эти периоды. Время, которое прошло до появления на Земле первых живых организмов, должно было являться на много миллионов лет более продолжительным, чем время, которое прошло с тех пор.

Так называемая палеозойская эра, или «эра древней жизни», в течение которой на нашей планете обитали преимущественно морские животные, продолжалась в течение значительно большего времени, чем последовавшая за нею мезозойская, средняя эра, во времена которой господствовали на земле гигантские вымершие пресмыкающиеся животные, как, например, ихтиозавр, плейтиозавр, огромные деревья, гигантские папоротники, хвощи, скелеты и окаменевшие отпечатки которых находит описанная автором экспедиция под слоем из вулканической лавы, золы и других геологических пород на дне Индийского океана. И наконец продолжительность новейшей эры, или так называемой кенозойской, в течение которой господство перешло к млекопитающим, должна исчисляться на много со-

тен тысяч лет меньше, чем продолжительность мезозойской эры.

История жизни на земле дает не только свидетельства о глубокой древности. Она раскрывает картину постепенного появления на земле все более и более сложных организмов, от простейших и наиболее древних представителей животного и растительного мира до высших, живущих в современную геологическую эпоху, от беспозвоночных животных до млекопитающих.

Сравнительная анатомия устанавливает, что млекопитающие произошли от вымерших представителей пресмыкающихся и земноводных, а те в свою очередь – от некоторых более древних рыб.

Ближайшие к человеку высшие млекопитающие, приматы, появляются уже в начале третичного периода, а высшие приматы, несущие в своем организме признаки человекообразных обезьян, появляются позднее, в миоценовую эпоху.

Постепенное охлаждение земной поверхности нашей планеты вместе с некоторыми другими причинами вызвали в прошлом значительные колебания, изменения и изгибы твердой земной коры. Можно думать, что в более ранние периоды жизни земли и суша и покрывающие ее водная и воздушная оболочки подвергались еще более резким, частым и сильным изменениям.

В результате таких колебаний являлись многократные землетрясения, извержения вулканов, наступления моря на сушу, погружения иногда целых материков в океанические пучины и, наоборот, выступления из морей огромных пространств материковой земли, как, например, потонувший материк Гондвана, который находился на месте современного Индийского океана и который соединял нынешний остров Мадагаскар с Индийским полуостровом Азии и с Австралией и который исчез в лоне океана в конце третичного периода.

Геолог Иванов в романе рассказывает: «Постепенное остывание земного шара налагает свои следы на поверхность планеты; верхние слои земли, подобно остывшему

печеному яблоку, образуют грандиозные морщины – горы. Эти явления, действие подземных вулканических сил и ряд прочих причин влекут за собой постоянное перемещение воды и суши. Земной лик изменяется: океан поглощает сушу, суша оттесняет море. Лучшим примером этой борьбы суши и моря служит Голландия».

Для геологических изысканий на таком затонувшем материке выезжает из Ленинграда экспедиция на «Фантазере». В усовершенствованных водолазных костюмах часть экспедиции опускается на дно Индийского океана.

Геолог говорит: «Наука об истории и строении земли, геология, доказала существование материка, соединявшего некогда Бразилию с Африкой».

Долгое время ученые думали, что на больших океанических глубинах нет животной жизни. Действительно, в океанах имеются глубины в несколько километров. Самая большая известная до сих пор глубина – больше высочайшей из существующих до сих пор на земле гор; она превышает девять километров.

На этих глубинах господствует вечный мрак, дневной свет не проникает сквозь эту огромную толщу воды. Там царят мрак и холод, так как вода не нагревается солнцем. Вместе с тем, на большой глубине мы находим страшное давление: давит тяжесть всей толщи воды и давит с такой огромной силой, что она была бы способна раздавить, сплющить даже стальную пушку. Казалось бы, что при таких условиях невозможна никакая жизнь.

Но научные исследования показали, что эти мрачные, черные глубины населены целым миром, как животным, так и растительным.

Во время обследования дна океана экспедиция натолкнулась на древние руины. Современная наука о вымерших живых существах имеет немалое количество документов. При раскопках находили окаменевшие остатки разнообразных живых существ, отпечатки перьев древних птиц, отпечатки ног древних земноводных и пресмыкающихся, похожих на наши, находили скелетные остатки человека, жившего в разные времена, его орудия, целые селения.

Известны и иные виды сохранения древних остатков живых существ природою, как, например, отпечатки тела насекомых в затвердевшей смоле, в янтаре и др. Автор повествует о сохранении в янтаре целых насекомых.

При дальнейших раскопках экспедицией были обнаружены «кучка углей и золы, обглоданные кости животных, кухонный мусор... И около – совсем сохранившийся скелет нашего предка». Это существо знало огонь, пользовалось орудием, но, по мнению палеонтолога, не было еще настоящим человеком. Человекообразное существо занимало промежуточное место между современными человекообразными обезьянами и человеком.

Орудие и огонь – эти два основных элемента человеческой культуры – дали человеку когда-то, в глубокой древности, огромные преимущества перед всеми другими живыми существами в борьбе за существование.

Самые развитые в умственном отношении животные, например, некоторые из обезьян, умеют пользоваться предметами, которые доставляет им природа. Когда преследует их человек в тропическом лесу или на горном склоне, некоторые из них швыряют в нападающего плоды деревьев, камни. Но никакая обезьяна не может дойти до мысли приспособить себе в качестве орудия камень или кусок дерева. Путем дрессировки можно научить обезьяну, собаку всевозможным действиям, похожим на человеческие. Но ни одно из этих животных не способно на творчество, изобретательность.

Не подлежит сомнению, что такие завоевания достались первобытному человеку с большим трудом, но это его и выделило из среды более низших человекообразных.

Так называемый «каменный век» принято разделять на древнекаменный, когда пользовались только отколотыми, обожженными, отбитыми каменными орудиями, вели бродячий охотничий образ жизни, жили в пещерах и не имели домашних животных, и ново-каменный, период полированных орудий, когда уже имели искусственные жилища, глиняную посуду, домашних животных.

Раскопки экспедиции в найденной пещере превысили самые смелые ожидания. Был возведен прозрачный полый колпак над двухсотметровой площадью пещеры, раскопки продолжались в условиях, близких к тому, что было на земной поверхности.

Глазам путешественников представилась необычайная картина. «В густом тумане они различали полукруглые своды пещеры, опирающиеся на несколько массивных колонн. Каждая из них представляла редчайший памятник архитектуры допотопного человека». Пещера состояла из трех комнат. В последних были обнаружены забальзамированные мумии мужчины и женщины. В пьедестале, на котором покоилось тело мужчины, были обнаружены герметически закупоренные и наполненные желтоватой прозрачной жидкостью внутренние человеческие органы. Мумия же женщины вскрыта не была, и все органы находились нетронутыми.

На пьедестале лежал обнаженный труп гондванца. «У него бросались в глаза удлинённая голова, резко выдающаяся нижняя челюсть и подбородок, более длинные руки», чем у современного человека. Кишечный канал его был равен почти одиннадцати метрам, на десять зубов имел он больше. Состав крови приближался к составу крови человекообразной обезьяны.

Таким образом, мы видим, что гондванец отличался не только от современного человека, но и от дикаря Африки. Он приближался к человекоподобной обезьяне.

В тысяча восемьсот девяносто первом году голландский военный врач Дюбуа нашел на острове Яве на глубине двенадцати-пятнадцати метров два коренных зуба и окаменевшую черепную крышку неизвестного человекообразного существа. Тщательно изучив найденные им части скелета, доктор Дюбуа назвал его по-латыни «питекантроп», что по-русски значит «обезьяночеловек выправленный», т. е. прямоходящий. По строению и форме частей скелета он занимает среднее место между обезьяной и человеком. Слои, в которых были обнаружены его остатки, по определению

Дюбуа, можно было с большей вероятностью отнести к самому концу третичного периода.

В тысяча девятьсот двадцать пятом году снова было сделано открытие новой ископаемой человекообразной обезьяны.

Устройство человеческого скелета, устройство пищеварительной, кровеносной, нервной, мочеполовой систем, строение тканей тела (костей, мускулов), строение клеток, из которых состоят эти ткани, строение человеческого зародыша и его развитие не позволяют отделять человека от животных, определяют его место среди них, указывают пути для сравнения при изучении человека как живого организма.

Своеобразие внешнего вида человеческого тела с его гладкой кожей, лишенной шерсти, как будто резко отличают человека от всех животных. Однако присутствие у людей, особенно у мужчин, явно выраженной волосатости рук, ног, груди и спины, достигающей у некоторых народностей, как, например, у айнов на северном японском острове Иезо, на Сахалине и других, довольно большой густоты, уже наводит на мысль о том, что волосистой покров, ненужный современному человеку, как орудие борьбы за существование для защиты тела от холода и жары, быть может, является остатком того покрова, которым могло быть одето тело животных, отдаленных предков человека.

Редкою, но тем не менее встречающейся у человека ненормальностью является также увеличение числа молочных грудных желез и сосцов. Это явление невольно наводит мысль на сравнение с молочными железами и сосцами животных, как, например, собаки, кошки.

У современных взрослых полуобезьян мы встречаемся только с одной вполне развитой и выделяющей у самок молоко парой грудных сосцов. Имеющиеся остальные на брюхе остаются недоразвитыми, зачаточными. Мы видим пример, когда недоразвиваются ненужные сосцы, но предки их, очевидно, рождали несколько детенышей и в соответствии с этим имели большее количество сосцов и желез. Образ жизни быстро и ловко лазающих обезьян при-

вел к тому, что современные полуобезьяны рожают только одного детеныша.

Одним из наиболее ярких фактов, которые открывает в строении человеческого тела сравнительная анатомия, является присутствие у человека постепенно исчезающих зачатков и следов хвоста. У взрослого человека эти следы имеются в виде несколько недоразвитых позвонков, в числе пяти или четырех, образующих так называемый копчик.

Способность человека к прямому хождению на двух ногах связана самым тесным образом со строением его скелета, мускульной системы с расположением его внутренних органов. Она состоит также в теснейшей связи с устройством человеческой ноги и руки.

Человекообразные обезьяны обладают способностью ходить на двух ногах, как и человек, но эта способность у них очень несовершенна. Они являются все же лазающими и несут в своем скелете и органах больше черт сходства с четвероногими животными, чем человек.

У предков человека, так же как и у предков современных высших обезьян, длина руки приближалась к длине ноги. Рука человека в связи с его образом жизни претерпевала постепенное укорочение и, наоборот, у современных человекообразных обезьян, в полном соответствии с их жизнью в лесах, рука приобрела значительно большую длину, чем у их предков.

Чрезвычайно характерным примером зачаточного органа, указывающего на строение и образ жизни предков, является так называемый червеобразный отросток слепой кишки, который у современного человека не только не играет никакой роли в пищеварении, но, наоборот, является лишним, легко подвергающимся заболеваниям.

Наилучшим способом избавления от заболевания его является хирургическое его удаление. Среди млекопитающих недоразвитый, как у человека, червеобразный отросток встречается лишь у высших обезьян. Наоборот, хорошо развитая слепая кишка, играющая значительную роль в пищеварении, имеется у тех животных, которые питаются

трудно перевариваемой твердой растительной пищей, как, например, у кролика, кенгуру.

У таких животных слепая кишка своей величиной даже превосходит желудок и служит, по видимому, органом, где непереваренные пищеварительными соками желудка и кишек растительные остатки подвергаются химическому разложению и разрушению бактериями.

Зачаточный характер червеобразного отростка у человека, более сильное его развитие у зародыша, указывает на перемену в способах питания и в самом питательном материале, пережитую предками человека, среди которых должны были существовать организмы, питавшиеся грубой растительной пищей.

Кроме того, сама длина пищеварительного канала находится в связи с родом пищи. Так, у растительноядных животных, где пища требует большей переработки, пищеварительный канал длиннее, нежели у мясоедных. Так, у овцы длина кишечного канала в двадцать восемь раз превосходит длину тела, а у львов только в три раза.

По строению зубов человек является всеядным. Он обладает не только зубами с острыми режущими коронками, но также и с широкими коронками, служащими для измельчения и растирания растительной пищи. Есть основания предполагать, что количество зубов у предков приматов было значительно большее; на это указывает такой факт, как часто встречающийся у человека зачаток еще одного лежащего за «зубами мудрости» коренного зуба.

Частая заболеваемость, а также сравнительная хрупкость и слабость зубов у высших человеческих рас не могут быть объяснены лишь одним вредным влиянием некоторых пищевых элементов, но должны быть рассматриваемы как свидетельства некоторого вырождения зубов, которые становятся человеку все менее и менее нужными и уступают свою роль огню и машинам, делающим пищу человека менее твердой, более мелкой и более податливой химическому действию пищеварительных соков.

Работая над вскрытием мумии, ассистент разговаривает с Ибрагимовым:

– Сравните хотя бы наши фигуры с мощной фигурой Неора. Пигмеи мы против него... Зубов меньше, мускулатура дряблее, кишечник меньше...

– Я понимаю, что мой образ жизни приведет к атрофии целого ряда органов...

Острота зрения и слуха у человека вообще невелика. Орган зрения какой-нибудь хищной птицы, высматривающей добычу, или ухо кошки, различающей малейшие шорохи, являются более тонкими, чем у человека. Такие болезни глаза, как близорукость, которые встречаются все чаще и чаще у культурных народов и неизвестны первобытным дикарям, должны рассматриваться как результат перехода современного человека от первобытной, почти животной жизни к жизни, которая связана с книгой, с мозговой работой, делающей зоркость на открытых местах ненужной.

Особенно большому регрессу, по-видимому, подвергся у человека орган обоняния. Способность ощущать запахи у человека является меньшей, чем у более низко организованных животных.

В тесном соотношении находится объем мозга с величиной черепа, более вместительного у человека, чем у животных. У последних же является большей та часть скелета головы, которая связана с челюстным аппаратом и органом обоняния.

Сравнение строения человеческого тела с животными организмами подтверждает единство в устройстве у позвоночных животных и общность биологических законов, которым подчиняются все живущие на земле. Последовательное появление все более и более сложных организмов в течение долгих миллионов лет подтверждает верность эволюционной идеи о происхождении.

Одна из основных функций живых существ как животных, так и растительных – это рост. Известно, однако, что рост любого живого существа не беспределен. Достигнув этого предела, организм переходит к новой деятельности, размножению. Размножение, таким образом, является как бы продолжением роста. Многие травянистые растения,

достигая предельных размеров, дают подземные или наземные побеги, от которых вырастают затем новые растения. То же, по существу, происходит и у многих животных, особенно у просто организованных.

Амеба, которая представляет собой живой подвижный комочек протоплазмы, достигнув предельного возраста, начинает размножаться путем простого деления. Разделившись пополам, молодые амебы расходятся в разные стороны.

У других представителей простейших приходится видеть отделение от тела лишь небольшого участка, как бы почти на стебле. Этот процесс называется почкованием. Деление и почкование свойственны и многим высшим многоклеточным существам. У них он стоит в связи со свойственной многим из них способностью восстанавливать утраченные части организма.

Эта способность восстановления называется регенерацией. Она свойственна даже таким высокоорганизованным животным, как ящерицы, крабы, у которых, как известно, быстро отрастают оторванные хвост и ноги.

Регенерация утраченных частей есть явление, чрезвычайно широко распространенное в живой природе. Каждая ткань организма, из которых особенно легко соединительная, за исключением нервных клеток, сохраняет способность к размножению на протяжении всей индивидуальной жизни животного.

Если гидра греческой мифологии восстанавливает отрубленные головы, то обыкновенная бурая гидра наших прудов проявляет еще более удивительную регенерационную способность.

Способность эта не безгранична. Чем выше организовано животное, тем меньше способность восстанавливать утраченные части.

Ибрагимов увлекается желанием оживить гондванку. Работает сначала с изолированными органами.

В последнее время делались попытки изолировать целые органы и системы органов, попытки подчас увенчивались большим успехом.

Классическим объектом, на котором разработана методика изолированных органов, является сердце лягушки. В одну из ветвей аорты вводится канюля. Такая же канюля вводится в венозный синус. Через последнюю пропускается подогретый и насыщенный кислородом раствор Рингер-Локка (питательный, названный по имени авторов). Такое изолированное сердце помещается во влажную камеру – наблюдается произвольное сокращение сердца в течение нескольких дней.

Первые опыты, направленные к оживлению сердца млекопитающих, не увенчались успехом.

В тысяча восемьсот девяносто восьмом году этот опыт удался Лангендорфу на кролике, а в тысяча девятьсот втором году профессор Томского университета Кулябко изолировал сердце ребенка через четыре часа после смерти и наблюдал его биение.

Словцову удалось изолировать участок кишечника кролика при помещении его в теплый, насыщенный кислородом раствор.

Каррель изолировал у кошки все брюшные и грудные органы вместе. Кровь этого животного заменялась кровью другой кошки, и вырезанные таким образом органы помещались в теплый рингеровский раствор в особую камеру. Такой необычайный «организм» оставался живым до полусуток. Сердце ритмически сокращалось, кислород, введенный в трахею, поглощался легкими, желудок переваривал пищу. Через мочеточник и прямую кишку выделялись моча и экскременты.

Понятно, что надеяться на длительное переживание такой совокупности органов было трудно. Лишенные координирующего влияния нервной системы, органы скоро переставали работать.

Возникает вопрос, можно ли заставить функционировать вне организма наиболее сложный и деликатный механизм тела животного – головной мозг. Знаменитый Браун-Секар разрешил эту задачу в жутком опыте оживления отрезанной головы. Собаке, которая знала свою кличку, отрезали голову, и через сонные артерии (которые питают мозг)

была введена кровь. Когда собаку позвали по имени, глаза в отрезанной голове поворачивались на звавший голос.

Во время опыта часто органы подвергаются инфекции – заражению. Крупнейший советский ученый – Кравков – использовал другие, лишенные этих недостатков объекты, а именно: кроличье ухо и человеческий палец. Ухо отрезалось у живого кролика, в артерию вводилась канюля, и через нее под определенным давлением пропусклась жидкость Рингер-Локка. При таких условиях жизнедеятельность отрезанного уха была чрезвычайно длительной. Палец отрезался у трупа, высушивался до состояния мумии и в таком состоянии сохранялся месяцами. Затем размачивался, и через сосуды пропусклась питательная жидкость. Орган снова проявлял жизнедеятельность. Сосуды сокращались, ноготь рос, выделялся пот.

«Не без интереса наблюдал он (геолог) за тем, как из трупа выкраивали потерянные оперируемым суставы, целую челюсть. Он видел, как отложенные косточки большого пересаживались на лицо, где они заменили расплюснутый нос, разбитую челюсть...»

«Из белокожего Ибрагимов превратился в смуглотелого гондванца». Ему изменили форму черепа и нижнюю челюсть.

Несмотря на трудности, сопряженные с приживлением тканей, экспериментальной биологии удалось решить с помощью метода трансплантации (пересадки) целый ряд весьма важных проблем.

Пересадка тканей приобрела в хирургической клинике в настоящее время права гражданства. Пересаживают кожу, мышцы, фасции, брюшину, жировую и костную ткани, участки сосудов и даже органы. Кожа и слизистые оболочки пересаживаются на обожженные, изъязвленные, обмороженные места, и дефекты закрываются. Костяные пластинки пересаживаются для восстановления целостности кости, пораженной туберкулезом или каким другим процессом, для укрепления искривленного позвоночника и т. д. Жировая и костная ткани пересаживаются в космети-

ческих целях для устранения обезображивающих черты рубцов, заплывших частей лицевого скелета.

Наиболее практическое значение имеет пересадка желез внутренней секреции. Особенно настойчиво пропагандирует эту идею русский ученый Воронов, живущий во Франции.

Развивая идеи Браун-Секара о возбуждающем «омолаживающем» действии экстрактов семенников животных на человеческий организм, Воронов высказывает положение, что пересадка семенников животных человеку является живительным фактором стареющего организма. Результаты были не всегда удачны, но некоторые пациенты долго сохраняли улучшенное состояние организма.

Устанавливая определенную зависимость процессов обмена веществ в организме от придатка головного мозга, в последнее время успешно идут опыты с пересадкой его для «омоложения», тем более, что благоприятное действие наблюдается как у мужских, так и у женских особей.

Надо отметить, что основу для перемещения здесь центра внимания на придаток мозга дали наблюдения о прямой связи по результатам деятельности его с деятельностью половых желез. Наблюдали после удаления половых желез увеличение придатка мозга более чем вдвое в связи с тем, что он, по видимому, брал на себя отчасти в таком случае их задачу.

Иост удачно сращивал во всевозможных направлениях разрезанных дождевых червей.

Венский ученый Финклер пересаживал головы у различных видов водяных жуков. Пересаженные головы приживались у нового хозяина. Одновременно появились ценные работы Коннапого. Он производил пересадку глаз у самых разнообразных животных: рыб, амфибий и млекопитающих. Глаз совершенно приживал, видел, проявлял движение. Например, лягушки и крысы с пересаженными глазами бегали, обходя на своем пути все препятствия.

«Следует только вспомнить теорию знаменитого Гентера, заявившего, что жизнь человека, пожалуй, можно продлить до тысячи лет, если овладеть тайнами анабиоза».

С анабиозом связано явление оживления видимо мертвых организмов. Это явление близко к состоянию между смертью и жизнью.

Открытие этого явления сделано двести лет тому назад.

Левенгук, рассматривая песок, который был взят из свинцового желоба крыши, в микроскоп заметил, что в воде появились какие-то маленькие живые существа. Это были коловратки, неизвестные до тех пор и ожившие в воде после высушивания.

Нигдэм высушивал устриц на стекле и снова их оживлял водой. Наблюдал, что они утрачивали жизнь и вновь приобретали. Теперь считается вполне установленным, что такие существа, как коловратки, тихоходки, круглые черви, способны оживать после более или менее полного высушивания. Эта способность свойственна не всем формам, а лишь тем, которые подвергаются постоянно переменному высушиванию и увлажнению.

Главнейшими оживающими представителями животных являются обитатели мхов, лишайников, растущих на камнях, крышах домов. Они при естественных условиях легко подвергаются то полному высушиванию под действием палящего солнца, то обильно смачиваются дождем. Были произведены опыты с лягушками, жабами и дождевыми червями.

Джэкобс и Бауман считают, что в высушенных животных остается некоторое количество свободной воды (без которой невозможен никакой обмен веществ), а следовательно, возможны некоторые процессы обмена веществ, возможна пониженная жизнь.

Шульц считает высушивание полным и жизнь совершенно приостановленной.

С начала двадцатого века изучение анабиоза пошло по линии исследования анабиоза при замораживании (Бахметьев и другие).

Давно было известно, что понижение температуры замедляет и даже приостанавливает жизненные процессы. Рыбы, лягушки, жабы и змеи могут совершенно замерзать, при повышении температуры оттаивать и оживать.

В том и другом случае основой явления надо считать отнятие воды от живых коллоидов. И анабиоз при замерзании сводится к анабиозу при высушивании.

«Конечно, — как говорит Шмидт, — в вопросе об анабиозе еще много невыясненного, и впереди простирается обширное поле для экспериментальных исследований».

Надо думать, что они дадут еще более основательную почву для уже уточненной научной фантазии беллетриста, которая в свою очередь способна натолкнуть и мысль кропотливого работника науки на новые достижения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВРЕДНАЯ ФАНТАСТИКА

Этот «научно-фантастический» роман написан Г. Берсеновым, называется он «Погибшая страна» и выпущен издательством «Молодая гвардия» тиражом в 5.100 экземпляров в серии «Художественная библиотека приключений, краеведения и научной фантастики, под редакцией С. П. Полтавского».

Содержание романа таково. Около 2.000 года советские (!!!) ученые опускаются на морское дно и исследуют там остатки погибшей некогда в пучине страны Гондван. Молодой физиолог Ибрагимов находит там мумию женщины-историка Гонды, умершей 25 тысяч лет назад. Ибрагимов оживляет Гонду и... разумеется, влюбляется в нее. В Абхазии советская власть создает заповедник с целью дать возможность Гонде в первое время очутиться в условиях, к которым она привыкла в древности. В этом заповеднике Ибрагимов и Гонда поселяются в условиях, похожих «на райское бытие Адама и Евы» (слова Ибрагимова). Ибрагимов испытывает страстное вожделение к «молодой девушке» (автор уже забыл, что ей 36 лет). Кончается вся эта идиллия, как и следовало ожидать, взаимной любовью. Затем Ибрагимов просит Гонду рассказать ему о древней Гондване и восклицает: «Может быть мы скоро убежим туда из этого плена!..»

Из какого это «плена» мечтает удрать советский ученый (в 2.000-ном году!!!).

Автор задался целью сообщить читателю сведения по всем наукам сразу: геологии, палеонтологии, физике, археологии, биологии, физиологии, океанографии и т. д. т. д. Что

из этого вышло не трудно понять. Изложение носит крайне сумбурный характер.

Спрашивается: почему вышло так, что «Молодая гвардия» потратила более семидесяти пяти тысяч листов остро-дефицитной бумаги на издание этой вредной чепухи? Причина этому та, которую нам уже неоднократно приходилось констатировать: пренебрежительное отношение писателей, критиков и издателей к научной фантастике, полная загнанность у нас этого жанра, которым занимаются случайные люди.

Литературная газета. 1931. № 25. С. 3

От издательства

Роман Г. Берсенева «Погибшая страна» – очевидный предшественник «Тайны двух океанов» Г. Адамова – публикуется по изданию 1930 г. Сведениями об авторе мы не располагаем.

В нашей публикации исправлен ряд опечаток исходного издания; отдельные устаревшие особенности орфографии и пунктуации приведены в соответствие с современными нормами.

В публикации сохранено издательское предисловие, приложенная к изданию 1930 г. «карта страны Гондван и Антлантиды» (на с. 73) и послесловие проф. П. Обросова и Т. Серовой. Любопытно отметить, что в этом послесловии цитируются не вошедшие в издание 1930 г. отрывки: это означает, что авторы послесловия работали с рукописью и что книга Г. Берсенева по тем или иным причинам подверглась сокращениям. Пример чуть ли не лихорадочной правки «по живому» можно найти на с. 149 издания 1930 года, где абзац «Время было раннее, шел только четвертый час. В каюте еще никого не было» сохранился также в виде «Время было раннее, шел только четвертый час, и потому в каюте никого не было».

Предосторожности издательства, представившего роман временно как познавательное чтение и «своего рода заказ, задание будущим поколениям, веку, ориентируясь на которую, может идти вперед научное мышление», не помогли. Уже в 1931 г. в «Литературной газете» появилась разгромная и близкая к печатному доносу рецензия А. Палея (она приведена нами в приложении). Нападки на «Погибшую страну» – шедшие на фоне «перестройки литературно-художественных организаций» и образования Союза писателей – продолжались и позднее, а автор книги, судя по всему, к фантастике больше не возвращался.

Оглавление

От редакции	7
Погибшая страна	9
<i>П. Обросов, Т. Серова. Научные достижения наших дней</i>	194
Приложение	
<i>А. Палей. Вредная фантастика</i>	213
От издательства	215

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.